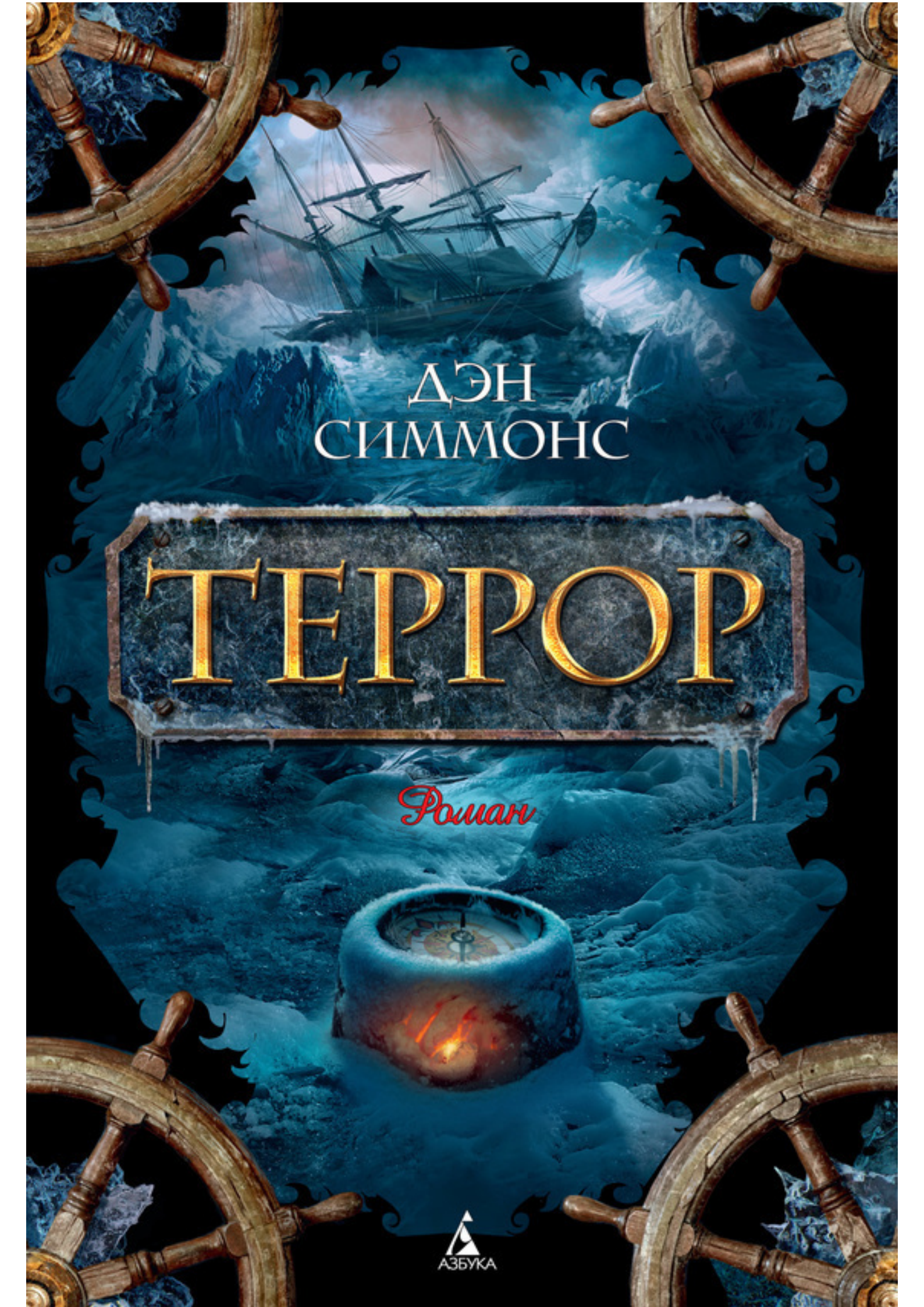

ДЭН
СИММОНС

ТЕРРОР

Роман

ДЭН СИММОНС

Террор

«Азбука-Аттикус»

2007

Симмонс Д.

Террор / Д. Симмонс — «Азбука-Аттикус», 2007

В 1845 году экспедиция под командованием опытного полярного исследователя сэра Джона Франклина отправляется на судах «Террор» и «Эребус» к северному побережью Канады на поиск Северо-Западного прохода из Атлантического океана в Тихий – и бесследно исчезает. Поиски ее затянулись на несколько десятилетий, сведения о ее судьбе собирались буквально по крупицам, и до сих пор картина происшедшего пестрит белыми пятнами – хотя осенью 2014 года грянула сенсация: после более чем полутора веков поисков «Эребус» был наконец обнаружен, и ученые уже готовятся приступить к изучению останков корабля, идеально сохранившихся в полярных водах. Но еще за несколько лет до этого поразительного открытия Дэн Симмонс, знаменитый автор «Гипериона» и «Эндимиона», «Илиона» и «Олимпа», «Песни Кали» и «Темной игры смерти», предложил свою версию событий: главную угрозу для экспедиции составляли не сокрушительные объятия льда, не стужа с вьюгой и не испорченные консервы – а неведомое исполинское чудовище, будто сотканное из снега и полярного мрака.

© Симмонс Д., 2007
© Азбука-Аттикус, 2007

Содержание

1	7
2	15
3	24
4	35
5	40
6	45
7	51
8	61
9	68
10	75
11	80
12	87
13	95
14	103
15	111
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Дэн Симмонс

Террор

Посвящаю, с любовью и благодарностью за неизгладимые полярные впечатления, Кеннету Тоби, Маргарет Шеридан, Роберту Корнуайту, Дугласу Спенсеру, Дейви Мартину, Уильяму Селфу, Джорджу Финнеману, Дмитрию Тёмкину, Чарльзу Ледереру, Кристиану Найби, Говарду Хоуку и Джеймсу Арнессу.

Dan Simmons

THE TERROR

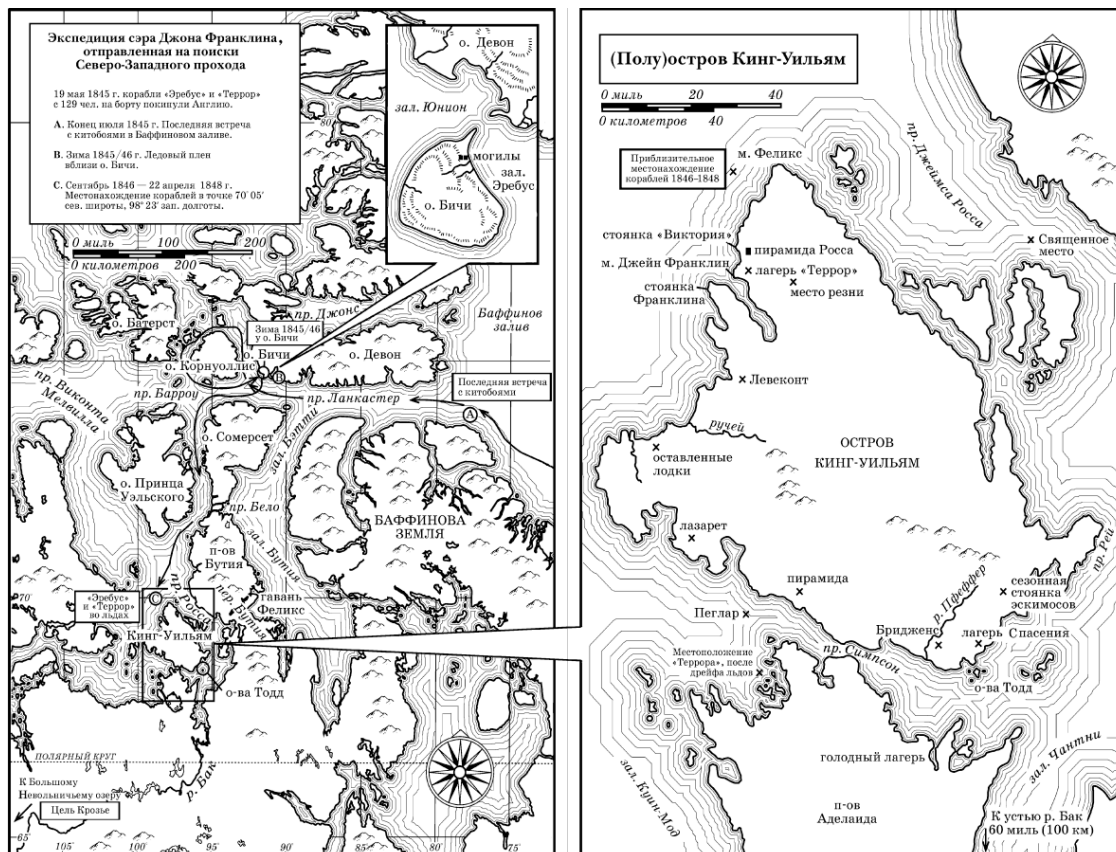
Copyright © 2007 by Dan Simmons

All rights reserved

© М. Куренная, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

Белизна, лишенная приятных ассоциаций и соотнесенная с предметом и без того ужасным, усугубляет до крайней степени его жуткие качества. Взгляните на белого полярного медведя или на белую тропическую акулу; что иное, если не ровный белоснежный цвет, делает их столь непередаваемо страшными? Мертвенная белизна придает торжествующе-плотоядному облику этих бесчеловечных тварей ту омерзительную вкрадчивость, которая вызывает еще больше отвращения, чем ужаса. Вот почему даже свирепый

тигр в своем геральдическом облачении не может так пошатнуть человеческую храбрость, как медведь или акула в белоснежных покровах.

Герман Мелвилл. Моби Дик, 1851

1

Крозье

70°05' северной широты, 98°23' западной долготы

Октябрь 1847 г.

Поднявшись на палубу, капитан Крозье видит свой корабль под натиском небесных фантомов. Над ним – над «Террором» – мерцающие складки света выстреливают вперед, но в следующий миг отпрядают назад, точно разноцветные руки агрессивных, но все-таки нерешительных призраков. Эктоплазматические пальцы протягиваются к кораблю, растопыриваются, готовясь схватить, и отдергиваются.

Температура воздуха минус пятьдесят градусов по Фаренгейту¹ и быстро падает. Из-за тумана, сгустившегося ранее, в течение единственного часа бледных сумерек, до которого теперь сократился день, укороченные мачты (стенги, брам-стенги, верхний рангоут и такелаж были сняты и убраны, чтобы свести к минимуму опасность обрушения на палубу льда и вероятность опрокидывания судна из-за веса ледяных наростов на них) сейчас похожи на обледенелые деревья с грубо обрубленными ветвями и спиленными верхушками, отражающие сполохи полярного сияния, пробегающие по небу от одного еле различимого горизонта до другого. Пока Крозье смотрит, торосистые ледяные поля вокруг корабля становятся голубыми, потом багрово-фиолетовыми, а затем ярко-зелеными, как холмы его детства в Северной Ирландии. На краткий миг возникает ложное впечатление, будто гигантский айсберг, находящийся почти в миле впереди по правому борту и загораживающий от взгляда второй точно такой же корабль, «Эребус», источает цветное сияние изнутри, полыхая своим собственным холодным пламенем, сокрытым в недрах.

Подняв воротник и запрокинув голову по сорокалетней привычке проверять состояние мачт и такелажа, Крозье замечает, что звезды над головой горят холодным ровным светом, но над горизонтом они не только мигают, но также, если смотреть на них пристально, перемещаются, прыгая влево-вправо и вверх-вниз. Крозье видел такое и прежде – не только в этих водах во время предыдущих экспедиций, но и в Антарктике, вместе с Россом, – и один ученый, ходивший с ними в плавание к Южному полюсу, человек, который провел первую зиму во льдах, шлифуя и полируя линзы для своего телескопа, сказал Крозье, что, вероятно, такое поведение звезд объясняется быстро меняющимся углом преломления света в холодном воздухе, лежащем тяжелыми, но подвижными массами над скованными льдом морями и невидимыми полярными землями. Другими словами, над новыми материками, доселе сокрытыми от глаз человека. «Или по крайней мере, – думает Крозье, – здесь, в Арктике, – от глаз белого человека».

Крозье со своим другом и тогдашним начальником экспедиции Джеймсом Россом открыли именно такой новый континент – Антарктику – без малого пять лет назад. Они назвали море, залив и материк именем Росса. Они назвали горы именами своих друзей и покровителей. Они нарекли два вулкана, видневшиеся на горизонте, в честь своих кораблей – вот этих самых кораблей, – дав дымящимся горам названия Террор и Эребус. Крозье удивило, что они не назвали какой-нибудь значительный географический объект в честь корабельного кота.

Они ничего не назвали в честь его. И сейчас, вечером зимнего сумеречного дня в октябре 1847 года, ни один арктический или антарктический материк, остров, залив, фиорд, горный хребет, вулкан или паршивый айсберг не носит имени Френсиса Родона Мойры Крозье.

¹ То есть –45° по Цельсию.

Крозье глубоко плевать на это. Едва подумав об этом, он осознаёт, что малость пьян. «Ну что ж, – думает он, машинально удерживая равновесие на обледенелой палубе, теперь наклоненной на двенадцать градусов к правому борту и на восемь градусов к носу, – последние три года я чаще пьян, чем трезв, не так ли? В пьяном виде я по-прежнему остаюсь лучшим моряком и капитаном, чем жалкий бедолага Франклин – в трезвом. Или его розовощекий шепелявый пуделек Фицджереймс, коли на то пошло».

Пьян с тех самых пор, как София...

Крозье трясет головой и направляется по обледенелой палубе к носу и к единственному вахтенному, которого он может разглядеть в мерцающем свете полярного сияния.

Это низкорослый, похожий на крысу Корнелиус Хикки, помощник конопатчика. Здесь, на посту, в темноте все мужчины выглядят одинаково, поскольку все обеспечены одинаковым зимним обмундированием – толстой непромокаемой шинелью, под которую надеваются фланелевые и шерстяные рубахи, фуфайки и свитера; округлыми пухлыми рукавицами, торчащими из широких рукавов; так называемым «уэльским париком», то есть толстой вязаной шапкой с «ушами», плотно прилегающей к черепу и часто надеваемой в комплекте с длинным шерстяным шарфом, который наматывается на голову так, что остается виден только кончик обмороженного носа. Но каждый мужчина вносит в свое обмундирование что-то своеобычное – порой добавляя к нему шарф, взятый из дома, дополнительный «уэльский парик», который натягивается поверх первого, либо, возможно, разноцветные перчатки, связанные любящей матерью, женой или подругой и торчащие из-под форменных рукавиц Военно-морского флота Великобритании, – и Крозье научился распознавать всех своих оставшихся в живых пятьдесят девять офицеров и матросов даже со значительного расстояния и в темноте.

Хикки смотрит неподвижным взглядом вперед, за обросший сосульками бушприт, передние десять футов которого сейчас утоплены в гряде торосов, поскольку корма британского военного корабля «Террор» под давлением льда поднялась, а нос, соответственно, опустился. Помощник конопатчика так глубоко погружен в свои мысли или так сильно застыл, что не замечает приближения капитана, пока Крозье не становится рядом с ним у поручня, превратившегося в алтарь изо льда и снега. К этому алтарю прислонен дробовик вахтенного. Никому неохота притрагиваться к железу на морозе, даже в рукавицах.

Хикки слегка вздрагивает, когда Крозье опирается на поручень рядом с ним. Капитан «Террора» не видит лица двадцатилетнего парня, но клубы пара от дыхания – моментально превращающиеся в облачка ледяных кристаллов, искрящиеся в свете сполохов, – вырываются из-под туго намотанных на голову поверх «уэльского парика» шерстяных шарфов.

Зимой во льдах члены экипажа обычно не отдают честь, даже не прикасаются небрежно пальцами ко лбу, каковым жестом положено приветствовать офицеров в плавании, но тепло закутанный Хикки легко шаркает ногой, пожимает плечами и чуть наклоняет голову, как принято делать при встрече с капитаном на палубе. Из-за мороза время дежурства сократили с четырех часов до двух – видит бог, думает Крозье, на нашем переполненном корабле достаточно людей для этого, даже если удвоить число вахтенных, – и по медленным движениям Хикки он понимает, что парень окоченел от холода. Сколько бы раз он ни повторял часовым, что они должны постоянно двигаться, ходить взад-вперед, совершать бег на месте, прыгать при необходимости, не отвлекаясь от наблюдения за льдами, они все равно предпочитают большую часть времени стоять неподвижно, словно находятся в южных морях, одетые в тропическую хлопчатобумажную форму, и высматривают в воде русалок.

– Капитан.

– Мистер Хикки. Что у вас?

– После тех выстрелов – ничего... после того одного выстрела... почти два часа назад. А совсем недавно я услышал, то есть мне показалось, что я услышал... может, крик или что-

то вроде, капитан... из-за того айсберга. Я доложил лейтенанту Ирвингу, но он сказал, что, вероятно, это просто лед трещит.

Два часа назад Крозье сообщили о звуке выстрела, раздавшегося со стороны «Эребуса», и он мгновенно поднялся на палубу, но, поскольку звук не повторился, не отправил посыльного на другой корабль и никого не отрядил обследовать лед. Выходить на лед в темноте сейчас, когда это... существо... сторожит там, среди торосов и высоких заструг, равносильно смерти. Теперь сообщения с корабля на корабль передавались только в течение короткого и неуклонно сокращающегося периода света около полудня. Через несколько суток дня как такового вообще не будет, только полярная ночь. Круглые сутки. Сто суток полярной ночи.

– Вероятно, это был треск льда, – говорит Крозье, задаваясь вопросом, почему Ирвинг не доложил о похожем на крик звуке. – И выстрел тоже. Просто треск льда.

– Да, капитан. Просто треск льда, сэр.

Ни один ни другой не верят в это – выстрел мушкета или дробовика ни с чем не спутаешь, даже на расстоянии мили, и звук разносится почти сверхъестественно далеко и отчетливо здесь, на Крайнем Севере, – но паковые льды, сжимающиеся все плотнее вокруг «Террора», действительно постоянно громяют, стонут, трещат, хрустят, режут.

Больше всего Крозье беспокоят крики, будящие его каждую ночь, когда он на час-другой погружается в крепкий сон. Звуки ледового треска слишком напоминают громкие мучительные стоны матери в последние дни жизни... и еще сказки старой тетушки о привидениях-плакальщицах, вопли которых в ночи предвещают смерть кого-нибудь в доме. И первые и вторые лишали его сна в детстве.

Крозье медленно поворачивается. Ресницы у него заиндевели, а верхняя губа уже покрылась коркой льда, от замерзшего пара дыхания и соплей. Мужчины научились прятать бороду под шерстяными шарфами и воротами свитеров, но все же им часто приходится прибегать к помощи ножей, чтобы отрубить пряди волос, примерзшие к одежде. Как большинство офицеров, Крозье продолжает бриться каждый день, хотя по причине экономии угля «горячая вода», которую приносит ему вестовой, представляет собой скорее едва растаявший лед, и процедура бритья бывает весьма болезненной.

– Безмолвная леди все еще на палубе? – спрашивает Крозье.

– О да, капитан, она почти всегда здесь, – отвечает Хикки, теперь шепотом, словно это имеет значение.

Даже если Безмолвная и слышит их, она не понимает английскую речь. Но мужчины верят – все больше и больше с того дня, как существо во льдах начало преследовать их, – что молодая эскимоска является ведьмой, обладающей таинственными способностями.

– Она с лейтенантом Ирвингом, на посту у левого борта, – добавляет Хикки.

– С лейтенантом Ирвингом? Его вахта должна была закончиться более часа назад.

– Так точно, сэр. Но в последние дни где Безмолвная, там и лейтенант, сэр, коли мне будет позволено заметить. Пока она не сходит вниз, он тоже не сходит вниз. Я имею в виду, если только у него нет такой необходимости... никто из нас не может оставаться на морозе так долго, как эта ве... эта женщина.

– Следите за льдом и не отвлекайтесь от своего дела, мистер Хикки.

От резкого голоса Крозье помощник конопатчика снова вздрагивает, но отдает честь пошаркиванием ног и коротким пожатием плеч и опять обращает свой побелевший нос в сторону тьмы, сгустившейся за бушпритом.

Крозье широким шагом направляется к посту на левый борт. Готовя корабль к зиме в прошлом месяце – после трех недель тщетной надежды вырваться из ледового плена в августе, – он снова приказал развернуть нижние реи вдоль продольной оси судна, чтобы использовать их в качестве конькового бруса. Потом они опять соорудили шатер из парусины, покрывающий большую часть главной палубы, снова поставив каркас из брусков, убранных в трюм во

время трех недель неоправданного оптимизма. Но хотя люди работают ежедневно по несколько часов, прокапывая лопатами дорожки в снегу, футовый слой которого оставлен на палубе с целью теплоизоляции, скалывая лед ломami и зубилами, а потом выгребая ледяную крошку, забившуюся под парусиновую крышу, и наконец посыпая песком дорожки, здесь всегда остается корка льда, и движение Крозье по наклоненной к носу и к правому борту палубе порой больше напоминает изящное скольжение конькобежца, нежели ходьбу.

Вахтенный на левом борту, по графику несущий дежурство сейчас, гардемарин Томми Эванс – Крозье узнает самого молодого члена экипажа по нелепой зеленой шапочке с помпоном (вероятно, связанной матерью мальчика), которую юный Эванс всегда натягивает поверх объемистого «уэльского парика», – отошел на десять шагов в сторону кормы, чтобы предоставить молодому третьему лейтенанту Ирвингу и леди Безмолвной подобие уединения.

При виде этого у капитана Крозье возникает желание дать кому-нибудь – всем – крепкого пинка под зад.

Эскимоска, похожая на толстого медвежонка в своей меховой парке с капюшоном и меховых штанах, стоит спиной вполоборота к высокому лейтенанту. Но молодой третий лейтенант подобрался к ней вдоль фальшборта почти вплотную – он еще не касается женщины, но стоит гораздо ближе, чем офицер и джентльмен позволил бы себе стоять возле дамы на вечеринке в саду или на прогулочной яхте.

– Лейтенант Ирвинг.

Крозье не хотел произносить приветствие таким резким, лающим голосом, но несколько не расстраивается, когда молодой человек подпрыгивает, словно уколотый кинжалом, чуть не теряет равновесие, хватается за обледенелый поручень левой рукой и – как он упорно продолжает делать, хотя теперь знает правила этикета, принятые на корабле во льдах, – отдает честь правой рукой.

Нелепый жест, думает Крозье, и не только потому, что из-за неуклюжих рукавиц, «уэльского парика» и многочисленных теплых поддевок под зимней шинелью молодой Ирвинг малость смахивает на отдающего честь моржа, но также потому, что парень стянул шерстяной шарф со своего чисто выбритого лица – вероятно, с целью показать Безмолвной, как он привлекателен, – и теперь у него под ноздрями болтаются две длинные сосульки, придающие ему еще большее сходство с моржом.

– Отставить! – рявкает Крозье.

«Чертов болван», – добавляет он мысленно, но достаточно громко, чтобы молодой лейтенант мог без труда расслышать произнесенные слова.

Ирвинг стоит неподвижно, бросает взгляд на Безмолвную – во всяком случае, на затылок мехового капюшона – и открывает рот, собираясь заговорить. Очевидно, никакие слова не идут ему на ум. Он закрывает рот. Губы у него такие же белые, как обмороженная кожа.

– Сейчас не ваша вахта, лейтенант, – говорит Крозье, снова слыша в своем голосе металлические нотки.

– Нет, сэр. То есть да, сэр. То есть капитан прав, сэр. То есть...

Ирвинг снова решительно захлопывает рот, но впечатление несколько портит стук зубов. После двух-трех часов на таком морозе зубы порой разрушаются – буквально взрываются, разлетаясь осколками эмали между стиснутыми челюстями. Иногда, по опыту знает Крозье, вы слышите треск эмали за мгновение до разрушения зубов.

– Почему вы все еще здесь, Джон?

Ирвинг пытается моргнуть, но застывшие веки не слушаются, словно намертво примерзшие к глазным яблокам.

– Вы приказали мне заняться нашей гостьей... присмотреть за ней... позаботиться о Безмолвной, капитан.

Крозье вздыхает, выпуская облачко ледяных кристаллов, которые на мгновение повисают в воздухе, а потом падают на палубу россыпью крохотных алмазов.

– Я не имел в виду находиться при ней неотлучно, лейтенант. Я велел вам проверить и доложить мне, чем она занимается, с целью уберечь ее от возможных неприятностей на корабле, а также позаботиться о том, чтобы никто из мужчин не сделал ничего такого... что может ее скомпрометировать. Как по-вашему, здесь, на палубе, она рискует оказаться скомпрометированной, лейтенант?

– Нет, капитан. – Слова Ирвинга звучат скорее как вопрос, чем как ответ.

– Вы знаете, за какое время происходит фатальное отморожение открытых частей тела при такой температуре воздуха, лейтенант?

– Нет, капитан. То есть да, капитан. Думаю, довольно быстро, сэр.

– Вам следует знать, лейтенант Ирвинг. У вас уже шесть раз было обморожение, а ведь календарная зима еще даже не наступила.

Лейтенант Ирвинг скорбно кивает.

– Чтобы палец, нос или любая другая часть тела промерзла насквозь, требуется меньше минуты, – продолжает Крозье, который прекрасно знает, что это просто треп. При каких-то минус пятидесяти для этого требуется гораздо больше времени. Но он надеется, что молодой Ирвинг этого не знает. – Затем отмороженный член откалывается, как сосулька, – добавляет Крозье для пущего эффекта своего весьма эффектного выступления.

– Да, капитан.

– Так вы действительно полагаете, что наша гостя нисколько не рискует... оказаться скомпрометированной... находясь здесь, на палубе, мистер Ирвинг?

Молодой Ирвинг, похоже, задумывается, прежде чем ответить. Возможно, осознает Крозье, лейтенант уже слишком много размышлял над данным вопросом.

– Ступайте вниз, Джон, – говорит Крозье. – И обратитесь к доктору Макдональду по поводу своего лица и пальцев. Богом клянусь, если у вас опять серьезное обморожение, я удержу месячное жалованье из вашего общего заработка и в придачу напишу вашей матери.

– Есть, капитан. Благодарю вас, сэр.

Ирвинг собирается снова отдать честь, потом передумывает и ныряет под парусину в сторону главного трапа, по-прежнему держа одну руку наполовину поднятой. Он не оглядывается на Безмолвную.

Крозье снова вздыхает. Молодой Ирвинг нравится ему. Парень поступил к нему добровольцем – вместе с двумя своими товарищами с военного корабля «Экселлент», вторым лейтенантом Ходжсоном и старшим помощником капитана Хорнби, – но трехпалубник «Экселлент» был старым еще во времена, когда Ной не затеял возню со своей посудиною. Корабль стоял без мачт на постоянном приколе в Портсмуте более пятнадцати лет, служа учебным судном для самых многообещающих артиллерийских офицеров военно-морского флота. «К сожалению, джентльмены, – сказал Крозье мальчикам в первый день их пребывания на борту (тогда капитан был пьян сильнее обычного), – вы заметите, коли посмотрите вокруг, что ни на „Терроре“, ни на „Эребусе“ – флагманский корабль капитана сэра Джона стоит на якоре вон там, – так вот, вы заметите, что ни на „Терроре“, ни на „Эребусе“, хотя оба были построены как линейные суда, джентльмены, нет ни одной пушки. Мы безоружны, как новорожденный младенец, – если не считать мушкетов и дробовиков. Безоружны, как чертов Адам в своем чертовом костюме Адама. Другими словами, джентльмены, вы, знатоки артиллерийского дела, нужны нам в этой экспедиции как собаке пятая нога».

Сарказм Крозье в тот день не охладил энтузиазма молодых артиллерийских офицеров – Ирвинг и двое других пуще прежнего загорелись желанием отправиться на несколько зим мерзнуть во льдах. Конечно, дело происходило теплым майским днем в Англии в 1845 году.

– А теперь несчастный молокосос влюбился в эскимосскую ведьму, – вслух бормочет Крозье.

Словно поняв его слова, Безмолвная медленно поворачивается к нему.

Обычно ее лицо остается невидимым в тени глубокого капюшона или наполовину прикрытым широким воротником из волчьего меха, но сегодня Крозье видит крохотный нос, огромные глаза и полные губы. В этих черных глазах мерцают отсветы сполохов.

На вкус капитана Френсиса Родона Мойры Крозье она непривлекательна; в ней слишком много дикарского, чтобы она могла показаться вполне человеческим существом, тем более физически привлекательной женщиной – даже ирландцу-пресвитерианину; вдобавок ум Крозье и области подсознания все еще полны живыми воспоминаниями о Софии Крэкрофт. Но капитан понимает, почему молодой Ирвинг, находясь вдали от дома, семьи и возлюбленной, мог влюбиться в эту дикарку. Одна ее странность и, возможно, даже зловещие обстоятельства ее появления на корабле и смерть ее спутника, мистически связанные с первыми нападениями жуткого существа, таящегося там, в темноте, – все это наверняка сыграло роль огня, на который летит порхающим мотыльком такой безнадежный молодой романтик, как лейтенант Джон Ирвинг.

С другой стороны, Крозье (как сам он понял и во время своего пребывания на Ван-Дименовой Земле в 1840 году, и в течение месяцев, проведенных в Англии перед этой экспедицией) для романтики слишком стар. И слишком ирландец. И слишком зауряден.

В данный момент он просто хочет, чтобы эта молодая женщина пошла прогуляться по ледяному полю в темноту и не вернулась обратно.

Крозье вспоминает, как четыре месяца назад доктор Макдональд явился с докладом к нему и Франклину после осмотра эскимоски, проведенного в тот же день, когда ее спутник скончался, захлебнувшись собственной кровью. Макдональд высказал мнение, что девушке от пятнадцати до двадцати лет (установить точный возраст аборигенов очень трудно), что она достигла половой зрелости, но по всем признакам девственница. Он доложил также, что эскимоска не произносила ни слова и не издавала ни звука – даже когда ее отец или муж умирал от пулевого ранения, – поскольку у нее нет языка. По мнению доктора Макдональда, язык у нее был не отрезан, но откушен – либо самой Безмолвной, либо еще кем-то.

Крозье был поражен – не столько фактом отсутствия языка, сколько тем обстоятельством, что эскимоска все еще девственница. Он провел в Арктике достаточно много времени – особенно в ходе экспедиции Парри, когда они зимовали близ эскимосской деревни, – чтобы знать: здешние аборигены относятся к половым отношениям так легко, что мужчины спокойно предлагают своих жен и дочерей китобоям или путешественникам в обмен на самые дешевые безделушки. Порой, он знал, женщины сами предлагали себя просто забавы ради, хихикая и болтая со своими товарками или детьми, пока моряки трудились, пыхтели и стонали между ногами смеющейся эскимоски. Они были как животные. Меха и шкуры, которые они носили, вполне могли бы быть их собственными звериными шкурами, насколько понимал Френсис Крозье.

Капитан подносит руку в перчатке к козырьку фуражки, которая примотана к голове толстым шерстяным шарфом и потому не может ни свалиться, ни сползти набекрень, и говорит:

– Мое почтение, мадам. Я посоветовал бы вам подумать о том, чтобы спуститься в вашу каюту в самом скором времени. Здесь становится холодно.

Безмолвная пристально смотрит на него. Она не моргает, хотя длинные ресницы у нее почему-то не заиндевели. Разумеется, она ничего не говорит. Она наблюдает за ним.

Крозье снова символически притрагивается к козырьку и продолжает обход палубы: поднимается на задравшуюся под давлением льда корму, потом спускается обратно по правому борту, останавливается поговорить с двумя другими вахтенными, давая Ирвингу время сойти вниз и снять верхнюю одежду, чтобы не возникало впечатления, будто капитан неотступно преследует своего лейтенанта.

Он заканчивает разговор с последним дрожащим от холода вахтенным, матросом Шанксом, когда рядовой Уилкс, самый молодой из морских пехотинцев на корабле, выскакивает из-под парусины. Уилкс накинул поверх формы лишь две широкие поддевки, и зубы у него начинают выбивать дробь еще прежде, чем он передает сообщение.

– Мистер Томпсон свидетельствует капитану свое почтение, сэр, и инженер просит капитана спуститься в трюм как можно скорее.

– В чем дело?

Крозье знает: если паровой котел в конце концов вышел из строя, им всем крышка.

– Прошу у капитана прощения, сэр, но мистер Томпсон говорит, что капитан нужен, поскольку матрос Мэнсон почти взбунтовался, сэр.

Крозье выпрямляется:

– Взбунтовался?

– Почти, так выразился мистер Томпсон, сэр.

– Изъяснитесь внятно, рядовой Уилкс.

– Мэнсон не желает больше носить мешки с углем мимо мертвецкой, сэр. И не желает больше спускаться в трюм. Он говорит, что отказывается самым почтительным образом. Он не желает подниматься наверх, но сидит на заднице у подножья трапа и отказывается носить уголь в котельную.

– Что за глупости такие? – Крозье приходит в страшное раздражение.

– Дело в привидениях, капитан, – говорит рядовой морской пехоты Уилкс, стуча зубами. – Мы все слышим их, когда таскаем уголь или спускаемся за чем-нибудь в трюм. Вот почему люди больше не спускаются ниже средней палубы, если только не получают приказ от офицеров, сэр. Там, в трюме, в темноте что-то скрывается. Что-то скребется и стучит внутри корабля, капитан. Это не лед. Мэнсон уверен, что это его старый товарищ Уокер, – он... оно... и остальные трупы, сложенные в мертвецкой, пытаются выбраться наружу.

Крозье подавляет побуждение успокоить рядового морской пехоты фактами. Возможно, молодой Уилкс не сочтет факты особо успокоительными.

Первый простой факт заключается в том, что скребущие и царапающие звуки, доносящиеся из мертвецкой, почти наверняка производят сотни или тысячи огромных черных крыс, лакомящихся окоченелыми трупами товарищей Уилкса. Крысы – как Крозье знает лучше молодого морского пехотинца – являются ночными животными, а следовательно, они бодрствуют круглые сутки в течение долгой арктической зимы, и зубы у этих существ постоянно растут. Это, в свою очередь, означает, что чертовы твари должны постоянно грызть, грызть и грызть, – и капитан видел, как они прогрызают дубовые бочки, металлические баки со стенками толщиной в дюйм и даже свинцовую обшивку. У крыс там, внизу, не больше трудностей с окоченелыми останками матроса Уокера и пяти его злополучных товарищей по команде (включая трех из лучших офицеров Крозье), чем у человека, жующего кусок холодного вяленого мяса.

Но Крозье не думает, что Мэнсон и остальные слышат просто крыс.

Крысы, как Крозье знает по печальному опыту тринадцати проведенных во льдах зим, обычно поедают трупы чьих-либо товарищей быстро и тихо, если не считать визга, сопровождающего частые драки обезумевших ненасытных тварей.

Звуки, раздающиеся в трюмной палубе, производят не крысы.

Крозье решает не объяснять Уилксу и второй простой факт, заключающийся в том, что, хотя в трюмной палубе обычно безопасно, но холодно, поскольку она находится ниже ватерлинии или поверхности замерзшего моря, сейчас под давлением льда корма «Террора» поднялась на дюжину с лишним футов выше нормы. Корпус корабля там по-прежнему надежно огорожен со всех сторон, но только несколькими сотнями тонн вздыбленного льда и дополнительными

тоннами снега, наваленного людьми вдоль бортов по самые фальшборт с целью обеспечения лучшей теплоизоляции зимой.

Какое-то существо, подозревает Френсис Крозье, прорыло ход сквозь эти тонны снега, пробило тоннель сквозь твердые, как железо, ледяные глыбы, чтобы добраться до корпуса корабля. Неким непостижимым образом оно почуяло, какие отсеки, расположенные вдоль корпуса (например, отсеки с водяными цистернами), обшиты изнутри железом, и нашло одно из нескольких складских помещений – мертвецкую, – через которое можно проникнуть прямо в недра корабля. И теперь оно стучит и скребется, пытаясь забраться внутрь.

Крозье знает, что лишь одно существо на Земле обладает такой силой, непреклонным упорством и умом. Обитающее во льдах чудовище пытается добраться до них снизу.

Не сказав более ни слова морскому пехотинцу Уилксу, капитан Крозье спускается вниз, чтобы поразмыслить над ситуацией.

2

Франклин

Лондон

51°29′ северной широты, 0°00′ западной долготы

Май 1845 г.

Он был – и навсегда останется – человеком, который съел свои башмаки.

За четыре дня до отплытия капитан сэр Джон Франклин заболел инфлюэнцей, которую подхватил, он был уверен, не от одного из простых матросов или грузчиков в Лондонском порту и не от одного из ста тридцати четырех своих матросов и офицеров – все они были здоровы как ломовые лошади, – а от какого-то хилого лизоблюда из круга светских знакомых леди Джейн.

Человек, который съел свои башмаки.

У жен героических исследователей Арктики существовала традиция шить флаг для водружения в некой самой северной точке маршрута или, как в данном случае, для поднятия на мачте по завершении экспедиции через Северо-Западный проход, и жена Франклина Джейн заканчивала шить шелковый «Юнион Джек», когда он вернулся домой. Сэр Джон вошел в гостиную и рухнул на набитый конским волосом диван рядом с ней. Он не помнил, чтобы снимал туфли, но, очевидно, кто-то его разул – либо Джейн, либо кто-то из слуг, – ибо в скором времени он лежал на спине в полузабытьи, с головной болью, с сильной тошнотой, какой ни разу не испытывал в море, с пылающей от жара кожей. Леди Джейн рассказывала про свой исполненный забот день, не делая пауз. Сэр Джон пытался слушать, увлекаемый от берега яви переменчивыми горячечными волнами болезни.

Он был человеком, который съел свои башмаки, вот уже двадцать три года – с тех пор, как вернулся в Англию в 1822 году после своей первой неудачной сухопутной экспедиции по северу Канады, предпринятой в попытке найти Северо-Западный проход. Он помнил смешки и шуточки, раздававшиеся тогда. Франклин съел свои башмаки – и он ел дрянь и почище во время того провального трехлетнего путешествия, включая мерзкую жидкую кашу, приготовленную из лишайника, соскобленного со скал. На третьем году экспедиции, умирая от голода, он и его люди (Франклин, уже в полубессознательном состоянии, разделил свой отряд на три группы, предоставив двум другим группам выживать своими силами или погибнуть) сварили голенища сапог, чтобы остаться в живых. В 1821 году сэр Джон – тогда еще просто Джон, он был произведен в рыцари за некомпетентность после следующего своего сухопутного путешествия и неудачной морской экспедиции за полярным кругом – много дней подряд жевал лишь полоски недубленой кожи. Его люди съели свои спальные мешки из бычьей кожи. Потом некоторые перешли к другим вещам.

Но он никогда не ел человечину.

Франклин по сей день задавался вопросом, сумели ли другие участники экспедиции, включая его доброго друга и старшего лейтенанта доктора Джона Ричардсона, устоять перед таким искушением. Слишком много всего случилось за время, пока три группы по отдельности тащились по арктическим пустыням и лесам, отчаянно пытаясь добраться обратно до сооруженного Франклином из подручных материалов маленького форта Энтерпрайз и настоящих фортов, Провиденс и Резольюшн.

Девять белых мужчин и один эскимос погибли. Девять из двадцати одного, которых молодой лейтенант Джон Франклин, тридцатитрехлетний, плотный и уже тогда лысеющий, вывел из форта Резольюшн в 1819 году, плюс один из проводников-аборигенов, которых они нанимали по дороге, – Франклин не позволил эскимосу покинуть экспедицию, чтобы отправиться

на поиски пропитания для себя одного. Двое мужчин были хладнокровно убиты. По крайней мере одного из них, несомненно, съели остальные. Но только один англичанин умер. Только один настоящий белый человек. Все прочие были просто французскими наемными рабочими или индейцами. Это был своего рода успех – всего один погибший англичанин, пусть даже остальные превратились в ходячие бородатые скелеты, бормочущие всякий вздор. Пусть даже остальные выжили только потому, что Джордж Бак, тот чертов сексуально озабоченный гардемарин, прошел на снегоступах тысячу двести миль, чтобы доставить продовольственные припасы и, самое главное, привести индейцев, которые позаботились о Франклине и его умирающих людях.

Тот чертов Бак. Отнюдь не добрый христианин. Высокомерный. И не джентльмен в полном смысле слова, несмотря на то что впоследствии он был произведен в рыцари за арктическую экспедицию, совершенную на этом самом корабле, «Терроре», теперь находящемся под командованием сэра Джона.

В той экспедиции – экспедиции Бака – «Террор» попал в торосовую пробку и, сжатый вставшими на ребро льдинами, поднялся на пятьдесят футов в воздух, а потом упал вниз с такой силой, что все до единой дубовые доски корпуса дали течь. Джордж Бак довел текущее судно до побережья Ирландии и подошел вплотную к берегу за несколько часов до того, как оно должно было затонуть. Матросы обмотали корпус цепями, чтобы покрепче стянуть доски на время, достаточное для обратного пути домой. Все они страдали от цинги – почерневшие десны, кровоточащие глаза, выпадающие зубы – и от галлюцинаций, которыми цинга сопровождается.

Разумеется, после этого Бака возвели в рыцарское достоинство. Именно так поступают Британия и Адмиралтейство, когда вы возвращаетесь из позорно провалившейся полярной экспедиции, понеся чудовищные потери в людях: если вы остаетесь в живых, вам присваивают титул и воздают почести. Когда Франклин вернулся из своей второй экспедиции, предпринятой в 1827 году с целью составления карты береговой линии самой северной части Северной Америки, он был произведен в рыцари лично королем Георгом IV. Парижское географическое общество удостоило его золотой медали. Он получил в награду звание капитана и прекрасный маленький двадцатипушечный фрегат британского флота «Рейнбоу», а также направление на службу на Средиземном море, о каковом назначении еженощно молится каждый капитан Военно-морского флота Великобритании. Он сделал предложение – и получил согласие – одной из ближайших подруг своей покойной жены Элеоноры, энергичной, красивой и искренней Джейн Гриффин.

– За чаем я объяснила сэру Джеймсу, – говорила Джейн, – что честь и репутация моего любимого сэра Джона мне бесконечно дороже любого эгоистического наслаждения обществом мужа, даже если ему придется покинуть меня на четыре года... или пять.

Как там звали ту пятнадцатилетнюю краснокожую индианку, из-за которой Бак собирался драться на дуэли в форте Энтерпрайз, где они зимовали?

Зеленый Чулок. Точно. Зеленый Чулок.

Девушка была порочна. Красива, спору нет, но порочна. Она не знала стыда. Сам Франклин, невзирая на все старания не смотреть в ее сторону, однажды лунной ночью видел, как она сбрасывает с себя дикарские одежды и идет голая через хижину.

Тогда ему было тридцать четыре года, но она была первой голой женщиной, которую он видел в жизни, – и самой красивой. Смуглая кожа. Груды уже тяжелые, как налитые плоды, но еще девичьи, с маленькими сосками, со странными ареолами, гладкими темно-коричневыми кружками вокруг сосков, – видение, которое сэр Джон не мог стереть из памяти никакими усилиями за прошедшую с тех пор четверть века. Лобковые волосы у девушки росли не классическим аккуратным треугольником, какой Франклин впоследствии видел у своей первой жены Элеоноры (причем только раз и мельком, когда она готовилась принимать ванну, ибо, по насто-

янию Элеоноры, их редкие соития происходили в полной темноте), и не жидким растрепанным ворохом пшеничного цвета, представленным на стареющем теле его нынешней супруги Джейн – нет, у молодой индианки по имени Зеленый Чулок лобок украшала лишь узкая, но совершенно черная вертикальная полоска. Тонкая, как перо ворона. Черная, как сам грех.

Гардемарин-шотландец Роберт Худ, уже приживший внебрачного ребенка от другой индианки во время той первой бесконечно долгой зимы в хижине, названной Франклином фортом Энтерпрайз, мгновенно влюбился в юную скво Зеленый Чулок. До этого девушка спала с другим гардемарином, Джорджем Баком, но, когда Бак отправился на охоту, она поменяла партнера с легкостью, ведомой только язычникам и дикарям.

Франклин по сей день помнил рычание и стоны страсти той долгой ночью – не одного трехминутного соития, какие он имел с Элеонорой (никогда не рыча и вообще не издавая ни звука, поскольку джентльмену такое не пристало), и даже не двух, как произошло у него в первую памятную ночь медового месяца с Джейн, но добрых полудюжины. Едва Худ и девушка затихали в смежной пристройке, как начинали все снова – смех, приглушенное хихиканье, потом тихие стоны, постепенно перерастающие в громкие крики, которыми бесстыдная девчонка подгоняла Худа.

Джейн Гриффин было тридцать шесть лет, когда 5 декабря 1828 года она вышла замуж за новоиспеченного рыцаря сэра Джона Франклина. Они провели медовый месяц в Париже. Франклин не особо любил этот город, да и вообще французов, но гостиница была роскошной и еда – отличной.

Франклин испытывал своего рода ужас при мысли, что во время путешествия по континенту они могут случайно встретиться с тем малым, Роже, – Питером Марком Роже, который снискал известное внимание читающей публики, издав свой дурацкий словарь, или что там это было, – с тем самым человеком, который однажды просил руки Джейн Гриффин и получил отказ, как все остальные поклонники, ухаживавшие за ней в прежние годы. Впоследствии Франклин тайком заглянул в дневники Джейн той поры (он оправдывал свой проступок нехитрым соображением: она наверняка хотела, чтобы он нашел и прочитал многочисленные тетради в переплете из телячьей кожи – иначе зачем стала бы оставлять их на видном месте?) и увидел фразу, написанную безупречным мелким почерком своей возлюбленной в день, когда Роже в конце концов женился на другой: «Любовь всей моей жизни закончилась».

Роберт Худ развлекался с Зеленым Чулком уже шесть бесконечно долгих арктических ночей, когда его товарищ-гардемарин Джордж Бак вернулся с индейцами с охоты. Двое мужчин условились драться на дуэли до смерти на рассвете – около десяти утра – следующего дня.

Франклин не знал, что делать. Тучный лейтенант не мог добиться хотя бы подобия дисциплины от угрюмых наемников или высокомерных индейцев, не говоря уже о том, чтобы совладать со своевольным Худом или импульсивным Баком.

Оба гардемарины были художниками и картографами. С тех пор Франклин не доверял художникам. Когда скульптор в Париже лепил руки леди Джейн и раздушенный содомит здесь, в Лондоне, почти месяц приходил к ним писать ее парадный портрет, Франклин ни разу не оставлял жену наедине с ними.

Бак и Худ собирались на рассвете драться на дуэли насмерть, и Джону Франклину ничего не оставалось, кроме как спрятаться в хижине и молиться о том, чтобы смерть или увечье одного из дуэлянтов или обоих сразу не уничтожило последние остатки здравого смысла в участниках и без того бесславной экспедиции. В полученных им распоряжениях не оговаривалось, что он должен взять с собой продовольствие в путешествие протяженностью тысяча двести миль по арктическим пустошам, прибрежному морю и реке. На собственные деньги он закупил достаточно провизии, чтобы прокормить шестнадцать человек в течение дня. Франклин предполагал, что затем индейцы будут охотиться для них и сносить их кормить, точно так же как проводники тащили его сумки и сидели на веслах в его каноэ из березовой коры.

С каноэ из березовой коры он дал маху. Двадцать четыре года спустя Франклин был готов признать сей факт – по крайней мере, перед самим собой. Всего через несколько дней, в покрытых ледяным салом водах у северного побережья, которого они достигли через полтора с лишним года после выступления из форта Резольюшн, хрупкие суденышки начали разваливаться.

Слушая краем уха безостановочную болтовню Джейн, с закрытыми глазами, пылающим лбом и трещащей головой, Франклин вспомнил утро, когда он, крепко зажмурившись, лежал в своем спальном мешке, в то время как Бак и Худ разошлись на пятнадцать шагов перед хижинкой, а потом приготовились стрелять. Чертовы индейцы и чертовы наемники – во многих отношениях такие же дикари – отнеслись к дуэли как к увеселительному представлению. Зеленый Чулок, помнил Франклин, тем утром излучала почти эротическое сияние.

Лежа в спальном мешке, зажимая уши ладонями, Франклин все же слышал команду разойтись, команду развернуться кругом, команду прицелиться, команду стрелять.

Потом два щелчка. Потом гогот толпы.

Старый моряк-шотландец, сейчас отдававший дуэлянтам команды, грубый и неотесанный Джон Хепберн, ночью вынул заряды и пули из тщательно подготовленных пистолетов.

Обескураженные непрекращающимся смехом наемных рабочих и хлопающих себя по коленкам индейцев, Худ и Бак плюнули и разошлись в разные стороны. В скором времени Франклин приказал Джорджу Баку вернуться в форты, чтобы закупить еще провизии у торговой компании «Гудзонов залив». Бак отсутствовал почти всю зиму.

Франклин съел свои башмаки и питался соскобленным со скал лишайником – мерзкой слизью, от которой стошнило бы любого уважающего себя английского пса, – но он ни разу не ел человечины.

Через долгий год после несостоявшейся дуэли, в отряде Ричардсона, тогда уже отделившемся от группы Франклина, угрюмый полусумасшедший ирокез Майкл Тероахут застрелил художника и картографа Роберта Худа, всадив пулю в самый центр лба.

За неделю до убийства индеец принес умирающим от голода людям странного вкуса окорок – как он утверждал, принадлежавший волку, либо забоданному насмерть оленем, либо убитому самим Тероахутом при помощи оленьего рога, – история индейца постоянно менялась. Оголодавшие люди поджарили и съели мясо, но прежде доктор Ричардсон заметил слабый след татуировки на коже. Позже доктор сказал Франклину, что он уверен: Тероахут вернулся к телу одного из наемников, умершего в пути несколькими днями ранее.

Измученный голодом индеец и еле живой Худ находились одни, когда Ричардсон, соскабливавший лишайник со скалы, услышал выстрел. Самоубийство, утверждал Тероахут, но, по словам доктора Ричардсона, повидавшего на своем веку немало самоубийц, положение пули в мозгу исключало вероятность, что Худ произвел выстрел сам.

Теперь индеец был вооружен британским байонетом, мушкетом, двумя заряженными пистолетами и ножом длиной со свое предплечье. Два оставшихся англичанина – Хепберн и Ричардсон – имели лишь один пистолет и ненадежный мушкет на двоих.

Ричардсон – ныне один из самых уважаемых ученых и хирургов в Англии, друг поэта Роберта Бёрнса, но тогда всего лишь подающий надежды экспедиционный врач и натуралист – дождался возвращения Майкла Тероахута, ходившего за хворостом, убедился, что руки у него заняты, и потом поднял свой пистолет и хладнокровно выстрелил индейцу в голову.

Позже доктор Ричардсон признался, что ел кожаную одежду покойного Худа, но ни Хепберн, ни Ричардсон – единственные выжившие из своей группы – никогда не упоминали о том, что еще они ели в течение следующей недели изнурительного пути до форта Энтерпрайз.

В форте Энтерпрайз Франклин и его люди не могли ходить и даже стоять на ногах от слабости. Ричардсон и Хепберн казались не такими истощенными по сравнению с ними.

Пусть он был человеком, который съел свои башмаки, но Джон Франклин никогда...

– Кухарка готовит на ужин ростбиф, дорогой. Твой любимый. Поскольку она у нас недавно – я уверена, что та ирландка приписывала к счетам лишнее, ибо воровство для ирландцев так же естественно, как пьянство, – я напомнила ей, что ты требуешь, чтобы бифштекс сочился кровью при разрезании.

Франклин, уносимый в забытье набегаящими волнами лихорадки, попытался сформулировать ответ, но головная боль, тошнота и жар были слишком сильны. Нижняя рубашка и все еще пристегнутый воротничок у него насквозь промокли от пота.

– Жена адмирала сэра Томаса Мартина прислала нам сегодня прелестную открытку и чудесный букет – хотя нам меньше всего нужны ее знаки внимания, я должна признать, что розы поистине великолепны. Они стоят в холле – ты видел? У тебя нашлось время поболтать с адмиралом Мартином на приеме? Конечно, он не особо важная персона, верно? Даже в должности инспектора военно-морского флота. Уж конечно, он не так влиятелен, как первый лорд Адмиралтейства или старшие уполномоченные, не говоря уже о твоих друзьях из Арктического совета.

У капитана сэра Джона Франклина было много друзей – все любили капитана сэра Джона Франклина. Но никто его не уважал. Франклин признавал первый факт и отказывался признавать второй на протяжении десятилетий, но теперь знал, что это правда. Все любили его. Никто не уважал.

После Земли Ван-Димена. После тасманийской тюрьмы, где он самым кошмарнейшим образом попал впросак.

Элеонора, его первая жена, умирала, когда он отправился в свою вторую серьезную экспедицию.

Франклин знал, что она умирает. Она знала, что умирает. Ее чахотка – и ясное понимание, что она умрет задолго до того, как муж погибнет в бою или экспедиции, – присутствовала с ними в качестве третьего лица на церемонии бракосочетания. За двадцать два месяца супружества она подарила Франклину дочь – его единственного ребенка, – молодую Элеонору.

Хрупкая и слабая, но почти пугающе сильная духом, первая жена сказала Франклину отправляться во вторую экспедицию – по отысканию Северо-Западного пути, в долгое путешествие по суше и морем вдоль побережья Северной Америки, – хотя она харкала кровью и знала, что конец близок. Она сказала, что для нее будет лучше, если его не будет рядом. Он поверил. Или, по крайней мере, поверил, что так будет лучше для него.

Глубоко религиозный человек, Джон Франклин молился о том, чтобы Элеонора умерла до его отбытия. Она не умерла. Он покинул Лондон 16 февраля 1825 года, написал своей любимой много писем по пути к Большому Невольничьему озеру и узнал о ее кончине 24 апреля на британской военно-морской базе в Пенетангишене. Она умерла вскоре после отплытия его корабля из Англии.

Когда в 1827 году он вернулся из экспедиции, его ждала подруга Элеоноры, Джейн Гриффин.

Прием в Адмиралтействе состоялся меньше недели назад – нет, ровно неделю назад, до чертовой инфлюэнцы. Капитан сэр Джон Франклин и все его офицеры и старшины с «Эребуса» и «Террора» присутствовали на нем, разумеется. А также все гражданские лица из числа участников экспедиции – ледовый лоцман «Эребуса» Джеймс Рейд и ледовый лоцман «Террора» Томас Блэнки вместе с казначеями, врачами и интендантами.

Сэр Джон выглядел эффектно в своем новом синем мундире, синих панталонах с золотыми лампасами, эполетах с золотой бахромой, в нельсоновской треуголке и с положенной по протоколу шпагой. Капитан его флагмана «Эребус» Джеймс Фицджереймс, слывший самым красивым мужчиной Военно-морского флота Британии, выглядел великолепно и держался скромно, как подобает герою войны, каковым он являлся. Фицджереймс очаровал всех в тот вечер. Френсис Крозье был по обыкновению скован, неуклюж и слегка пьян.

Но Джейн ошибалась: в Арктическом совете у сэра Джона не было друзей. На самом деле никакого Арктического совета не существовало. Он являлся скорее почетным обществом, нежели реальной организацией, но также самым закрытым во всей Англии клубом для избранных.

Они все присутствовали на приеме – Франклин, его старшие офицеры и высокие, худые, седовласые члены легендарного Арктического совета.

Чтобы стать членом Совета, требовалось всего-навсего возглавить какую-нибудь арктическую экспедицию и... остаться в живых.

Виконт Мелвилл – первая знаменитость в длинной цепочке встречающих, после прохождения которой Франклин обливается потом и еле ворочал языком, – являлся первым лордом Адмиралтейства и спонсором их спонсора, сэра Джона Барроу. Но Мелвилл не относился к числу бывалых исследователей Арктики.

Поистине легендарные члены Арктического совета – в большинстве своем старики далеко за семьдесят – напоминали в тот вечер раздраженному Франклину скорее ведьм из «Макбета» или бледных призраков, чем живых людей. Все они являлись предшественниками Франклина в деле поисков Северо-Западного прохода, и все вернулись из экспедиций живыми, хотя и не вполне.

«Вернулся ли хоть один из них, – думал Франклин в тот вечер, – по-настоящему живым после зимовья за полярным кругом?»

У сэра Джона Росса, чье шотландское лицо обилием ломаных линий и резко очерченных граней напоминало айсберг, кустистые брови торчали вперед, словно шейные перья пингвинов, о которых рассказывал его племянник сэр Джеймс Кларк Росс после своего путешествия в Антарктику. Грубый голос Росса походил на скрип плиты песчаника, которую волокут по растрескавшейся палубе во время драйки.

Сэр Джон Барроу, превосходящий летами самого Господа Бога и вдвое более могущественный. Организатор первых серьезных исследований Арктики. Все остальные присутствовавшие на приеме, даже седовласые семидесятилетние старцы, были просто детьми... детьми Барроу.

Сэр Уильям Парри, джентльмен из джентльменов даже в окружении особ королевских кровей, который предпринял четыре попытки пройти по Северо-Западному морскому пути, но в результате увидел лишь смерть своих людей и гибель своего корабля «Фьюри», затертого во льдах, раздавленного и затонувшего.

Сэр Джеймс Кларк Росс, недавно посвященный в рыцари, недавно сочетавшийся браком с женщиной, которая взяла с него клятву навеки покончить с экспедициями, – он занял бы должность начальника экспедиции, ныне доставшуюся Франклину, если бы захотел, и оба мужчины знали это. Росс и Крозье держались несколько обособленно от всех прочих, потягивая горячительные напитки и разговаривая приглушенными голосами, точно заговорщики.

Чертов сэр Джордж Бак. Франклину глубоко претило делить звание сэра с простым гардемарином, некогда служившим под его началом и к тому же распутником. В тот торжественный вечер капитан сэр Джон Франклин почти пожалел, что двадцать пять лет назад Хепберн вынул порох и пули из дуэльных пистолетов. Бак был самым молодым членом Арктического совета и казался счастливее и самодовольнее всех остальных, даже после того, как разбил и чуть не потопил британский военный корабль «Террор».

Капитан сэр Джон Франклин был трезвенником, но после трех часов шампанского, вина, бренди, шерри и виски остальные мужчины стали держаться непринужденнее, смех вокруг него зазвучал громче, разговоры в большом холле приняли менее официальный характер, и Франклин начал успокаиваться, осознав наконец, что этот прием, все эти золотые пуговицы, шелковые галстуки, сверкающие эполеты, изысканные яства, отличные сигары и любезные улыбки – все это для него. На сей раз виновником торжества был он.

Поэтому он испытал легкое потрясение, когда старший Росс почти грубо оттащил его в сторону и – окутанный клубами сигарного дыма, со сверкающим в свете свечей хрустальным бокалом в руке – принялся резким тоном задавать вопросы.

– Франклин, какого черта вы берете с собой сто тридцать четыре человека? – проскрипел песчаник по шероховатому дереву.

Капитан сэр Джон Франклин моргнул:

– Это крупная экспедиция, сэр Джон.

– Слишком крупная, коли хотите знать мое мнение. Случись какая беда, и тридцать-то человек трудно провести по льдам, посадить в лодки и вернуть в цивилизованный мир. А сто тридцать четыре... – Старый путешественник громко прочистил горло, словно собираясь сплюнуть.

Франклин улыбнулся и кивнул, желая, чтобы старик отвязался от него.

– А вам, – продолжал Росс, – вам уже шестьдесят, черт возьми.

– Пятьдесят девять, – холодно поправил Франклин. Его день рождения был почти два месяца назад. – Сэр.

Старший Росс едва заметно улыбнулся, но лицо его оставалось похожим на айсберг больше, чем когда-либо.

– Какое водоизмещение у «Террора»? Триста тридцать тонн? А у «Эребуса» около трехсот семидесяти?

– Триста семьдесят две у моего флагмана, – сказал Франклин. – Триста двадцать шесть у «Террора».

– И осадка девятнадцать футов у каждого, я прав?

– Да, милорд.

– Это чистой воды безумие, Франклин. В Арктику еще никогда не посылали судов с такой большой осадкой. Все наши исследования тех территорий свидетельствуют о том, что там, куда вы направляетесь, море мелководное, изобилующее отмелями, подводными скалами и льдами. У моей «Виктори» была осадка всего полтора фатомы, но мы не смогли пройти через бар в заливе, когда зимовали там. Джордж Бак пробил днище, напорвшись на подводные льды, на нашем «Терроре».

– Оба моих корабля дополнительно укреплены, сэр Джон, – сказал Франклин. Он чувствовал, как струйки пота стекают по груди и ребрам к толстому животу. – Сейчас они самые прочные суда в мире.

– А что за дурацкая затея с паровыми локомотивными двигателями?

– Затее вовсе не дурацкая, милорд. – Франклин услышал снисходительные нотки в своем голосе. Сам он ничего не смыслил в паровых двигателях, но с ним в экспедицию шли два опытных инженера и Фицджереймс, служивший в новом паровом флоте. – Это мощные двигатели, сэр Джон. Они позволят нам пройти через льды там, где не удавалось пройти на парусах.

Сэр Джон Росс фыркнул:

– Ведь ваши двигатели даже не судовые, верно, Франклин?

– Да, сэр Джон. Но это лучшие паровые двигатели, какие смогла продать нам Лондонско-Гринвичская железнодорожная компания. Перестроенные для использования в море. Мощные звери, сэр.

Росс отхлебнул виски.

– Мощные, если вы планируете проложить рельсы по Северо-Западному пути и пустить по нему чертов паровоз.

Франклин добродушно хихикнул, хотя не видел ничего смешного в грубом замечании Росса и почувствовал себя глубоко уязвленным. Он часто не понимал, когда другие шутят, и сам не умел шутить.

– Но на самом деле не такие уж и мощные, – продолжал Росс. – Стопятитонная машина, которую затолкали в трюм вашего «Эребуса», выдает всего двадцать пять лошадиных сил. А двигатель Крозье и того меньше... максимум двадцать лошадиных сил. Корабль, который поведет вас на буксире к Шотландии, «Рэттлер», выдает двести двадцать лошадей, с паровым двигателем меньшего размера. Это судовой двигатель, рассчитанный на работу в море.

На это Франклину было нечего сказать, и потому он просто улыбнулся и взял с подноса у проходящего мимо официанта бокал шампанского. Поскольку употребление алкоголя шло вразрез со всеми его принципами, ему оставалось лишь стоять с бокалом в руке, поглядывая на опадающую пену шампанского и выжидая удобного момента, чтобы незаметно от него избавиться.

– Подумайте, сколько дополнительного продовольствия поместилось бы в трюмы ваших двух кораблей, если бы не эти чертовы двигатели, – настойчиво продолжал Росс.

Франклин огляделся по сторонам, словно в поисках спасения, но все вокруг оживленно разговаривали друг с другом.

– Продовольственных припасов нам хватит с избытком на три года, сэр Джон, – наконец сказал он. – На пять-семь лет, если придется урезать рацион. – Он снова улыбнулся, пытаясь очаровать сурового старика. – К тому же и на «Эребусе», и на «Терроре» имеется центральное отопление. Уверен, такую вещь вы оценили бы по достоинству на вашей «Виктори».

Светлые глаза Джона Росса холодно блеснули.

– «Виктори» раздавило льдами, как скорлупку, Франклин. Новомодное паровое отопление здесь не помогло бы, верно?

Франклин осмотрелся вокруг, пытаясь встретиться взглядом с Фицджерейсом. Или хотя бы с Крозье. С кем угодно, кто пришел бы к нему на помощь. Казалось, никто не замечал старого сэра Джона и толстого сэра Джона, занятых здесь столь серьезным, пусть и односторонним разговором. Мимо прошел официант, и Франклин поставил ему на поднос нетронутый бокал шампанского. Росс пытливо смотрел на Франклина прищуренными глазами.

– А сколько угля требуется, чтобы обогреть один из ваших кораблей в течение дня? – требовательно осведомился старый шотландец.

– О, я толком не знаю, сэр Джон, – ответил Франклин с обаятельной улыбкой.

Он действительно не знал. За паровые двигатели и уголь отвечали инженеры. Адмиралтейство наверняка произвело все необходимые расчеты.

– А я знаю, – сказал Росс. – Вы будете тратить сто пятьдесят фунтов угля в день только на то, чтобы горячая вода поступала в трубы, обогревающие жилую палубу. И полтонны драгоценного угля в день, чтобы просто поддерживать кипение в паровом котле. В пути же – не ждите от ваших уродливых линейных кораблей скорости выше четырех узлов – вы будете сжигать от двух до трех тонн угля в день. И гораздо больше, если попытаетесь пробиться через паковые льды. Сколько всего угля вы берете с собой, Франклин?

Капитан сэр Джон махнул рукой – небрежный, он осознал, если не женственный жест.

– О, где-то около двухсот тонн, милорд.

Росс снова прищурился.

– Если точнее, по девяноста тонн на каждом корабле, – проскрипел он. – От которых останется гораздо меньше к тому времени, когда вы обогнете Гренландию и достигнете Баффинова залива, еще даже не войдя в настоящие льды.

Франклин улыбнулся и ничего не ответил.

– Предположим, вы достигаете места зимовки во льдах с семьюдесятью пятью процентами от ваших девяноста тонн, – продолжал Росс свое наступление с неумолимостью корабля, прокладывающего путь через льды. – Таким образом, что у вас получается... сколько дней работы парового в нормальных условиях, не во льдах? Дюжина дней? Тринадцать? Две недели?

Капитан сэр Джон Франклин не имел ни малейшего представления. Его ум, хотя и являлся умом профессионального мореплавателя, просто не обладал способностью производить такие расчеты. Вероятно, в глазах у него мелькнул внезапный страх – вызванный не мыслью об угле, но сознанием, что он выставляет себя идиотом перед сэром Джоном Россом, – ибо старый моряк сжал плечо Франклина сильными цепкими пальцами, точно клещами. Когда Росс придвинулся ближе, капитан сэр Джон Франклин почувствовал исходящий от него запах виски.

– Каковы планы вашего спасения, предусмотренные Адмиралтейством? – прокрипел Росс.

Он говорил тихим голосом. Повсюду вокруг слышались смех и болтовня, обычные для заключительной части торжественного приема.

– Спасения? – Франклин растерянно похлопал глазами. Мысль, что двум самым современным кораблям в мире – укрепленным для ледового плавания, оборудованным паровыми двигателями, обеспеченным продовольствием на пять или более лет во льдах и укомплектованным людьми, тщательно отобранными сэром Джоном Барроу, – потребуется или сможет потребоваться спасение, просто не укладывалась у Франклина в голове. Абсурдная мысль.

– Вы планируете по пути устраивать склады провианта на островах? – прошептал Росс.

– Склады? – переспросил Франклин. – Оставлять продовольствие по пути? Зачем, собственно говоря, мне это делать?

– Чтобы иметь возможность обеспечить людей кровом и пищей, если вам придется возвращаться пешком по льду! – яростно прошипел Росс, сверкая глазами.

– С какой стати нам возвращаться к Баффинову заливу? – спросил Франклин. – Наша цель – пройти Северо-Западным проходом.

Сэр Джон немного отстранился. Он еще крепче стиснул плечо Франклина:

– Так, значит, у вас нет ни спасательного корабля, ни хотя бы плана спасения?

– Нет.

Росс схватил другую руку Франклина и сжал так сильно, что дородный капитан сэр Джон чуть не поморщился.

– Тогда, парень, – прошипел Росс, – если к сорок восьмому году мы не получим от вас никаких известий, я самолично отправлюсь на ваши поиски, клянусь.

Франклин вздрогнул и очнулся.

Он обливался потом. Он чувствовал головокружение и страшную слабость. У него бешено колотилось сердце, каждый удар которого отдавался подобием тяжелого колокольного звона в гудящей от боли голове.

Он в ужасе уставился вниз. Нижнюю половину тела у него прикрывала шелковая ткань.

– Что это? – в страхе вскричал он. – Что это такое? На мне флаг!

Леди Джейн вскочила с места, ошеломленная:

– Мне показалось, ты замерз, Джон. Ты весь дрожал. Я накрыла тебя им, как одеялом.

– Боже мой! – возопил капитан сэр Джон Франклин. – Боже мой, женщина, да понимаешь ли ты, что ты надела! Разве ты не знаешь, что флагом накрывают мертвецов?

3

Крозье

70°05′ северной широты, 98°23′ западной долготы

Октябрь 1847 г.

Капитан Крозье спускается по короткому трапу в жилую палубу, проходит через утепленную двустворчатую дверь и едва не пошатывается от внезапно накатившей волны тепла. Хотя циркулирующую по трубам горячую воду отключили много часов назад, благодаря теплу пятидесяти с лишним мужских тел и остаточному теплу от камбузной плиты здесь, в жилой палубе, температура воздуха почти на восемьдесят градусов выше, чем снаружи. Человек, полчаса пробывший на верхней палубе, испытывает такие ощущения, словно входит в сауну полностью одетым.

Поскольку Крозье собирается спуститься в неотапливаемые среднюю и трюмную палубы и потому не снимает верхнюю одежду, он не задерживается надолго здесь, в тепле. Но все-таки на мгновение останавливается – как сделал бы любой капитан, – чтобы оглядеться по сторонам и убедиться, что все тут не полетело к чертям собачьим за полчаса его отсутствия.

Хотя это единственная спальная, столовая и жилая палуба на корабле, здесь все равно темно, как в уэльском руднике, поскольку днем маленькие световые люки занесены снегом, а ночь сейчас продолжается двадцать два часа. Там и сям масляные лампы, фонари или свечи отбрасывают узкие конусы света, но в большинстве своем люди двигаются во мраке по памяти, помня, где надо огибать бесчисленные, еле различимые груды провианта, одежды и снаряжения, а также других людей, спящих в своих парусиновых койках. Когда подвешиваются все койки – на каждого человека приходится четырнадцать дюймов в ширину, – здесь вообще не остается свободного пространства, кроме двух проходов шириной восемнадцать дюймов вдоль стенки корпуса с одной и другой стороны. Но сейчас подвешены лишь несколько коек – люди спят перед ночной вахтой, – и разговоры, смех, проклятия, кашель, звон кастрюль и вдохновенные ругательства мистера Диггла звучат достаточно громко, чтобы отчасти заглушить треск и стоны льда.

Согласно чертежам корабля, высота межпалубного пространства семь футов, но в действительности расстояние между толстыми бимсами (и тоннами круглого леса и запасных досок, хранящимися на подвешенных к балкам рамам) над головой и палубным настилом под ногами меньше шести футов, и несколько по-настоящему высоких мужчин на «Терроре», вроде труса Мэнсона внизу, вынуждены постоянно ходить согнувшись. Френсис Крозье не настолько высок. Даже в фуражке и намотанном поверх нее шарфе ему не приходится пригибать голову, когда он поворачивается.

Сейчас справа от Крозье находится подобие темного, низкого и узкого тоннеля, уходящего к корме, но на самом деле это коридор, ведущий к «офицерской части» – шестнадцати крохотным каютам и двум тесным столовым для офицеров и мичманов. Каюта Крозье такого же размера, как все прочие: шесть на пять футов. Ширина коридора всего два фута – зараз здесь может пройти лишь один человек, подныривая под свисающие сверху тюки с припасами, а дородным мужчинам приходится протискиваться боком.

Офицерские каюты теснятся на шестидесяти футах общей девяностошестифутовой длины судна, а поскольку ширина «Террора» на уровне жилой палубы всего двадцать восемь футов, этот узкий коридор является единственным прямым путем в кормовую часть.

Крозье видит свет в расположенной в кормовой части кают-компании, где – даже в таком адском мраке и холоде – несколько из оставшихся в живых офицеров отдыхают за длинным столом, куря трубки или читая книги из библиотеки в тысячу двести томов, хранящихся там

на стеллажах. Капитан слышит звуки музыки – один из металлических дисков для музыкальной шкатулки играет мотивчик, который был популярен в лондонских мюзик-холлах пять лет назад. Крозье знает, что диск поставил лейтенант Ходжсон – это его любимая мелодия, – и она приводит в дикое раздражение лейтенанта Эдварда Литтла, старшего помощника Крозье и любителя классической музыки.

Поскольку на офицерской части явно все в порядке, Крозье поворачивается и бросает взгляд вперед. Жилое помещение постоянной судовой команды занимает оставшуюся треть длины корабля – но здесь теснятся сорок один матрос и гардемарин из первоначального состава сорок четвертого года.

Сегодня вечером не проводится никаких занятий, и меньше чем через час они развернут свои койки и улягутся спать, поэтому большинство мужчин сидят на своих сундучках или горах сложенной парусины, куря или разговаривая в полумраке. В центре помещения стоит гигантская патентованная плита Фрейзера, где мистер Диггл выпекает лепешки. Диггл – лучший кок во всем флоте, по мнению Крозье, и в буквальном смысле слова трофей, поскольку Крозье похитил шумливого кока прямо с флагамена капитана сэра Джона Франклина перед самым отплытием, – постоянно хлопочет у плиты, обычно выпекая галеты, и непрерывно осыпает бранью, подгоняет тумаками и пинками своих помощников. Люди суеются возле огромной плиты, часто исчезая в люке, чтобы принести нужные продукты с нижних палуб и избежать гнева мистера Диггла.

Сама фрейзеровская плита, на взгляд Крозье, почти не уступает размерами локомотивному двигателю в трюме. Кроме гигантской духовки и шести огромных горелок, громоздкая железная конструкция оснащена встроенным опреснителем и замечательным ручным насосом для накачивания воды либо из океана, либо из огромных цистерн, стоящих рядами в трюме. Но и в море, и в цистернах вода сейчас обратилась в лед, поэтому на горелках мистера Диггла булькают громадные кастрюли, в которых тают куски льда, отколотые в цистернах внизу и поднятые наверх для данной цели.

За перегородкой, сооруженной из полок и буфетов мистера Диггла, – на ее месте раньше находилась носовая переборка – капитан видит лазарет, устроенный в форпике корабля. Первые два года они обходились без лазарета. Форпик был загроможден от палубного настила до бимсов упаковочными клетями и бочонками, а члены команды, желавшие повидать корабельного врача или фельдшера в так называемый час салаг, в 7.30 утра, являлись на прием к плите мистера Диггла. Но сейчас, когда количество продовольственных припасов сокращалось, а количество больных и раненых увеличивалось, плотники выгородили в форпике постоянное отдельное помещение под лазарет. И все же капитан видит проход между упаковочными клетями, ведущий к спальному месту, которое они отвели леди Безмолвной.

Обсуждение данного вопроса заняло добрую половину дня в июне – Франклин категорически отказался брать эскимосскую женщину на свой корабль. Крозье принял ее на борт, но обсуждение вопроса о спальном месте для нее, происходившее у него с лейтенантом Литтлом, носило почти абсурдный характер. Даже эскимоска, они знали, замерзла бы до смерти на верхней палубе или в двух нижних, таким образом оставалась только главная жилая палуба. Безусловно, она не могла спать в кубрике судовой команды – хотя из-за обитающего во льдах существа у них к этому времени уже имелись свободные койки.

Во времена, когда Крозье еще подростком служил простым матросом, а потом гарде-марином, женщин, тайно проведенных на корабль, размещали в темной, душной и вонючей канатной в самой передней и самой нижней части судна, в пределах досягаемости от бака и счастливого или счастливых, протаскивших ее на борт. Но даже в июне, когда Безмолвная появилась, температура воздуха в канатной «Террора» уже опустилась ниже нуля.

Нет, о том, чтобы разместить женщину в кубрике, не могло идти и речи.

На территории офицеров? Возможно. После страшной гибели мистера Томпсона, разорванного на куски, там пустовала одна каюта. Но и лейтенант Литтл, и капитан быстро пришли к единодушному мнению, что присутствие женщины всего через несколько тонких переборок и раздвижных дверей от спящих мужчин крайне нежелательно и даже вредно.

Что тогда? Не могли же они выделить гостье спальное место, а потом поставить над ней вооруженного часового на всю ночь.

Именно Эдварду Литтлу пришла в голову мысль немного передвинуть упаковочные клетки и бочонки, чтобы освободить между ними маленькое пространство для эскимоски в форпике, где размещается лазарет. Единственным человеком, бодрствовавшим всю ночь напролет, являлся мистер Диггл, исполнительно выпекавший свои лепешки и жаривший мясо к завтраку, а если мистер Диггл когда-нибудь и интересовался женщинами, то времена эти определенно давно миновали. Кроме того, рассудили лейтенант Литтл и капитан Крозье, близость фрейзеровской плиты не позволит гостье замерзнуть.

Плита успешно справлялась со своей задачей. Леди Безмолвная изнемогала от жары и потому спала в чем мать родила на своих мехах в пещерке среди упаковочных клеток и бочонков. Капитан обнаружил это случайно, и видение обнаженной женщины запечатлелось у него в памяти.

Теперь Крозье снимает с крючка и зажигает фонарь, поднимает крышку люка и спускается по трапу в среднюю палубу, откуда не начал таять, подобно одному из кусков льда на плите. Сказать, что в средней палубе холодно, – значит выразиться очень и очень мягко, как Крозье выражался до своего первого путешествия в Арктику. При схождении по шестифутовому трапу с жилой палубы температура воздуха понижается самое малое на шестьдесят градусов. Здесь царит почти крошечная тьма.

Как положено капитану, Крозье на минуту останавливается, чтобы оглядеться по сторонам. Фонарь светит тускло и освещает главным образом лишь клубы пара от дыхания, висящие в воздухе. Повсюду вокруг громоздятся упаковочные клетки, огромные бочки, жестяные баки, бочонки, мешки с углем и накрытые парусиной груды провианта высотой от палубного настила до бимсов. Даже без фонаря Крозье легко нашел бы путь в кишашей попискивающими крысами темноте – он знает каждый дюйм своего корабля. Порой – особенно когда стонет лед – Френсис Родон Мойра Крозье сознает, что военный корабль «Террор» для него жена, мать, невеста и шлюха. Интимная близость с дамой, сделанной из дуба и железа, пакли и парусины, – единственный истинный супружеский союз, который у него может быть и будет когда-либо. Как он мог думать иначе в случае с Софией?

В иные разы – еще позже ночью, когда стоны льда перерастают в пронзительные крики, – Крозье кажется, будто корабль превратился в его тело и разум. Там, за стенками корпуса, смерть. Вечная стужа. Здесь, на корабле, даже затертом льдами, продолжается пульсация тепла, разговоров, движения и здравого смысла – пускай сколь угодно слабая.

Но спуск глубже в недра корабля, ясно понимает Крозье, подобен слишком глубокому проникновению в чье-то тело или сознание. Там можно столкнуться с вещами, весьма неприятными. Средняя палуба представляет собой брюхо. Здесь хранятся продовольствие и необходимые материальные средства, все уложенные в порядке предполагаемой надобности, легкодоступные для людей, которых гонят сюда крики, пинки и тумачи мистера Диггла. Ниже, в трюмной палубе, куда он направляется, находятся кишечник и почки – водяные цистерны, большая часть запасов угля и еще один склад провианта, гниющего в темноте. Но сильнее всего Крозье тревожит аналогия с сознанием. Почти всю жизнь неотступно преследуемый меланхолией, видящий в ней свою тайную слабость, усугубившуюся за двенадцать зим, проведенных во льдах в арктической темноте, чувствующий недавнее ее обострение до жестокой муки, вызванное отказом Софии Крэкрофт, Крозье представляет частично освещенную и изредка отапливаемую, но вполне пригодную для жилья главную палубу как разумную часть своего

существа. Средняя палуба сознания является местом, где он проводит слишком много времени в последние дни – прислушиваясь к крикам льда, со страхом ожидая, когда металлические болты и крепежные детали балок полопаются от мороза. Трюмная палуба внизу, со своим ужасным зловонием и ждущей новых поступлений мертвецкой, есть безумие.

Крозье прогоняет эти мысли прочь. Он заглядывает в проход между установленными друг на друга клетями и бочками, ведущий к носовой части. Луч фонаря упирается в переборку мучной кладовой, и проходы по обеим сторонам от нее сужаются до коридорчиков, еще более узких, чем коридор к офицерским каютам в жилой палубе, – здесь людям приходится протискиваться между стенкой мучной кладовой и уложенными в несколько рядов последними мешками угля на «Терроре». Кладовая плотника находится впереди у правого борта, а кладовая главного боцмана – прямо напротив, у левого.

Крозье поворачивается и светит фонарем в направлении кормы. Крысы разбегаются в стороны, хотя довольно вяло, прячась от света между бочонками солонины и упаковочными клетями с консервированными продуктами.

Даже при тусклом свете капитан видит, что висячий замок на двери винной кладовой на месте. Ежедневно один из офицеров Крозье спускается сюда за порцией рома, необходимой для приготовления грога, скупно выдаваемого людям в полдень: четверть пинты выдержанного рома на три четверти пинты воды. В винной кладовой хранятся также запасы бренди и вина для офицеров, а равно две сотни мушкетов, абордажных сабель и шпаг. По принятому в военноморском флоте обыкновению к винной кладовой ведут люки прямо из офицерской столовой и кают-компаний, расположенных над ней. Если на корабле вспыхнет мятеж, офицеры первыми доберутся до оружия.

За винной кладовой находится пороховая камера с бочонками пороха и картечи. По обеим сторонам от винной кладовой располагаются разнообразные хранилища, в том числе рундуки для якорных цепей, парусная кладовая с запасами парусины и всеми сопутствующими принадлежностями, а также баталерка, откуда мистер Хелпмен, заведующий вещевым довольствием, выдает людям верхнюю одежду.

За винной кладовой и пороховой камерой находится капитанская кладовая, где содержатся личные, купленные на собственные деньги продукты некоего Френсиса Крозье – копченые окорока, сыры и прочие лакомства. По-прежнему жив обычай, предписывающий капитану корабля время от времени накрывать стол для своих офицеров, и хотя снесь в кладовой Крозье выглядит бледно по сравнению с деликатесами, которыми набита кладовая покойного капитана сэра Джона Франклина на «Эребусе», запасов провизии здесь – теперь почти полностью истощившихся – хватило на два лета и две зимы во льдах. К тому же, с улыбкой думает он, у него в кладовой имеется преимущество в виде приличного винного погреба, все еще служащего службю офицерам. Бедные лейтенанты и гражданские офицеры на борту «Эребуса» обходятся без спиртного вот уже два года. Сэр Джон Франклин капли в рот не брал и потому при жизни был головной болью для своих офицеров.

По ведущему из кормовой части судна узкому проходу к Крозье приближается покачивающийся фонарь. Повернувшись, капитан видит некое подобие мохнатого черного медведя, протискивающегося между переборкой мучной кладовой и мешками угля.

– Мистер Уилсон, – говорит Крозье, узнав помощника плотника по округлым очертаниям фигуры, а также по перчаткам из тюленьей кожи и кожаным штанам, какие были выданы всем людям перед отплытием, но которым лишь немногие отдавали предпочтение перед фланелевыми и шерстяными.

После одной из отлучек с корабля помощник плотника сшил из волчьих шкур, купленных на датской китобойной базе в заливе Диско, неуклюжего покроя – но теплую, как он утверждал, – шубу. Если бы не внушительные габариты Уилсона, его часто путали бы в темноте с леди Безмолвной.

– Капитан.

Уилсон, один из самых толстых мужчин на борту, держит в левой руке фонарь, а правой рукой обхватывает и прижимает к боку несколько ящиков с плотницкими инструментами.

– Мистер Уилсон, засвидетельствуйте мое почтение мистеру Хани и, пожалуйста, попросите его спуститься ко мне в трюмную палубу.

– Есть, сэр. Куда именно?

– К мертвецкой, мистер Уилсон.

– Есть, сэр.

Свет фонаря отражается в глазах Уилсона, когда он задерживает любопытный взгляд на капитане на секунду дольше, чем позволяют приличия.

– И попросите мистера Хани прихватить лом.

– Есть, сэр.

Крозье отступает в сторону, втискиваясь между двумя бочонками, чтобы пропустить более крупного мужчину к трапу, ведущему в жилую палубу. Капитан понимает, что, возможно, он зря срывает плотника с места – заставляет человека невесть зачем натягивать поддевки и зимнюю шинель перед самым отходом ко сну, – но у него предчувствие, и лучше побеспокоить плотника сейчас, чем позже.

Когда Уилсон протискивается в верхний люк, капитан Крозье поднимает крышку нижнего и спускается в трюмную палубу.

Капитан никогда не читал «Божественную комедию» Данте, даже часть под названием «Ад», но, если бы читал, он мгновенно признал бы в трюме вполне узнаваемое земное подобие девятого круга Ада.

Поскольку все междупалубное пространство здесь находится ниже уровня льда, в трюме почти так же холодно, как во враждебном мире снаружи. И темнее, поскольку здесь нет ни северного сияния, ни звезд, ни луны, светом своим рассеивающих вездесущую тьму. Здесь душно от угольной пыли и дыма – Крозье смотрит на черные струйки, обвивающиеся вокруг шипящего фонаря, точно костяные пальцы привидений-плакальщиц, – и воняет нечистотами и трюмной водой. Скребущие, шуршащие и снова скребущие звуки доносятся из темноты со стороны кормы, но Крозье знает, что это просто загребают лопатами уголь в котельной. Только остаточное тепло котельной не позволяет трехдюймовому слою зловонной воды, плещущей у подножья трапа, превратиться в лед. Впереди, где носовая часть погружена в лед глубже, палубный настил покрыт почти футовым слоем ледяной воды, хотя люди стоят у насосов по шесть и более часов ежедневно. «Террор», как любое другое живое существо, выдыхает влагу через посредство двух десятков своих жизненно важных органов – включая постоянно работающую плиту мистера Диггла, – и если жилая палуба всегда сырая и по бортам тронута изморозью, а средняя палуба выстужена, то трюм представляет собой подземную темницу со свешивающимися со всех бимсов сосульками и стоящей здесь водой выше щиколотки. Ощущение лютого холода усугубляют плоские черные бока двадцати железных водяных цистерн, выстроенных вдоль стенок корпуса с одной и другой стороны. Наполненные тридцатью девятью тоннами пресной воды перед отплытием экспедиции, сейчас они представляют собой закованные в броню айсберги, и дотронуться до железа – значит лишиться кожи.

Магнус Мэнсон ждет у подножья трапа, как доложил рядовой Уилкс, но здоровенный матрос не сидит на заднице, а стоит – наклонив голову и сгорбившись под низкими бимсами. Его бледное мясистое лицо со стиснутыми челюстями напоминает Крозье очищенную подгнившую картофелину, засунутую под «уэльский парик». Он не желает встречаться взглядом со своим капитаном при режущем глаза свете фонаря.

– В чем дело, Мэнсон?

В голосе Крозье не слышится раздражения, которому он дал волю в разговоре с вахтенным и лейтенантом. Он говорит бесцветным, спокойным и уверенным тоном человека, в чьей власти выпороть и повесить своего подчиненного.

– Это все привидения, капитан.

Для столь крупного мужчины голос у Магнуса Мэнсона по-детски тонок и слаб. Когда в июле 1845-го «Террор» и «Эребус» останавливались в заливе Диско у западного побережья Гренландии, капитан сэр Джон Франклин считал нужным уволить из экспедиции четырех человек: рядового морской пехоты и матроса с «Террора» и парусника и оружейника с «Эребуса». Крозье высказался за увольнение матроса Джона Брауна и рядового морской пехоты Эйкина со своего корабля – они были немногим лучше инвалидов и совершенно зря нанялись на судно, идущее в такое тяжелое плавание, – но впоследствии он пожалел, что не отправил домой и Мэнсона тоже. Если этот здоровенный парень еще и не повредился рассудком, то уже настолько близок к помешательству, что разница практически не ощущается.

– Ты знаешь, что на «Терроре» нет привидений, Мэнсон.

– Да, капитан.

– Посмотри на меня.

Мэнсон поднимает голову, но в глаза Крозье не смотрит. Капитана изумляет, что на таком большом мясистом лице – и такие крохотные блеклые глазки.

– Ты отказался выполнять приказ мистера Томпсона носить мешки с углем в котельную, матрос Мэнсон?

– Нет, сэр. Да, сэр.

– Ты знаешь, каковы последствия неподчинения приказам на этом корабле?

У Крозье такое ощущение, будто он разговаривает с малым ребенком, хотя Мэнсону по меньшей мере тридцать лет.

Лицо матроса светлеет, словно он услышал вопрос, на который может дать правильный ответ.

– О да, капитан. Порка, сэр. Двадцать плетей. Сотня плетей, коли я не подчинюсь приказу вторично. И повешение, коли я ослушаюсь настоящего офицера, а не какого-то там мистера Томпсона.

– Совершенно верно, – говорит Крозье. – Но известно ли тебе, что за проступок капитан может также наложить любое наказание, какое сочтет нужным?

Мэнсон смотрит на него сверху вниз, с недоумением в светлых глазах. Он не понял вопроса.

– Я имею в виду, что могу наказать тебя по своему усмотрению, матрос Мэнсон, – говорит капитан.

На мясистом лице отражается облегчение.

– О да, истинная правда, капитан.

– Вместо двадцати плетей, – говорит Френсис Крозье, – я могу приказать запереть тебя в мертвецкой на двенадцать часов, без света.

От лица Мэнсона, и без того бледного, отхлынуло столько крови, что Крозье приготовился отступить в сторону, если здоровенный парень грохнется в обморок.

– Вы... не можете... – Голос ребенка-мужчины дрожит.

Несколько долгих мгновений в нарушаемой лишь шипением фонаря тишине Крозье молчит, сознательно утрачивая матроса выражением своего лица. Наконец он спрашивает:

– Что за звуки, по-твоему, ты слышал, Мэнсон? Тебе кто-нибудь рассказывал истории про призраков?

Мэнсон открывает рот, но, похоже, не может решить, на какой вопрос ответить в первую очередь. На толстой нижней губе у него образуется налет инея.

– Уокер, – наконец говорит он.

– Ты боишься Уокера?

Джеймс Уокер – друг Мэнсона, примерно одного возраста с этим идиотом и немногим умнее, – был последним человеком, погибшим на льду всего неделю назад. Корабельные правила предписывали членам команды держать открытыми лунки, просверленные во льду рядом с кораблем, – даже если толщина льда десять или пятнадцать футов, как сейчас, – дабы иметь доступ к воде в случае пожара, вспыхни таковой на борту. Уокер и два его товарища отправились в темноте вскрывать одну такую старую лунку, которая затянулась бы льдом меньше чем за час, если бы не металлические штыри, вколотенные по окружности. Белое чудовище, внезапно появившееся из-за торосной гряды, в считанные секунды оторвало матросу руку и раздробило грудную клетку – и исчезло прежде, чем вооруженные часовые на палубе успели вскинуть дробовики.

– Уокер рассказывал тебе истории про призраков? – спрашивает Крозье.

– Да, капитан. Нет, капитан. Джимми, он сказал мне за день до того, как существо убило его. «Магнус, – сказал он, – если это дьяволово отродье там во льдах доберется до меня когда-нибудь, я вернусь в белом саване, чтобы шептать тебе на ухо, как холодно в аду». Ей-богу, капитан, так Джимми сказал мне. И теперь я слышу, как он пытается выбраться из...

Словно по сигналу, корпус судна глухо трещит, промерзшая палуба под ногами стонет, металлические скобы на бимсах стонут в ответ, точно сопереживая, и в темноте вокруг раздаются скребущие, царапающие звуки, которые как будто прокатываются от одного конца судна к другому. Лед беспокоен.

– Ты такие звуки слышишь, Мэнсон?

– Да, капитан. Нет, капитан.

Мертвецкая находится в тридцати футах от них в сторону кормы, сразу за последней стоящей водяной цистерной, но, когда лед снаружи стихает, Крозье слышит лишь приглушенный скрежет и стук лопат в котельной, расположенной дальше к корме.

Крозье сыт по горло этим вздором:

– Ты знаешь, что твой друг не вернется, Магнус. Он лежит там, во вспомогательной парусной кладовой, надежно зашитый в свою парусиновую койку, вместе с другими пятью окоченелыми трупами, завернутыми в три слоя самой толстой парусины. Если ты и слышишь какие-то звуки, доносящиеся оттуда, то это чертовы крысы, которые пытаются добраться до них. Ты это знаешь, Магнус Мэнсон.

– Да, капитан.

– Я не потерплю неподчинения приказам на своем корабле, матрос Мэнсон. Ты должен принять решение. Либо ты таскаешь уголь, куда тебе велит мистер Томпсон. Приносишь продукты, когда мистер Диггл посылает тебя за ними вниз. Выполняешь все приказы быстро и без возражений. Либо ты предстанешь перед судом... передо мной... и, вполне вероятно, сам проведешь холодную ночь в мертвецкой, в крошечной тьме, без фонаря.

Не промолвив более ни слова, Мэнсон отдает честь, дотрагиваясь костяшками пальцев до лба, поднимает огромный мешок угля, брошенный на ступеньке трапа, и тащит в темноту, к корме.

Сам инженер разделся до нижней рубашки и вельветовых штанов и загребает лопатой уголь, работая бок о бок с дряхлым сорокасемилетним кочегаром по имени Билл Джонсон. Второй кочегар, Льюк Смит, сейчас спит в жилой палубе между сменами, а старший кочегар «Террора», молодой Джон Торрингтон, умер первым в экспедиции, первого января 1846 года. Но его смерть наступила по естественным причинам, – похоже, лечащий врач Торрингтона убедил девятнадцатилетнего парня отправиться в море, чтобы излечить чахотку, и он скончался через три месяца тяжелой болезни, когда корабли стояли во льдах в заливе у острова

Бичи в первую зиму плавания. Доктора Педди и Макдональд сказали Крозье, что легкие у парня были забиты угольной пылью, точно карманы дымохода.

– Благодарю вас, капитан, – говорит молодой инженер между двумя взмахами лопаты.

Матрос Мэнсон только что свалил с плеч на пол второй мешок и пошел за третьим.

– Не за что, мистер Томпсон.

Крозье бросает взгляд на кочегара Джонсона. Он на четыре года моложе капитана, но выглядит тридцатью годами старше. Все складки и морщины на отмеченном печатью времени лице Джонсона черные от глубоко въевшейся сажи и угольной пыли. Даже беззубые десны у него серые от копоти. Крозье не хочет выговаривать своему инженеру – а следовательно, офицеру, хотя и возведенному в офицерское звание только на время экспедиции, – в присутствии кочегара, но все же говорит:

– Полагаю, мы больше не будем использовать морских пехотинцев в качестве посыльных, коли подобная ситуация возникнет в будущем, в чем я сильно сомневаюсь.

Томпсон кивает, толчком лопаты с лязгом захлопывает железную решетку топки, потом опирается на лопату и велит Джонсону сходить наверх к мистеру Дигглу и принести кофе для него. Крозье рад, что кочегар ушел, но еще больше рад, что решетка закрыта: после холода снаружи от жары в котельной он чувствует легкую дурноту.

При мысли о судьбе инженера капитан испытывает невольное изумление. Мичман Джеймс Томпсон, инженер первого класса, выпускник училища при фабрике паровых двигателей в Вулриче – лучшего в мире полигона для обучения нового поколения инженеров, – здесь, в грязной нижней рубашке, точно простой кочегар, бросает лопатой уголь в топку в котельной затертого льдами корабля, который за последний год с лишним не переместился ни на дюйм собственными силами.

– Мистер Томпсон, – говорит Крозье, – к сожалению, у меня не было возможности побеседовать с вами сегодня после вашего возвращения с «Эребуса». Вам удалось переговорить с мистером Грегори?

Джон Грегори – инженер на флагманском корабле.

– Да, капитан. Мистер Грегори убежден, что с наступлением настоящей зимы они никакими силами не сумеют добраться до поврежденного ведущего вала. Даже если им удастся пробить тоннель во льду и заменить последний сломанный гребной винт на другой, изготовленный на скорую руку, со столь сильно погнутым валом «Эребус» все равно не сможет идти под паром.

Крозье кивает. «Эребус» погнул свой второй вал, когда безрассудно пошел на штурм льдов больше года назад. Флагманский корабль – более тяжелый и с более мощным двигателем – тем летом прокладывал путь через паковые льды, открывая проход для второго судна. Но последнее ледяное поле, на которое они натолкнулись перед тем, как застряли во льдах, оказалось тверже, чем железо экспериментального гребного винта. Тогда же ныряльщики – которые все получили обморожение и едва не умерли – доложили, что не только винт сломался, но и ведущий вал погнулся и треснул.

– Что у них с углем? – спрашивает капитан.

– Угля на «Эребусе» хватит на... вероятно, месяца на четыре обогрева жилой палубы, если подавать горячую воду в трубы всего по часу в день, капитан. И не останется ни крошки, чтобы идти под паром следующим летом.

«Если мы вообще вырвемся из ледового плена», – думает Крозье. После этого лета, когда лед не смягчился ни на день, он смотрит на вещи пессимистично. Франклин расточительно тратил запасы угля на «Эребусе» в последние несколько недель свободы летом 1846-го, уверенный, что, если они сумеют пробиться через последние мили паковых льдов, экспедиция достигнет открытых вод Северо-Западного прохода, протекающего вдоль северного побережья Канады, и к концу осени они уже будут гонять чай в Китае.

– А что у нас с углем? – спрашивает Крозье.

– Вероятно, хватит на шесть месяцев обогрева жилой палубы, – говорит Томпсон. – Но при условии, если мы сократим время подачи горячей воды в трубы с двух часов в день до одного. И я советую сделать это поскорее – не позднее первого ноября.

До означенной даты оставалось меньше двух недель.

– А как насчет возможности идти под паром? – спрашивает Крозье.

Если следующим летом лед вообще подтает, Крозье планирует взять на борт «Террора» всех оставшихся в живых людей с «Эребуса» и предпринять отчаянную попытку вернуться обратно прежним путем: пройти безымянным проливом между полуостровом Бутия и островом Принца Уэльского, который они лихо миновали два лета назад; потом мимо мыса Уокер и по проливу Барроу; далее проскочить через пролив Ланкастер подобием вылетающей из бутылки пробки; а потом на всех парусах устремиться на юг, в Баффинов залив, сжигая вместо угля запасной рангоут и мебель, коли понадобится выжать из двигателя последнюю толику пара, – лишь бы только выйти в свободные от льда воды в окрестностях Гренландии, где их найдут китобойцы.

Но даже если произойдет чудо и они вырвутся из ледового плена здесь, чтобы пробиться на север к проливу Ланкастер через дрейфующие в южном направлении льды, кораблю нужен пар. Крозье и Джеймс Росс выходили на «Терроре» и «Эребусе» из антарктических льдов, но тогда они плыли по течению, вместе с айсбергами. Здесь же, в проклятой Арктике, кораблям неделями приходится идти навстречу движущемуся от полюса потоку плавучего льда, чтобы хотя бы достичь проливов, открывающих путь к спасению.

Томпсон пожимает плечами. У него изможденный вид.

– Если в первый день нового года мы прекратим отапливать жилую палубу и умудримся протянуть до лета, у нас может хватить угля, чтобы идти под паром в свободных от льда водах... ну... шесть дней? Пять?

Крозье снова кивает. Это практически смертный приговор его кораблю, но необязательно – экипажам обоих кораблей.

Из темного коридора доносится шум.

– Благодарю вас, мистер Томпсон.

Капитан снимает свой фонарь с железного крюка, выходит из озаренной отблесками огня жаркой котельной и шлепает по воде в темноте.

Томас Хани ждет в коридоре; свеча у него в фонаре еле горит в спертom воздухе. Он держит перед собой лом, словно мушкет, и еще не открыл замкнутую на засовы дверь мертвецкой.

– Спасибо, что пришли, мистер Хани, – говорит Крозье плотнику.

Не вдаваясь в объяснения, капитан отодвигает засовы и входит в выстуженную кладовую.

Крозье невольно поднимает фонарь и светит в сторону кормовой переборки, где сложены шесть мертвых тел, закутанные в парусиновый саван.

Груда шевелится. Крозье ожидал этого – ожидал увидеть движение крыс под парусиной, – но он осознает, что видит также сплошную шевелящуюся массу крыс и поверх парусинового савана. Над палубным настилом на добрых четыре фута поднимается куча из сотен крыс, которые все борются за возможность подобраться к окоченелым трупам. От крысиного писка здесь чуть уши не закладывает. Другие крысы шмыгают под ногами у него и плотника. «Спешат на пиршество», – думает Крозье. И нисколько не боятся света фонарей.

Крозье направляет луч света на стенку корпуса, поднимается по чуть наклонному (из-за легкого крена судна на правый борт) палубному настилу и идет вдоль изогнутой, немного завалившейся вперед стенки.

Вот оно.

Он подносит фонарь ближе.

– Гореть мне в аду и болтаться на виселице, – говорит Хани. – Прощу прощения, капитан, но я не думал, что лед так скоро сотворит такое.

Крозье не отвечает. Он приседает на корточки, чтобы получше рассмотреть погнутые доски обшивки.

Они здесь сильно выпирают внутрь, выступая почти на фут из плавно изогнутой стенки борта. Доски последнего внутреннего слоя обшивки потрескались, и по меньшей мере две из них сорвались с гвоздей с одного конца.

– Господи Иисусе Всемогуций, – говорит плотник, приседая на корточки рядом с капитаном. – Этот чертов лед, твою мать, он просто жуть какая силища, прошу у капитана прощения, сэр.

– Мистер Хани, – говорит Крозье, выдыхая облачко крохотных ледяных кристаллов, которые, искрясь в свете фонаря, оседают на уже обледенелые доски, – что-нибудь, кроме льда, могло причинить такое повреждение?

Плотник разражается смехом, но тут же умолкает, осознав, что капитан не шутит. Глаза у него округляются, потом прищуриваются.

– Еще раз прошу прощения, капитан, но если вы имеете в виду... это невозможно.

Крозье молчит.

– Я имею в виду, капитан, первоначально корабль имел трехдюймовую обшивку из лучшего черешчатого дуба. А для этого путешествия – в смысле, для ледового плавания, сэр, – ее толщина была удвоена двумя слоями тикового дерева, по полтора дюйма каждый. И тиковые доски пущены по диагонали, сэр, что придает обшивке еще большую прочность, чем в случае, если бы они располагались горизонтально.

Крозье разглядывает сорванные с гвоздей доски, стараясь не обращать внимания на море крыс за ними и вокруг них, а равно на царапающие и чавкающие звуки, доносящиеся от кормовой переборки.

– Вдобавок, сэр, – продолжает Хани хриплым от холода голосом, выдыхая облачко пара, отдающее ромом и мгновенно замерзающее на морозе, – поверх трех дюймов черешчатого дуба и трех дюймов тика наложены два двухдюймовых слоя канадского вяза, что увеличивает толщину обшивки еще на четыре дюйма. И вязовые доски пущены по диагонали, в перпендикуляр к тиковым. Таким образом, мы имеем пять слоев крепких досок, сэр... десять дюймов самой прочной древесины отделяют нас от моря.

Плотник замолкает, осознав, что читает капитану лекцию о деталях выполненной на верфи работы, за которой Крозье самолично наблюдал в течение нескольких месяцев перед отплытием.

Капитан поднимается на ноги и кладет руку в рукавице туда, где доски сорвались с гвоздей. Там образовалась щель шириной более дюйма.

– Поставьте свой фонарь на пол, мистер Хани. Выломайте эти доски ломом. Я хочу посмотреть, что лед сделал с наружными дубовыми досками обшивки.

Хани подчиняется. На несколько минут лязг лома о промерзшее дерево и кряхтенье плотника почти заглушают неистовую возню грызунов у них за спиной. Погнутые вязовые доски, поддетые и вывернутые ломом, отрываются и падают под ноги. За ними следуют потрескавшиеся тиковые доски. Теперь остаются только выгнутые внутрь дубовые доски первоначальной обшивки; Крозье подступает ближе и поднимает фонарь, чтобы лучше видеть.

В проломе длиной в фут блестят в фонарном свете осколки и острые зубцы льда, но в самом центре они видят нечто, вызывающее гораздо сильнейшую тревогу: там чернота. Пустота. Дыра во льду. Тоннель.

– Господи Иисусе, Боже Всемогуций, мать твою перемать, – единым духом выдыхает плотник. На сей раз он не извиняется перед капитаном.

У Крозые возникает желание облизать пересохшие губы, но он знает, что здесь, при минус пятидесяти, этого делать не стоит. Однако сердце у него колотится столь бешено, что он также чувствует искушение схватиться рукой за стенку корпуса, чтобы удержаться на ногах, – как уже сделал плотник.

Ледяной воздух снаружи врывается в пролом с такой силой, что едва не гасит фонарь. Крозые загораживает свободной рукой трепещущий язычок пламени, в неверном свете которого тени мужчин мечутся по палубному настилу, бимсам и переборкам.

Две длинные наружные доски обшивки разломаны в щепы и вдавлены внутрь под воздействием некой непостижимой, непреодолимой силы. В свете слегка дрожащего фонаря отчетливо видны следы огромных когтей на растрескавшихся дубовых досках – следы когтей с размазанными пятнами немыслимо красной крови.

4

Гудсир

75°12′ северной широты, 61°06′ западной долготы

Баффинов залив, июль 1845 г.

Из личного дневника доктора Гарри Д. С. Гудсира

11 апреля 1845 г.

В сегодняшнем письме к брату я написал: «Все офицеры исполнены надежды совершить переход по Северо-Западному пути и к концу лета достичь Тихого океана».

Должен признаться, я лично надеюсь, как это ни эгоистично с моей стороны, что экспедиции потребуется чуть больше времени, чтобы достичь Аляски, России, Китая и теплых вод Тихого океана. Хотя я получил специальность анатома и нанялся в экспедицию сэра Джона Франклина простым фельдшером, на самом деле я не просто фельдшер, но доктор и должен признаться также, что, сколь бы неумелы ни были мои попытки, я надеюсь стать немного натуралистом в данном путешествии. Незнакомый на практике с арктическими флорой и фауной, я планирую лично познакомиться с жизненными формами царства вечных льдов, к которому мы отплыли всего месяц назад. Особенно меня интересует белый медведь, хотя большинство рассказов о нем, какие слышишь от китобоев и старых полярников, слишком неправдоподобны.

Я признаю, что вести личный дневник в плавании не принято – в судовом журнале, который я начну после нашего отплытия в следующем месяце, будут содержаться все заслуживающие упоминания обстоятельства моей профессиональной деятельности и отчеты о моем времяпрепровождении на борту британского военного корабля «Эребус» в должности фельдшера и в качестве участника экспедиции капитана сэра Джона Франклина, имеющей своей целью пройти по Северо-Западному проходу, – но мне представляется, что одного судового журнала недостаточно и требуются еще записи, более личного свойства, и даже если я никогда не дам ни одной живой душе прочитать свой дневник по возвращении из путешествия, мой долг – перед самим собой, если не перед другими, – сохранить сии путевые заметки.

В данный момент мне известно лишь, что экспедиция под командованием капитана сэра Джона Франклина уже обещает стать величайшим приключением в моей жизни.

Воскресенье, 18 мая 1845 г.

Все люди уже на борту, и, хотя последние приготовления к завтрашнему отплытию все еще продолжаются (в частности, погрузка ящиков, содержащих, как уведомил меня капитан Фицджереймс, восемь тысяч жестянок с консервированными продуктами и доставленных в последнюю минуту), сэр Джон сегодня провел богослужение для судовой команды «Эребуса» и всех людей из экипажа «Террора», пожелавших присоединиться к нам. Я заметил, что капитан «Террора», ирландец по имени Крозье, не присутствовал.

Ни один из бывших сегодня на богослужении и слышавших очень длинную проповедь сэра Джона не мог не расчувствоваться до глубины души. Я задаюсь вопросом, было ли еще когда-нибудь в военно-морском флоте какой-либо страны судно под командованием столь религиозного человека. Несомненно, в предстоящем путешествии мы со спокойным сердцем, истинно и бесповоротно вверяем свою судьбу всемилостивому Господу.

19 мая 1845 г.

Какое отплытие!

Никогда прежде не ходивший в море, тем более в качестве участника столь славной экспедиции, я совершенно не знал, чего ожидать, но ничто не могло подготовить меня к таким торжественным проводам.

По оценке капитана Фицджерейса, свыше десяти тысяч доброжелателей и важных персон собралось на пристанях Гринхайта, дабы проводить нас.

Речи звучали одна за другой, и под конец мне уже стало казаться, что нам не позволят отплыть, пока солнце еще стоит высоко в летнем небе. Играли оркестры. Леди Джейн, находившаяся на борту с сэром Джоном, спустилась по сходням под громкое многократное «ура!», исторгшееся из груди шестидесяти с лишним членов судовой команды «Эребуса». Играли оркестры. Потом, когда мы отдали концы, все разразилось воодушевленными возгласами и криками, и несколько минут стоял такой оглушительный шум, что я не расслышал бы приказа, прокричи мне таковой в ухо сам сэр Джон.

Накануне вечером лейтенант Гор и главный врач Стенли любезно уведомили меня, что обычай предписывает офицерам не выказывать эмоций во время отплытия, и потому, хотя я являюсь офицером лишь формально, я стоял вместе с офицерами, выстроившимися в ряд в своих великолепных синих мундирах, и старался сдерживать любые проявления чувств, пусть и вполне подходящих мужчине.

Одни только мы хранили внешнюю невозмутимость. Матросы на вантах вопили во всю глотку и махали платками, и я видел множество нарумяненных портовых девок, машущих им в ответ. Даже капитан сэр Джон Франклин махал ярким красно-зеленым платком своей супруге леди Джейн, дочери Элеоноре и племяннице Софии Крэкрофт, покуда следующий за нами «Террор» не заслонил пристани от нашего взора.

На данном отрезке пути нас тащат на буксире паровые суда и сопровождает «Рэттлер», новый фрегат с мощным паровым двигателем, а также наемное грузовое судно, везущее наши продовольственные припасы, «Баретто Джуниор».

Перед самым отходом «Эребуса» от пристани на верхушку грот-мачты опустился голубь. Дочь сэра Джона от первого брака Элеонора – тогда еще хорошо видимая в толпе в своем ярко-зеленом шелковом платье и с изумрудного цвета зонтиком – закричала нам, тщетно сясь перекрыть рев толпы и гром духовых оркестров, а потом показала пальцем, и сэр Джон и многие офицеры посмотрели наверх, заулыбались и обратили внимание всех остальных членов команды на голубя.

В сочетании со словами, прозвучавшими в ходе вчерашнего богослужения, я должен признать появление голубя лучшим предзнаменованием из всех возможных.

4 июля 1845 г.

Какой ужасный переход через Северную Атлантику к Гренландии!

Тридцать штормовых дней, даже ведомый на буксире, наш корабль качался и метался на волнах, кренясь из стороны в сторону так сильно, что плотно закрытые пушечные порты по обоим бортам временами оказывались всего в нескольких футах над водой, и порой едва продвигаясь вперед. Двадцать восемь дней из тридцати я жестоко мучился морской болезнью. По словам лейтенанта Левеконта, мы ни разу не развили скорость выше пяти узлов, на каковой малой скорости, заверяет он, чрезвычайно трудно приходится любому обычному паруснику, не говоря уже о таком чуде техники, как «Эребус» и второе наше судно «Террор», которые оба способны идти под паром, приводимые в движение своими неукротимыми гребными винтами.

Три дня назад мы обогнули мыс Фарвелл на южной оконечности Гренландии, и должен признать, что вид этого огромного континента со скалистыми утесами и бесконечными ледниками, спускающимися прямо к морю, подействовал на мое душевное состояние так же тягостно, как действовала качка на мой желудок.

Боже милостивый, какой пустынный, холодный край! А ведь сейчас июль.

Наш боевой дух, однако, на высоте, и все полагаются на опыт и здравомыслие сэра Джона. Вчера лейтенант Фейрхольм, самый молодой из наших лейтенантов, доверительно сказал мне: «Я никогда прежде не ходил в плавание с капитаном, в котором видел бы настоящего товарища, какого вижу в нашем».

Сегодня мы стали на якорь у китобойной базы здесь, в заливе Диско. Тонны продовольствия перегружаются с «Баретто Джуниор» на наши корабли, и десять живых быков, находившиеся на борту грузового судна, были забиты днем. Все члены экипажей обоих экспедиционных кораблей нынче вечером полакомятся свежим мясом.

Четыре человека были уволены из экспедиции сегодня – по рекомендации четырех корабельных врачей, включая меня, – и они вернутся в Англию на грузовом и буксирном судах. В числе уволенных один человек с «Эребуса» – некий Томас Берг, оружейник, – и три человека с «Террора»: рядовой морской пехоты по имени Эйкин, матрос по имени Джон Браун и старший парусник Джеймс Эллиот. Таким образом, общая численность двух судовых команд сократилась до ста двадцати девяти.

Повсюду развешана вяленая рыба, купленная у датчан; в воздухе висит облако угольной пыли – сотни мешков с углем были сегодня перенесены с «Баретто Джуниор», – и матросы на «Эребусе» усердно скребут и скоблят палубу гладкими камнями, которые называют молитвенниками, а офицеры подгоняют их криками. Несмотря на дополнительную работу, все матросы находятся в приподнятом настроении ввиду обещанного вечером пиршества и добавочных порций грога.

Помимо четырех человек, уволенных по состоянию здоровья, сэр Джон отправляет с «Баретто Джуниор» июньские отчеты, официальные сообщения и всю личную корреспонденцию. Ближайшие несколько дней все будут строчить письма.

Следующее послание, которое получают наши любимые, будет отправлено из России или Китая!

12 июля 1845 г.

Два китобойных судна – «Принц Уэльский» и «Энтерпрайз» – встали на якорь неподалеку от места, где мы пришвартовались к плавучей ледяной горе. Я провел много часов, разговаривая с капитанами и членами команд о белых медведях.

Я также испытал явственный ужас, если не удовольствие, поднявшись на этот огромный айсберг сегодня утром. Матросы взобрались на него вчера с утра пораньше, вырубив топорами в отвесной ледяной стене ступеньки, а потом натянув по сторонам от них тросы для менее ловких и проворных. Сэр Джон распорядился устроить обсерваторию на вершине гигантского айсберга, высотой превосходящего самую высокую нашу мачту в два с лишним раза, и, пока лейтенант Гор и несколько офицеров с «Террора» поднимали метеорологические и астрономические приборы наверх – накануне там установили палатку для людей, ночевавших на крутой ледяной горе, – наши ледовые лоцманы, мистер Рейд с «Эребуса» и мистер Блэнки с «Террора», провели всю светлую часть дня, всматриваясь в западный и северный горизонты сквозь медные подзорные трубы в поисках, как мне сказали, наиболее удобного пути через почти сплошное ледяное поле, уже образовавшееся там. Эдвард Кауч, наш весьма сведущий и словоохотливый помощник капитана, говорит, что в данную пору арктического сезона для кораблей уже поздно искать какие-либо проходы во льдах, а тем более легендарный Северо-Западный проход.

При виде пришвартованных к айсбергу «Эребуса» и «Террора» внизу, путаницы веревок (которые теперь мне, как старому морскому волку, надлежит называть тросами), прочно связывающих суда с ледяной горой, и самых высоких на кораблях «вороньих гнезд» под моими ногами, нетвердо стоящими на скользкой ледяной вершине, столь высоко вознесшейся надо всем, я испытал своего рода болезненный, смешанный с ужасом восторг и головокружение.

Восхитительно было стоять там, на высоте трехсот футов над морем, – вершина айсберга представляла собой площадку размером с центральную часть крикетного поля, и палатка с нашей метеорологической обсерваторией казалась неуместной на голубом льду, – но мои надежды предаться в тиши возвышенным грезам были разрушены беспрестанной ружейной пальбой, ибо мужчины, рассыпавшиеся по вершине нашей ледяной горы, стреляли птиц (арктических крачек, как мне сказали) сотнями. Бесчисленные груды этих птиц будут засолены и убраны на хранение, хотя одному Богу ведомо, куда поставят дополнительные бочонки с соляной, ибо оба наших корабля уже трещат по всем швам и сидят в воде низко под тяжестью своего груза.

Доктор Макдональд, фельдшер с «Террора», – мой коллега, собственно говоря, – держится мнения, что засоленная пища не столь полезна и богата витаминами, как свежие или не обработанные солью продукты, а поскольку члены обеих судовых команд предпочитают соленую свинину всем прочим блюдам, доктор Макдональд беспокоится, что пища сильного соления будет мало способствовать нашей защите от цинги. Однако Стивен Стенли, корабельный врач «Эребуса», считает подобные опасения беспочвенными. Он указывает, что, помимо десяти тысяч банок консервов, на борту одного только «Эребуса» наши запасы консервированных продуктов включают в себя вареную и жареную баранину, говядину, самые разные овощи, в том числе картофель, морковь, пастернак, овощные салаты, а также широкое разнообразие супов и 9450 фунтов шоколада. Почти столько же фунтов – 9300 – лимонного сока взяты на борт в качестве нашего главного противочинготного средства. По словам Стенли, простые матросы терпеть не могут выдаваемый ежедневно лимонный сок, даже изрядно подслащенный сахаром, и одна из основных обязанностей экспедиционных врачей – следить за тем, чтобы они его исправно пили.

Меня удивило, что офицеры и матросы обоих наших кораблей охотятся преимущественно с дробовиками. Лейтенант Гор заверяет меня, что на каждом корабле имеется полный арсенал мушкетов. Конечно, представляется целесообразным использовать дробовики при охоте на птиц, подобных тем, каких убивали сотнями сегодня, но даже в заливе Диско, когда небольшие отряды ходили охотиться на карибу и песцов, мужчины – даже морские пехотинцы, явно обученные обращению с мушкетами, – предпочитали брать с собой дробовики. Разумеется, дело здесь не столько в привычке, сколько в предпочтении: офицеры в большинстве своем английские джентльмены, которые никогда прежде не пользовались мушкетами или винтовками на охоте, и даже морские пехотинцы в прошлом охотились почти исключительно с дробовиками и пользовались однозарядными ружьями разве только в ближнем морском бою.

Но интересно знать, хватит ли мощности дробовика, чтобы убить большого белого медведя? Мы еще не видели ни одного из этих поистине удивительных животных, хотя все бывалые офицеры и матросы заверяют меня, что мы встретимся с ними, как только войдем в паковые льды, а если не тогда, то уж наверняка во время зимовки – коли нам придется зимовать во льдах. Истории о неуловимых белых медведях, поведанные мне здесь китобоями, потрясают воображение и леденят душу.

Пока я пишу эти строки, меня уведомляют, что течение, или ветер, или, возможно, некие требования китобойного промысла вынудили обоих китобойцев, «Принца Уэльского» и «Энтерпрайз», уйти от места нашей швартовки у ледяной горы. Капитан сэр Джон не будет сегодня вечером обедать с капитаном одного из них (кажется, капитаном Мартином с «Энтерпрайза»), как планировалось.

Что более существенно, помощник капитана Роберт Серджент сию минуту сообщил мне, что наши люди спускают вниз астрономические и метеорологические приборы, сворачивают палатку и сматывают сотни ярдов веревки – то есть троса, – благодаря которым я взбирался на вершину айсберга сегодня.

Очевидно, ледовые лоцманы, капитан сэр Джон, командор Фицджереймс, капитан Крозье и прочие офицеры определились с выбором пути через постоянно перемещающиеся паковые льды.

Мы покинем наше временное ледяное пристанище через считанные минуты и продолжим путь, двигаясь на северо-запад, покуда позволяют арктические сумерки, кажущиеся бесконечными.

Отныне мы будем вне досягаемости даже для самых отважных китобойцев. Что касается мира вне нашей бесстрашной экспедиции, то, как сказал Гамлет, дальнейшее – молчание.

5

Крозье

70°05′ северной широты, 98°23′ западной долготы

9 ноября 1847 г.

Крозье видит во сне пикник на берегу Утконосова пруда и Софию, ласкающую его под водой, когда слышит звук выстрела и просыпается, вздрогнув всем телом.

Он рывком садится в койке, не зная, сколько сейчас времени, не зная, день сейчас или ночь – хотя теперь разницы между днем и ночью нет, поскольку как раз сегодня солнце окончательно скрылось, чтобы появиться только в феврале, через три с лишним месяца, – но, еще не успев зажечь маленький фонарь в своей каюте, чтобы посмотреть на часы, он понимает, что уже поздно. На корабле царят обычные тишина и покой – тишина, нарушаемая лишь мучительным скрипом дерева и металла внутри, храпом, бормотанием и попердыванием спящих людей да чертыханиями кока мистера Диггла; и покой, если не считать беспрестанного треска, скрежета, стона и глухого гула льда снаружи. Ко всему этому сегодня ночью добавился жуткий вой крепкого ветра, похожий на вопли призрака, предвещающие смерть.

Но Крозье разбудил не шум льда или ветра, а выстрел. Приглушенный многослойной обшивкой корпуса и покровом из льда и снега – но именно выстрел, без сомнений.

Крозье спал почти полностью одетым и теперь успел натянуть на себя большинство остальных поддевок и уже готов надеть верхнюю одежду, когда Томас Джопсон, его вестовой, стучит в каюту на свой обычный манер: три отчетливых легких удара костяшками пальцев. Капитан открывает задвижную дверь.

– Тревога на палубе, сэр.

Крозье кивает:

– Кто держит вахту сегодня ночью, Томас?

Хронометр показывает без малого три пополуночи. Память, хранящая ноябрьский суточный график дежурств, подсказывает капитану имена за мгновение до того, как Джопсон произносит их вслух:

– Билли Стронг и рядовой Хизер, сэр.

Крозье снова кивает, берет с буфета пистолет, проверяет, заряжен ли он, сует за ремень и протискивается мимо вестового в офицерскую столовую, примыкающую к крохотной капитанской каюте со стороны правого борта, а потом быстро проходит через следующую дверь к главному трапу. Жилая палуба почти полностью погружена во тьму в столь ранний час – исключение составляет тусклый ореол света вокруг плиты мистера Диггла, – но в нескольких офицерских каютах зажигаются фонари, когда Крозье останавливается у подножья трапа, чтобы снять с крюка толстую зимнюю шинель и влезть в нее.

Задвижные двери начинают открываться. Старший помощник капитана Хорнби подходит к трапу и останавливается рядом с Крозье. Первый лейтенант Литтл торопливо шагает по коридору, неся три мушкета и саблю. За ним следуют лейтенанты Ходжсон и Ирвинг, которые тоже несут оружие.

Дальше за трапом матросы недовольно ворчат в своих койках, но второй помощник капитана Роберт Томас уже собирает рабочую группу, буквально вытряхивая спящих людей из коек и толкая к трапу, за верхней одеждой и оружием.

– Кто-нибудь уже поднимался на палубу посмотреть, в чем там дело? – спрашивает Крозье своего старшего помощника.

– Мистер Мейл, сэр, – отвечает Хорнби. – Он поднялся наверх сразу после того, как послал за вами вашего вестового.

Рубен Мейл – баковый старшина. Человек спокойный и выдержанный. Билли Стронг, несущий вахту у левого борта, раньше ходил в море, как известно Крозье, на военном корабле «Белвидер». Он не стал бы палить по привидениям. Вторым вахтенным был самый старший – и, по мнению Крозье, самый глупый – из оставшихся в живых морских пехотинцев, Уильям Хизер. Все еще рядовой в свои тридцать пять, часто хворый, слишком часто пьяный и ни к чему толком не годный, Хизер едва не отправился домой с острова Диско два года назад за компанию со своим лучшим другом Билли Эйкином, уволенным из экспедиции и отосланным обратно в Англию на «Рэттлере».

Крозье засовывает пистолет в огромный карман своей толстой шерстяной шинели, берет у Джопсона фонарь, заматывает шарфом лицо и первым поднимается по накренному трапу.

Снаружи темно, как у кита в брюхе: ни звезд, ни северного сияния, ни луны – и холодно: термометр показывал минус шестьдесят три градуса шесть часов назад, когда молодого Ирвинга посылали наверх произвести измерения, а теперь неистовый ветер с воем проносится над обрубками мачт и покатою обледелой палубой, заметая все вокруг густым снегом. Выйдя из-под заиндевелого парусинового навеса над главным люком, Крозье прикрывает рукой в рукавице лицо, чтобы защитить глаза от снега, и видит слабый свет фонаря у правого борта.

Рубен Мейл стоит на одном колене над рядовым Хизером, который лежит навзничь, без фуражки и «уэльского парика», а также, видит Крозье, без доброй половины черепа. Крови, похоже, нет, но Крозье видит мозг морского пехотинца, поблескивающий в свете фонаря – поблескивающий, осознает капитан, поскольку кашицеобразное серое вещество уже покрыто ледяными кристаллами.

– Он еще жив, капитан, – говорит баковый старшина.

– Господи Иисусе, твою мать, – бормочет один из матросов, толпящихся позади Крозье.

– Отставить! – рявкает старший помощник. – Никакого сквернословия, мать твою. Держи свою чертову пасть закрытой, пока к тебе не обращаются, Крисп. – Голос Хорнби – нечто среднее между рычанием мастифа и бычьим храпом.

– Мистер Хорнби, – говорит Крозье, – прикажите матросу Криспу бегом спуститься вниз и принести свой гамак, чтобы отнести в лазарет рядового Хизера.

– Есть, сэр, – хором откликаются Хорнби и матрос.

Частый топот тяжелых башмаков тонет в пронзительном вое ветра.

Крозье поднимается на ноги и светит фонарем вокруг.

Там, где рядовой Хизер стоял на посту у основания обледелых вант, толстый планширь разбит в щепы. За проломом, знает Крозье, снежно-ледяной скат длиной тридцать или более футов уходит вниз подобием горки для катания на санках, но большая часть ската сейчас не видна за плотной снежной пеленой. В маленьком круге света от фонаря никаких следов на снегу не видно.

Рубен Мейл поднимает мушкет Хизера:

– Из него не стреляли, капитан.

– В такую метель рядовой Хизер не мог увидеть зверя, пока тот не набросился на него, – говорит лейтенант Литтл.

– А что Стронг? – спрашивает капитан.

Мейл указывает рукой в сторону противоположного борта:

– Он пропал, капитан.

Крозье обращается к Хорнби:

– Возьмите одного человека и оставайтесь с рядовым Хизером, пока Крисп не вернется с гамаком, а затем отнесите раненого вниз.

Внезапно в круг света входят оба врача – Педди и его помощник Макдональд. Макдональд одет легко.

– Господи Иисусе! – восклицает главный корабельный врач, опускаясь на колени рядом с морским пехотинцем. – Он еще дышит.

– Помогите ему, коли можете, Джон, – говорит Крозье. Он указывает на Мейла и полдюжины остальных матросов, сгрудившихся вокруг. – Все остальные – за мной. Держите оружие наготове, даже если для этого вам придется снять рукавицы. Уилсон, возьмите оба фонаря. Лейтенант Литтл, пожалуйста, спуститесь вниз и отберите еще двадцать надежных парней, выдайте всем полное обмундирование и мушкеты – не дробовики, а мушкеты.

– Слушаюсь, сэр, – отвечает Литтл, пытаясь перекрыть шум ветра, но Крозье уже ведет людей прочь, огибая наметенный сугроб и вибрирующий шатер посреди корабля и поднимаясь по наклонной палубе к посту часового у левого борта.

Уильям Стронг сгинул. Ключья длинного шерстяного шарфа, запутавшиеся здесь в снастях, бешено бьются на ветру. Шинель Стронга, «уэльский парик», дробовик и одна рукавица валяются возле фальшборта с подветренной стороны палубного галюна, где часовые обычно прячутся от ветра, но сам Уильям Стронг исчез. Обледенелый планширь – там, где матрос, вероятно, стоял, когда увидел огромную тень, надвигающуюся на него из снежного морока, – измазан кровью.

Не говоря ни слова, Крозье знаком отправляет двух вооруженных мужчин с фонарями к корме, еще трех – к носу, а одного отсылает заглянуть с фонарем под парусиновый навес посреди палубы.

– Сбросьте трап здесь, Боб, – говорит он Роберту Томасу.

Второй помощник капитана тащит на плечах груды свежей – в смысле, не промерзшей – веревки, принесенной снизу. В считанные секунды веревочный трап сбрасывается с борта.

Крозье спускается первым.

На куче льда и снега, наваленной вдоль открытого левого борта, они видят еще кровь. Полосы крови – кажущиеся почти черными в фонарном свете – тянутся от пушечных портов к постоянно меняющемуся лабиринту заструг и торосов, не столько видимых взором, сколько ощутимых шестым чувством в темноте.

– Оно заманивает нас туда, сэр, – говорит второй лейтенант Ходжсон, придвигаясь ближе к капитану, чтобы быть услышанным в шуме яростного ветра.

– Разумеется, – говорит Крозье. – Но мы все равно пойдем. Возможно, Стронг еще жив. Нам не впервой видеть такое.

Крозье оглядывается. Помимо Ходжсона, по трапу за ним спустились всего трое мужчин – остальные либо обыскивали верхнюю палубу, либо относили вниз рядового Хизера. У них всего два фонаря на пятерых.

– Армitedж, – обращается Крозье к вестовому, чья белая борода уже густо запорошена снегом, – отдайте свой фонарь лейтенанту Ходжсону и идите с ним. Гибсон, вы останетесь здесь и скажете лейтенанту Литтлу, куда мы направились, когда он придет с основным поисковым отрядом. Скажите, чтобы он ни в коем случае не позволял своим людям открывать огонь, пока не убедятся, что целятся не в одного из нас.

– Есть, капитан.

Крозье обращается к Ходжсону:

– Джордж, вы с Армitedжем пройдите яров на двадцать туда, в сторону носа, а затем двигайтесь параллельно нам, в южном направлении. Старайтесь, чтобы ваш фонарь оставался в нашем поле зрения, и не теряйте из виду наш.

– Есть, сэр.

– Том, – обращается Крозье к единственному оставшемуся человеку, молодому Эвансу, которому еще не стукнуло и двадцати, – ты пойдешь со мной. Держи винтовку наготове, но не снимай с предохранителя.

– Есть, сэр. – У парня стучат зубы.

Крозье ждет, когда Ходжсон отойдет на двадцать ярдов вправо – свет его фонаря еле пробивается сквозь летящий густой снег, – а потом ведет Эванса в лабиринт торосных гряд, двигаясь по прерывистым кровавым полосам на льду. Он знает, что даже трехминутного промедления хватило бы, чтобы еле заметный след напрочь замело снегом. Капитан даже не дает себе труда вынуть пистолет из кармана шинели.

Меньше чем через сто ярдов, когда огни фонарей на палубе «Террора» теряются в снежной мгле, Крозье достигает нагромождения ледяных глыб, образовавшегося в месте стыка двух ледяных полей, со страшной силой напирających друг на друга и трущихся краями одно о другое. Экспедиция сэра Джона Франклина видела, как такие торосные гряды появляются словно по волшебству, вздымаются ввысь с оглушительным треском и скрежетом, а потом вытягиваются по поверхности замерзшего моря – зачастую двигаясь быстрее, чем бегущий во весь дух человек.

Эта гряда высотой по меньшей мере тридцать футов – колоссальное нагромождение ледяных глыб, каждая из которых размером с двухколесный экипаж, самое малое.

Крозье идет вдоль гряды, подняв фонарь по возможности выше. Фонаря Ходжсона к западу от них больше не видно – видимость здесь сильно ограничена, ибо повсюду вокруг вздымаются ледяные башни, загораживающие обзор. В пределах мили, отделяющей «Террор» от останков «Эребуса», возвышается огромная ледяная гора, и еще с полдюжины таких же можно увидеть окрест лунной ночью.

Но сегодня поблизости нет никаких айсбергов – только эта торосная гряда высотой с трехэтажное здание.

– Здесь! – кричит Крозье, перекрывая шум ветра.

Эванс подходит ближе, вскинув свою винтовку.

Полоса черной крови на белой ледяной стене. Существо заволокло Уильяма Стронга на эту ледяную гору, поднявшись по крутому, почти отвесному склону.

Крозье начинает взбираться наверх, держа фонарь в правой руке и шаря по сторонам левой в поисках щелей и трещин для своих замерзших пальцев и уже обледенелых башмаков. В спешке он забыл надеть свои особые башмаки, подметки которых Джопсон пробил длинными гвоздями для надежного сцепления с подобными ледяными поверхностями, и теперь обычные форменные башмаки безбожно скользят по льду. Но двадцатью пятью футами выше, прямо под неровным зубчатым гребнем торосной гряды, он находит еще пятна застывшей крови и потому крепко сжимает фонарь в правой руке, резко отталкивается левой ногой от покатой ледяной полки и с усилием взбирается на вершину, слыша скрип своей задубевшей на морозе шинели. Капитан не чувствует носа, и пальцы у него тоже онемели от холода.

– Капитан, – кричит Эванс из темноты внизу, – мне подниматься за вами?

Крозье слишком сильно запыхался, чтобы говорить, но через несколько секунд переводит дух и кричит вниз:

– Нет... подожди там!

Теперь он видит слабый свет фонаря Ходжсона на северо-западе – они с Армitedжем еще находятся в тридцати с лишним ярдах от торосной гряды.

Размахивая руками, чтобы сохранить равновесие на ветру, сильно наклоняясь вправо, когда слева на него налетает мощный порыв, яростно трепля конец шарфа и грозя сбросить с гребня, Крозье направляет луч фонаря на южный склон гряды.

Здесь склон круто, почти отвесно уходит вниз на тридцать пять футов. Ни следа Уильяма Стронга – никаких темных пятен на льду, никаких признаков, свидетельствующих о том, что

какое-либо существо, живое или мертвое, спускалось здесь. Спуск по этой отвесной ледяной стене представляется Крозье делом абсолютно невыполнимым.

Крозье трясет головой – осознавая, что ресницы и веки у него почти смерзлись, и глаза открываются с трудом, – и начинает спускаться обратно. Дважды он чуть не срывается и не падает на острые зубцы льда вниз, но наконец съезжает по склону последние футов восемь к месту, где ждет Эванс.

Но Эванс исчез.

Винтовка валяется на снегу, по-прежнему поставленная на предохранитель. На вихрящемся под ногами снегу никаких следов – ни человеческих, ни каких-либо других.

– Эванс!!! – За тридцать пять с лишним лет службы во флоте капитан Френсис Родон Крозье выработал привычный командный голос, способный перекрыть шум ураганного юго-западного ветра или рев снежной бури и вспененных валов в Магеллановом проливе. Сейчас он орет в полную силу легких: – Эванс!!!

Никакого ответа – только вой ветра.

Крозье поднимает винтовку, проверяет, заряжена ли она, и стреляет в воздух. Треск выстрела кажется еле слышным даже ему самому, но он видит, как фонарь Ходжсона вдруг поворачивает к нему, и различает в снежной мгле еще три тусклых огонька, приближающиеся со стороны «Террора».

Всего в двадцати футах от него раздается рев. Так мог бы реветь ветер, нашедший новый путь вокруг ледяного тороса, но Крозье знает: это не ветер.

Он ставит фонарь на снег, роется в кармане, достает пистолет, стягивает зубами рукавицу с руки и держит бесполезное оружие перед собой.

– Иди сюда, дьявол тебя подери! – истошно вопит он. – Иди и попробуй взять меня вместо мальчишки, ты, мохнатое, грязное, зловонное отродье сифилитичной хайгейтской шлюхи!

По-прежнему никакого ответа – только вой ветра.

6

Гудсир

74°43'28" северной широты, 90°39'15" западной долготы

Остров Бичи, зима 1845/46 г.

Из личного дневника доктора Гарри Д. С. Гудсира

1 января 1846 г.

Джон Торрингтон, кочегар с «Террора», умер сегодня рано утром. В первый день нового года. Пошел пятый месяц, как нас затерло льдами здесь, у острова Бичи.

Смерть Торрингтона не стала неожиданностью. Уже несколько месяцев было ясно, что он болел чахоткой в поздней стадии, когда нанялся в экспедицию, и если бы симптомы проявились всего на несколько недель раньше, в конце лета, беднягу отправили бы домой на «Рэттлере» или даже на одном из двух китобойных судов, которые мы встретили перед тем, как двинуться на запад через Баффинов залив и пролив Ланкастер к арктическим пустыням, где сейчас зимуем. По злой иронии судьбы, лечащий врач Торрингтона сказал парню, что плавание благоприятно подействует на его здоровье.

Разумеется, Торрингтона лечили старший судовой врач Педди и доктор Макдональд с «Террора», но я несколько раз присутствовал на консилиумах в период постановки диагноза и был препровожден на их корабль несколькими матросами «Эребуса» сегодня утром, после кончины молодого человека.

Когда в начале ноября болезнь стала явной, капитан Крозье освободил двадцатилетнего кочегара от работы на плохо проветриваемой трюмной палубе – одной угольной пыли, висящей там в воздухе, достаточно, чтобы вызвать удушье у человека даже со здоровыми легкими, – и с тех пор состояние Джона Торрингтона неуклонно ухудшалось. И все же Торрингтон мог бы протянуть еще не один месяц, если бы не дополнительный фактор, ускоривший его смерть. Доктор Александр Макдональд говорит, что Торрингтон – который в последние несколько недель ослаб настолько, что уже даже не мог совершать свои обычные прогулки по жилой палубе при помощи товарищей, – в Рождество свалился с пневмонией, и с тех пор они несли дежурство у постели умирающего. Увидев тело сегодня утром, я был поражен крайним истощением покойного Джона Торрингтона, но Педди и Макдональд объяснили, что в последние два месяца аппетит у него неуклонно понижался и, хотя корабельные врачи изменили рацион больного, введя в него больше консервированных супов и овощей, он продолжал терять в весе.

Сегодня утром я наблюдал за тем, как Педди и Макдональд готовили покойного к погребению (Торрингтон был в свежей рубашке в полоску, с аккуратно подстриженными волосами и чистыми ногтями): подвязали чистым бинтом челюсть, чтобы она не отвисала, а потом обмотали тело с прижатыми к бокам руками длинными полосами белой бумажной ткани на уровне локтей и кистей и стянули бинтами лодыжки. Они сделали это, чтобы конечности не болтались при взвешивании бедного мальчика – весы показали всего 88 фунтов! – и произвели другие необходимые приготовления к погребению. Вопрос о вскрытии трупа не обсуждался, поскольку представлялось очевидным, что парня убила чахотка, осложненная пневмонией, и опасности заражения других членов команды нет.

Я помог двум своим коллегам с «Террора» положить тело Торрингтона в гроб, со всем тщанием изготовленный искусным корабельным плотником Томасом Хани и его помощником по имени Уилсон. Трупного окоченения не наблюдалось. Дно гроба, столь аккуратно выструганного и сколоченного из красного дерева, плотники устлали стружками, насыпав в изголо-

вье побольше, – и, поскольку запах разложения еще почти не ощущался, воздух был напоен ароматом свежих стружек.

3 января 1846 г.

Я все продолжаю думать о погребении Джона Торрингтона, состоявшемся вчера вечером.

На скорбной церемонии присутствовала лишь немногочисленная группа представителей «Эребуса», но вместе с сэром Джоном, командором Фицджерейсом и несколькими офицерами я тоже прошел пешим ходом от нашего корабля до «Террора», а оттуда еще двести ярдов до берега острова Бичи.

Я не в силах представить более ужасной зимы, чем нынешняя, которую мы проводим во льдах под прикрытием скалистого мыса острова Бичи, в свою очередь защищенного от ветра более крупным островом Девон, но командор Фицджерейс и остальные заверяют меня, что наше положение – даже с учетом коварных торосных гряд, жуткой тьмы, завывающих штормовых ветров и постоянно грозящих раздавить нас льдов – было бы в тысячу раз хуже в отдалении от места нашей стоянки, в открытом море, где поля льда движутся от полюса, подобно наступающим войнам некоего грозного арктического божества.

Товарищи Джона Торрингтона осторожно спустили гроб – уже накрытый тонкой шерстяной тканью синего цвета – с борта корабля, косо стоящего на высокой ледяной платформе, а другие матросы «Террора» привязали гроб к широким саням. Сэр Джон собственноручно накрыл гроб государственным флагом, а потом друзья и товарищи Торрингтона встали в упряжь и протащили сани примерно шестьсот футов до покрытого льдом галечного берега острова Бичи.

Погребальная церемония происходила незадолго до наступления кромешной тьмы, поскольку в январе солнце не показывается здесь даже в середине дня и не показывалось вот уже три месяца. Говорят, пройдет еще месяц с лишним, прежде чем южный горизонт вновь поприветствует нашу огненную звезду. Так или иначе, вся процессия – гроб, сани, запряженные в них матросы, офицеры, врачи, сэр Джон, морские пехотинцы в полном обмундировании, сокрытом под грязно-коричневыми зимними шинелями, надетыми на всех нас, – освещалась лишь покачивающимися фонарями, когда мы двигались по скованному льдом морю к покрытому льдом берегу. Люди с «Террора» прорубили и расчистили проходы через несколько торосных гряд, недавно выросших между нами и отлогим галечным берегом, так что мы практически не отклонялись в сторону от нашего скорбного пути. В начале зимы сэр Джон распорядился установить ряд крепких столбов с натянутыми между ними тросами и подвесными фонарями по кратчайшему пути между нашими кораблями, а также усыпать галькой проход к нескольким построенным нами сооружениям – одно предназначалось для хранения значительной части провианта, перенесенного туда с кораблей на случай, если льды раздавят наши суда; другое служило своего рода аварийной ночлежкой и научной станцией; а в третьем находилась кузница оружейников, перемещенная туда, чтобы наши деревянные дома случайно не возгорелись от искр и вырывающихся из горна языков пламени. Но маршрут, отмеченный столбами и фонарями, пришлось забросить, поскольку лед постоянно движется, вздымается и опрокидывает или ломает все, установленное на его поверхности.

Во время похорон шел снег. Дул сильный ветер, обычный в этой богом забытой арктической пустыне. К северу от места погребения вздымались отвесные черные скалы, столь же неприступные, как горы на Луне. Свет фонарей, горевших на «Эребусе» и «Терроре», еле пробивался сквозь снежную мглу. Время от времени из-за стремительно несущихся облаков выглядывал краешек холодной луны, но даже тусклый, бледный лунный свет быстро мерк в темноте за плотной завесой снега. Боже мой, сей мрачный, безотрадный край поистине сравним с преисподней.

Сразу после кончины Торрингтона самые сильные матросы с «Террора» работали практически без передышки несколько часов кряду, выкапывая лопатами и кирками могилу – глу-

биной в положенные пять футов, согласно приказу сэра Джона. Одного взгляда на яму, вырубленную в твердом, как железо, льду и промерзшем каменистом грунте, было достаточно, чтобы понять, какой колоссальный труд в нее вложен. «Юнион Джек» убрали, и гроб осторожно, почти почтительно опустили в узкую могилу. Крышку гроба мгновенно запорошило снегом, искрившимся в свете наших фонарей. Один из офицеров Крозье установил в изголовье могилы надгробную дощечку, вслед за тем вбитую в замерзшую землю несколькими ударами деревянного молота, которым орудовал гигантского роста моряк. Надпись, аккуратно вырезанная на дощечке, гласила:

ПАМЯТИ ДЖОНА ТОРРИНГТОНА,
отошедшего в мир иной
1 января 1846 года от Р. Х.
на борту корабля ее величества
«Террор»
в возрасте 20 лет

Сэр Джон провел заупокойную службу и произнес надгробное слово. Оно продолжалось несколько минут, и тихий монотонный голос звучал в полной тишине, нарушаемой лишь шумом ветра да притопыванием людей, старающихся спасти от обморожения пальцы ног. Должен признаться, я плохо слушал надгробную речь сэра Джона, отвлекаясь на вой ветра и собственные блуждающие мысли, подавленный унылой суровостью местности, печальными думами о мертвом теле, обряженном в полосатую рубашку, со стянутыми бинтами конечностями, только сейчас опущенном в хладную могилу, и более всего подавленный вечной чернотой скал, нависающих над узким каменистым берегом.

Наконец заупокойная служба завершилась. Матросы оттащили сани к лачуге оружейников и оставили там. Толпа разделилась на две группы – более многочисленная двинулась во главе с капитаном Крозье к «Террору», а мы направились к нашему дому на «Эребусе», находящемся чуть дальше от берега. Несколько раз я оглядывался на четыре фонаря, стоявшие на земле рядом с четырьмя матросами, которые задержались, чтобы засыпать могилу мерзлой землей и камнями. В ближайшие дни, я знал, товарищи молодого Торрингтона собирались выложить вокруг одинокой могилы бордюр из ракушек и белых камешков.

Мы еще не прошли и половины пути до корабля, когда фонари стали невидимы во мгле набирающей силу вьюги.

4 января 1846 г.

Еще один человек умер.

На сей раз член нашей судовой команды, двадцатипятилетний матрос Джон Хартнелл. В самом начале седьмого часа вечера, по моей оценке, когда в кубрике спускали на цепях столы для ужина, Хартнелл пошатнулся, навалившись на своего брата Томаса, упал на пол, стал харкать кровью и через пять минут испустил дух. Врач Стенли и я находились рядом с ним, когда он умер, в расчищенной носовой части жилой палубы, отведенной под лазарет.

Его смерть ошеломила нас. У Хартнелла не наблюдалось никаких симптомов цинги или чахотки. Командир корабля Фицджереймс присутствовал там с нами и не мог скрыть своего ужаса – если причиной смерти явилась некая разновидность чумы или цинга, начавшая распространяться среди команды, нам необходимо было выяснить это немедленно. Прямо на месте, пока занавески оставались задернутыми и никто не взялся готовить Джона Хартнелла к погребению, мы приняли решение произвести вскрытие трупа.

Мы расчистили стол на территории лазарета, дополнительно отгородились от толпившихся в кубрике людей стенкой, наспех возведенной из упаковочных клетей, плотнее задвинули занавески, и я принес свои инструменты. Стенли, хотя и занимающий должность стар-

шего корабельного врача, высказал мнение, что производить вскрытие следует мне, поскольку я анатом по образованию. Я сделал первый разрез и принялся за работу.

Я мгновенно осознал, что впопыхах сделал разрез в виде перевернутой «Y», какой обычно применял на практических занятиях в анатомическом театре, когда сильно спешил; в отличие от общепринятого Y-образного разреза, две косые линии которого тянутся вниз от плеч и сходятся у основания грудины, косые линии моего разреза начинались над бедрами и встречались у пупа Хартнелла. Стенли сделал мне замечание, и я сконфузился.

– Лишь бы поскорее, – тихо сказал я своему коллеге. – Нужно сделать все быстро – люди страшно не любят, когда тела их товарищей вскрывают.

Врач Стенли кивнул, и я продолжил. Словно в подтверждение моих слов, младший брат Хартнелла принялся кричать и вопить по другую сторону занавески. В отличие от медленного угасания Торрингтона с «Террора», давшего команде время смириться с мыслью о скорой смерти товарища и приготовить письма к его матери, неожиданная кончина Джона Хартнелла глубоко потрясла людей. Никому из них не нравилось, что корабельные врачи кромсают труп. Теперь только звание и выдержка командора Фицджереймса стояли между возмущенным братом и смятенными матросами – и нашим лазаретом. Я слышал, что товарищи младшего Хартнелла и присутствие Фицджереймса удерживают парня на месте, но, когда мой скальпель рассек ткани и нож проник в межреберное пространство, я услышал также злобное ворчание всего в нескольких ярдах за занавеской.

В первую очередь я извлек сердце Хартнелла, отрезав с ним часть трахеи, и поднес к свету фонаря. Стенли принял сердце из моих рук, стер с него кровь тряпицей, и мы вдвоем внимательно его осмотрели. Оно выглядело вполне нормально, никаких видимых признаков болезни не наблюдалось. Пока Стенли держал орган близко к свету, я сделал разрез на правом желудочке, потом на левом. Раздвинув плотные мышечные ткани, мы со Стенли осмотрели сердечные клапаны. Они казались вполне здоровыми.

Положив сердце в брюшную полость, я быстрыми движениями скальпеля отсек нижнюю часть легких.

– Вот оно, – сказал Стенли.

Я кивнул. В легких имелись отчетливые рубцы и другие признаки чахотки, а равно свидетельства недавно поразившей моряка пневмонии. Джон Хартнелл, как и Джон Торрингтон, был туберкулезником, но этот матрос – старший годами, более сильный и, по словам Стенли, более грубый и шумный – скрывал симптомы, вероятно даже от себя самого. До сего дня, когда он вдруг упал в приступе и скончался всего за несколько минут перед тем, как получить свою порцию солонины.

Вырезав и вынув из брюшной полости печень, я поднес ее к свету, и мы со Стенли оба обнаружили на ней признаки, сопутствующие чахотке, а равно свидетельства многолетнего злоупотребления спиртным.

Всего в нескольких ярдах от нас, за занавеской, брат Хартнелла Томас шумно изъяснял свое негодование, удерживаемый на месте лишь суровыми окриками командора Фицджереймса. По доносившимся до меня голосам я понял, что другие офицеры – лейтенант Гор, лейтенанты Левеконт и Фейрхольм и даже помощник капитана Дево – присоединились к попыткам успокоить толпу матросов.

– Пожалуй, мы увидели достаточно? – прошептал Стенли.

Я снова кивнул. Симптомов цинги на теле, на лице, в ротовой полости и на внутренних органах не имелось. Хотя оставалось загадкой, каким образом чахотка, или пневмония, или обе вместе столь быстро убили матроса, по крайней мере представлялось очевидным, что опасаться какой-либо инфекционной болезни нет причин.

Шум голосов за занавеской усиливался, поэтому я торопливо засунул легкие, печень и прочие органы обратно в брюшную полость, вместе с сердцем – не трудясь разложить их по

надлежащим местам, но запихав все вперемешку, – а потом вернул на место грудную клетку, то есть те части ребер и грудины, которые вырезал. (Позже я осознал, что впопыхах поставил ее вверх ногами.) Затем главный врач Стенли зашил вилкообразный разрез, орудуя большой иглой с толстой суровой нитью с проворством и ловкостью, какие сделали бы честь любому портному.

Еще через минуту мы облачили покойника в одежду – трупное окоченение уже начинало создавать известные трудности – и отдернули занавеску. Стенли, чей голос ниже и звучнее моего, заверил брата Хартнелла, Томаса, и остальных людей, что теперь нам остается лишь обмыть тело их товарища, чтобы они могли подготовить его к погребению.

6 января 1846 г.

Почему-то эта похоронная церемония подействовала на меня тяжелее, чем первая. Мы снова прошли скорбной процессией от корабля к острову – на сей раз в ней участвовали только люди с «Эребуса», хотя доктор Макдональд, главный врач Педди и капитан Крозье с «Террора» присоединились к нам.

Снова накрытый флагом гроб – матросы надели на Хартнелла три рубахи, в том числе лучшую рубаху его брата Томаса, но нижнюю часть тела лишь завернули в саван и на несколько часов оставили гроб в убранном траурными лентами лазарете открытым в верхней половине, заколотив крышку гвоздями только перед самой церемонией. Снова медленное шествие за водруженным на сани гробом по скованному льдом морю к покрытому льдом берегу, с покачивающимися в кромешном мраке фонарями, хотя звезды нынче в полдень светили и снег не шел. Для морских пехотинцев нашлось дело, ибо три огромных белых медведя, шумно сопя носом, подошли довольно близко, похожие на белых призраков среди ледяных глыб, и людям пришлось стрелять из мушкетов, чтобы отогнать зверей, одного из которых ранили в бок.

Снова надгробное слово сэра Джона – хотя на сей раз покороче, поскольку Хартнелл пользовался не такой любовью, как молодой Торрингтон, – и снова мы двинулись назад по трещащему, скрипящему, стонущему льду, под пляшущими в холодном небе звездами, слыша позади лишь постепенно затихающий скрежет лопат, бросающих мерзлую землю в новую яму рядом с красиво убранной могилой Торрингтона.

Возможно, именно черная скала, нависающая над берегом, произвела на меня столь тягостное впечатление во время вторых похорон. Хотя на сей раз я намеренно встал к ней спиной и поближе к сэру Джону, дабы слышать слова надежды и утешения, я каждую секунду сознавал присутствие этой холодной, черной, отвесной, безжизненной и бездушной каменной стены позади – подобной вратам в страну, откуда не возвращался ни один смертный. В сравнении с холодной реальностью этого черного тусклого камня даже прочувствованная и вдохновенная речь сэра Джона не оказала значительного действия.

Моральный дух на обоих кораблях низок. Еще не прошла и неделя нового года, а уже двое в нашей экспедиции умерли. Мы, четверо медиков, условились встретиться завтра в уединенном месте – в кладовой плотника в средней палубе «Террора», – дабы обсудить меры, кои необходимо принять во избежание новых смертей в нашей – похоже, проклятой – экспедиции.

Надпись, начертанная на надгробии на второй могиле, гласит:

ПАМЯТИ ДЖОНА ХАРТНЕЛЛА,
матроса корабля ее величества «Эребус»,
скончавшегося 4 января 1846 г.
в возрасте 25 лет.
«Так говорит Господь:
обратите сердце ваше на пути ваши».
Аггей, 1–7

За последний час ветер заметно усилился; близится полночь, и почти все фонари здесь, в жилой палубе «Эребуса», погашены; и я прислушиваюсь к вою ветра и думаю о двух холодных каменных насыпях там, на открытом ветрам черном каменистом берегу, и думаю о двух мертвецах, лежащих в холодных могилах, и думаю о черной отвесной скале, вздымающейся над ними, и словно воочию вижу, как секущие крупинки снега уже начинают свою работу по стиранию надписей на деревянных надгробиях.

7

Франклин

70°03'29" северной широты, 98°20' западной долготы

Примерно 28 миль к северо-северо-западу

от Кинг-Уильяма, 3 сентября 1846 г.

Капитан сэр Джон Франклин редко бывал так собой доволен.

Прошлая зима, проведенная во льдах у острова Бичи, в сотнях миль к северо-востоку от нынешнего местоположения кораблей, была во многих отношениях тяжелой – он первый готов признать это перед самим собой или перед равным по положению, хотя у него нет равных по положению в этой экспедиции, – и смерть трех участников экспедиции (Торрингтона и Хартнелла в самом начале января, а затем рядового морской пехоты Уильяма Брейна третьего апреля, которые все умерли от пневмонии) стала для всех потрясением. Франклин не знал ни одной другой морской экспедиции, в которой бы три человека умерли по естественным причинам так скоро.

Именно Франклин выбрал слова, начертанные на надгробье тридцатидвухлетнего рядового Брейна: «Изберите себе ныне, кому служить» (Иисус Навин, 24:15), – и недолгое время они казались столько же увещанием для несчастных команд «Эребуса» и «Террора», еще не поднявших мятеж, но уже близких к этому, сколько посланием для несуществующего путника, который пройдет мимо одиноких могил Брейна, Хартнелла и Торрингтона на том ужасном, покрытом льдом каменистом берегу.

Тем не менее четыре врача посоветовались после смерти Хартнелла и решили, что, возможно, начинающаяся цинга ослабляет организм людей, позволяя пневмонии и таким болезням, как чахотка, принимать смертельные формы, и именно врачи Стенли, Гудсир, Педди и Макдональд порекомендовали сэру Джону изменить рацион команд: по возможности питаться свежими продуктами. Во тьме полярной зимы представлялось практически невозможным охотиться на каких-либо животных помимо белых медведей (а участники прежних полярных экспедиций обнаружили, что употребление в пищу печени этого огромного грузного зверя порой по неизвестной причине ведет к смертельному исходу). За неимением свежего мяса и овощей врачи советовали урезать порции засоленной свинины и говядины или птичьего мяса и больше налегать на консервированные продукты – овощные супы и тому подобное.

Сэр Джон выполнил рекомендации, распорядившись изменить стол на обоих кораблях таким образом, чтобы половину рациона составляли блюда, приготовленные из консервированных продуктов. Казалось, это дало желаемый результат. Больше ни один человек не умер и даже не заболел серьезно за период времени между началом апреля, когда скончался рядовой Брейн, и концом мая, когда оба корабля освободились из ледового плена в бухте у острова Бичи.

Затем в считанные дни лед вскрылся, и Франклин – следуя по разводьям и каналам, выбираемым двумя его опытными ледовыми лоцманами, – под паром и парусами понесся на юго-запад быстрее дыма из папки, как выражались капитаны поколения сэра Джона.

Вместе с солнцем и открытой водой вернулись звери, птицы и представители морской фауны в великом множестве. В течение томительно длинных дней арктического лета, когда солнце оставалось над горизонтом почти до полуночи и температура воздуха иногда поднималась выше точки замерзания, в небе пролетали бесчисленные стаи мигрирующих птиц. Франклин мог отличить буревестников от чирков, гаг от гагарок и маленьких вертких тупиков от всех прочих. Неуклонно расширяющиеся каналы вокруг «Эребуса» и «Террора» буквально кишели гренландскими китами, которые стали бы предметом зависти для любого американ-

ского китобойца, и воды изобиловали треской, сельдью и мириадами других разновидностей мелкой рыбы, а также белухой и горбачами. Люди спускали на воду шлюпки и ловили рыбу, зачастую подстреливая маленьких китов забавы ради.

Каждый охотничий отряд возвращался с добычей к ужину – с битой птицей, само собой, но также с теми проклятыми кольчатыми нерпами и гренландскими тюленями, которых совершенно невозможно подстрелить или поймать в их подледных укрытиях зимой, но которые теперь безбоязненно выходили на открытый лед, представляя собой удобные мишени. Вкус тюленины людям не нравился – слишком масляный и терпкий, – но что-то в сале этих скользких жирных животных восполняло нехватку полезных веществ, образовавшуюся в организмах за зиму. Охотники также стреляли огромных ревущих моржей, видных в подзорные трубы на берегах отдаленных островов, где они рыли клыками землю в поисках устриц, а иные охотничьи отряды возвращались со шкурками и тушками песцов. По-прежнему в изобилии встречались грузные и неповоротливые белые медведи, но люди не обращали на них внимания, если только эти развалисто ступающие звери не обнаруживали признаков агрессии или не пытались завладеть добычей охотников. Мясо белых медведей никому особо не нравилось – уж во всяком случае теперь, когда имелась возможность найти пищу гораздо вкуснее.

Последний приказ, добавленный ко всем прочим в последнюю минуту перед отплытием, обязывал Франклина, в случае «если южные подступы к Северо-Западному проходу окажутся перекрытыми льдом или иными препятствиями», взять курс на север и выйти через пролив Веллингтон в «Открытое Полярное море» – по сути, направиться к Северному полюсу, – и Франклин делал то, что без всяких вопросов делал всю жизнь: выполнял приказы. Этим летом ведомые Франклином «Эребус» и «Террор» прошли южнее острова Девон, мимо мыса Уокер в неизведанные воды покрытого льдами архипелага.

Предыдущим летом казалось, что он скорее будет вынужден двинуться к Северному полюсу, нежели найдет Северо-Западный проход. Капитан сэр Джон Франклин пока имел причины гордиться своими успехами. В ходе укороченного летнего плавания в прошлом, 1845 году (из Англии они отбыли с опозданием, а из Гренландии даже еще позже, чем планировали) он все же в рекордные сроки пересек Баффинов залив, прошел через пролив Ланкастер южнее острова Девон, потом через пролив Барроу – и обнаружил, что путь на юг мимо мыса Уокер в конце августа уже прегражден льдом. Но ледовые лоцманы доложили о чистых водах вдоль западного берега острова Девон и севернее, вплоть до пролива Веллингтон, и потому Франклин выполнил второй приказ: повернул на север, где мог оказаться свободный для навигации проход в Открытое Полярное море и к Северному полюсу.

Выхода в легендарное Открытое Полярное море они там не нашли. Массив суши – полуостров Гриннелл, который, насколько понимали участники экспедиции Франклина, мог являться частью неизвестного Арктического континента, – преградил кораблям путь, вынудив их проследовать открытыми водами на северо-запад, потом взять курс почти строго на запад, а затем, по достижении западной оконечности полуострова, снова повернуть на север, где они наткнулись на сплошной ледяной массив, простиравшийся к северу от пролива Веллингтон и казавшийся бесконечным. Пять дней плавания вдоль той высокой ледяной стены убедили Франклина, Фицджереймса, Крозье и ледовых лоцманов, что к северу от пролива Веллингтон никакого Открытого Полярного моря нет. По крайней мере, этим летом.

Ухудшающиеся ледовые условия вынудили их повернуть на юг и обогнуть массив суши, прежде известный как Земля Корнуоллис, но на поверку оказавшийся островом Корнуоллис. На худой конец, знал капитан сэр Джон Франклин, его экспедиция хотя бы разгадала эту загадку.

Поскольку тогда, в конце лета 1845 года, быстро становился паковый лед, Франклин закончил плавание вокруг огромного пустынного острова Корнуоллис, снова вошел в пролив Барроу к северу от мыса Уокер, убедился, что путь на юг по-прежнему прегражден льдами –

теперь сплошными, – и нашел место стоянки у маленького острова Бичи, войдя в бухточку, которую они обследовали двумя неделями раньше. Они прибыли как раз вовремя, знал Франклин, ибо через день после того, как они стали на якорь в той мелководной бухте, последние свободные для навигации каналы в проливе Ланкастер замерзли и движущиеся паковые льды сделали дальнейшее плавание невозможным. Представлялось сомнительным, что даже такие шедевры современного кораблестроения, как укрепленные дубом и железом «Эребус» и «Террор», смогли бы пережить зиму во льдах пролива.

Но теперь было лето, и они уже много недель подряд шли на юго-запад, при случае пополняя запасы провианта, следуя по каждому каналу во льдах, высматривая любые проблески чистой воды, какие только можно увидеть из «вороньего гнезда» высоко на грот-мачте, и пробираясь через льды при необходимости.

«Эребус» по-прежнему шел впереди, прокладывая путь, по праву флагмана и по обязанности более тяжелого судна, с более мощным (на пять лошадиных сил мощнее) паровым двигателем. Но – вот проклятье! – при столкновении с подводной льдиной длинный ведущий вал при гребном винте погнулся и вышел из строя, после чего место головного корабля занял «Террор».

Когда Кинг-Уильям виднелся всего милях в пятидесяти впереди в южном направлении, корабли вышли из-под укрытия огромного острова к северу от них – того самого, что преградил им путь прямо на юго-запад мимо мыса Уокер, каковым курсом Франклину предписывалось следовать, и вынудил направиться на юг через пролив Пил и доселе неисследованные проливы, – и теперь льды к югу и западу от них стали подвижными и снова почти сплошными. Корабли потеряли скорость и еле ползли. Лед стал толще, айсберги встречались чаще, каналы сузились и отстояли друг от друга дальше.

Утром 3 сентября сэр Джон собрал на совещание своих капитанов, старших офицеров, инженеров и ледовых лоцманов. Все свободно поместились в личной каюте сэра Джона. В кормовой части «Эребуса», где на «Терроре» находилась офицерская кают-компания с библиотекой и музыкальной шкатулкой, располагались апартаменты сэра Джона Франклина: двенадцать футов в ширину и аж целых двадцать футов в длину, с отдельным галюном в спальне, размещавшейся по правому борту. Приватный галюн Франклина почти не уступал размерами каюте капитана Крозье и всех прочих офицеров.

Эдмунд Хор, вестовой сэра Джона, раздвинул обеденный стол, чтобы за ним поместились все присутствующие офицеры – командор Фицджереймс, лейтенанты Гор, Левеконт и Фейрхольм с «Эребуса», капитан Крозье и лейтенанты Литтл, Ходжсон и Ирвинг с «Террора». Помимо перечисленных восьми офицеров, сидевших по обе стороны стола – сэр Джон занял место во главе одного, рядом с правой переборкой и входом в личную спальню, – на совещании присутствовали также два ледовых лоцмана, мистер Блэнки с «Террора» и мистер Рейд с «Эребуса», а равно два инженера, мистер Томпсон с корабля Крозье и мистер Грегори с флагмана, которые все стояли в нижнем конце стола. Сэр Джон попросил также явиться одного из судовых врачей, Стенли с «Эребуса». Вестовой подал вино, сыры и галеты, и какое-то время за столом велась непринужденная беседа, прежде чем сэр Джон призвал собрание к порядку.

– Джентльмены, – сказал сэр Джон, – уверен, все вы знаете, зачем мы собрались здесь. В последние два месяца продвижение нашей экспедиции, по милости Божьей, происходило самым успешным образом. Мы удалились от острова Бичи почти на триста пятьдесят миль. Наши впередсмотрящие и санные разведчики по-прежнему докладывают о разводьях к югу и западу от нас. Возможно, нам еще удастся – с Божьей помощью – достичь открытой воды и пройти по Северо-Западному проходу этой осенью. Но лед к западу от нас, насколько я понимаю, становится толще и сплоченнее. Мистер Грегори докладывает, что главный ведущий вал «Эребуса» получил повреждение при столкновении со льдиной и что, хотя мы по-прежнему

можем идти под паром, мощность флагманского судна снизилась. Наши запасы угля иссякают. Скоро наступит зима. Другими словами, джентльмены, мы должны решить – здесь и сейчас, – как нам действовать дальше и какого курса держаться. Думаю, справедливо будет сказать, что решение, принятое нами здесь, обусловит успех или неудачу нашей экспедиции.

Последовало продолжительное молчание.

Сэр Джон подал знак рыжебородому ледовому лоцману «Эребуса»:

– Вероятно, прежде чем высказать мнения и начать дискуссию, нам будет полезно выслушать наших ледовых лоцманов, инженеров и врача. Мистер Рейд, будьте любезны, сообщите присутствующим все, что вы доложили мне вчера насчет течений и прогнозируемых ледовых условий.

Рейд, стоявший в нижнем конце стола со стороны, где сидели пять офицеров с «Эребуса», прочистил горло. Будучи по природе своей человеком замкнутым и необщительным, он густо покраснел, смущенный необходимостью держать речь перед столь высоким обществом.

– Сэр Джон... джентльмены... ни для кого не секрет, что мы... что нам чертовски везло с ледовой обстановкой с тех пор, как корабли освободились из ледового плена в мае и в самом начале июня покинули бухту у острова Бичи. В проливах мы шли в основном через ледяное сало. Оно не проблема. Ночами – если говорить о тех нескольких часах темноты, которые мы здесь называем ночами, – мы резали носом ледяную шугу вроде той, какую наблюдаем в последнюю неделю, ибо море постоянно находится на грани замерзания, но она тоже особой проблемы не представляет. Нам удавалось обходить стороной молодой лед вдоль берегов – а это штука посерьезнее. За ним находится припай, способный пробить обшивку судна, даже такого укрепленного, как наше и «Террор», идущий впереди. Но, как я сказал, мы обходили припай стороной... до сих пор.

Рейд обливался потом и явно был бы рад закончить свое выступление, но он также понимал, что еще не полностью ответил на вопрос сэра Джона. Он кашлянул и продолжил:

– Таким образом, сэр Джон и ваши благородия, что касается плавучего льда, то у нас не было особых проблем с шугой, более толстыми дрейфующими льдинами и флобергами – то бишь ледяными глыбами, отколовшимися от настоящих айсбергов; нам удавалось избегать столкновения с ними, поскольку мы находили широкие проходы между льдинами и большие разводья. Но такое положение дел подходит к концу. Сейчас, когда ночи становятся длиннее, блинчатый лед держится постоянно, и мы все чаще встречаем потоки кочковатого льда. Именно потоки кочковатого льда вызывают тревогу у нас с мистером Блэнки.

– Почему же, мистер Рейд? – спросил сэр Джон.

На лице у него отражалась скука, обычно владевшая им во время обсуждения различных ледовых условий. Для сэра Джона лед был просто льдом: чем-то, через что нужно пробиться, чтобы оставить позади.

– Из-за снега, – сказал Рейд. – Там толстый слой снега на льдинах, сэр, и отметки уровня полной воды на боковых гранях. Такие льдины всегда свидетельствуют о старых паковых льдах впереди, сэр, о настоящем чертовом паке, и именно там нас затрет льдами. И на юге и западе, насколько хватает глаз у вперёдсмотрящих или санных разведчиков, повсюду паковый лед, если не считать возможного разводья к югу от Кинг-Уильяма.

– Северо-Западный проход, – негромко заметил командор Фицджереймс.

– Вероятно, – сказал сэр Джон. – В высшей степени вероятно. Но чтобы добраться туда, нам придется преодолеть более ста миль паковых льдов – а возможно, и все двести. Мне доложили, что у ледового лоцмана «Террора» есть соображения, касающиеся причин ухудшения ледовой обстановки к западу от нас. Мистер Блэнки?

Томас Блэнки не покраснел. Речь старшего годами ледового лоцмана представляла собой частое стаккато слогов, четких и резких, как мушкетные выстрелы.

– Входить в паковые льды – верная смерть. Мы и так уже зашли слишком далеко. Дело в том, что с тех пор, как мы вышли из пролива Пил, мы наблюдаем сплошной поток дрейфующих льдов, хуже которого к северу от Баффинова залива быть не может, и обстановка с каждым днем усугубляется.

– Почему так, мистер Блэнки? – спросил командор Фицджереймс. – Сейчас, в конце сезона, насколько я понимаю, еще должны оставаться проходы между льдинами, покуда море не замерзнет окончательно, а ближе к материку – скажем, к юго-западу от полуострова Кинг-Уильям – свободные для навигации воды должны держаться еще месяц или больше.

Ледовый лоцман Блэнки потряс головой:

– Нет. Мы наблюдаем не блинчатый лед и не сало, джентльмены, а паковый лед. Он движется с северо-запада. И представляет собой подобие вереницы гигантских глетчеров, от которых откалываются айсберги, сплошь покрывающие море на сотни миль в своем движении на юг. Раньше мы были защищены от него, но теперь – нет.

– Защищены чем? – спросил лейтенант Гор, поразительно привлекательный и представительный офицер.

На вопрос ответил капитан Крозье, кивком головы велевший Блэнки отступить назад.

– Всеми островами, которые находились к западу от нас, когда мы двигались на юг, Грэм, – сказал ирландец. – Как год назад мы установили, что Земля Корнуоллис является островом, так теперь мы знаем, что Земля Принца Уэльского на самом деле является островом Принца Уэльского, каковой массив суши отчасти преграждал путь дрейфующим льдам, пока мы не вышли из пролива Пил. Теперь мы видим, что это самый что ни на есть настоящий паковый лед, вынужденный двигаться на юг между островами к северо-западу от нас – возможно, до самого материка. Любые разводья, оставшиеся там вдоль побережья, долго не протянут. Как не протянем и мы, коли продолжим пробиваться вперед и попытаемся перезимовать среди паковых льдов в открытом море.

– Это одно мнение, – сказал сэр Джон. – И мы благодарим вас за него, Френсис. Но теперь нам нужно определиться с планом наших дальнейших действий. Да... Джеймс?

Командор Фицджереймс держался по обыкновению непринужденно и уверенно, как человек, облеченный властью. За время плавания он, подумать только, располнел, так что мундир на нем, казалось, трещал по всем швам. Щеки у него цвели здоровым румянцем, и белокурые выющиеся волосы ниспадали более длинными локонами, чем он носил в Англии. Он улыбнулся всем сидящим за столом:

– Сэр Джон, я согласен с капитаном Крозье в том, что оказаться затертыми паковыми льдами было бы весьма прискорбно, но я не думаю, что нас ждет такая участь, коли мы продолжим путь вперед. По моему мнению, нам необходимо продвинуться на юг возможно дальше, чтобы либо достичь свободной для навигации воды и осуществить нашу цель, состоящую в отыскании Северо-Западного прохода, либо же просто найти более безопасные воды близ побережья – возможно, какую-нибудь бухту, – где мы сможем перезимовать в сравнительно благоприятных условиях, как сделали у острова Бичи. В самом крайнем случае, из опыта предыдущих сухопутных экспедиций сэра Джона и предыдущих морских экспедиций мы знаем, что у берегов море обычно замерзает значительно позже – из-за стекающей в него более теплой воды рек.

– А если мы не достигнем открытой воды или берега, коли возьмем курс на юго-запад? – тихо спросил Крозье.

Фицджереймс вскинул ладони протестующим жестом:

– По крайней мере, мы будем ближе к нашей цели к началу таяния льдов следующей весной. Какой у нас выбор, Френсис? Вы же не можете всерьез предлагать вернуться по проливу к острову Бичи или попытаться отступить к Баффинову заливу?

Крозье потряс головой:

– В данный момент мы можем так же легко обойти Кинг-Уильям с востока, как и с запада, – тем более легко, что из сообщений впередсмотрящих и разведчиков мы знаем, что к востоку от него еще остаются значительные пространства открытой воды.

– Обойти Кинг-Уильям с востока? – недоверчиво переспросил сэр Джон. – Френсис, это тупиковый путь. Да, мы будем находиться под прикрытием полуострова, но нас затрет льдами несколькими сотнями миль дальше к востоку, в каком-нибудь длинном узком заливе, где лед может не растаять следующей весной.

– Если только... – промолвил Крозье, обводя взглядом присутствующих, – если только Кинг-Уильям тоже не является островом. В каком случае мы получим такую же защиту от потока пакового льда, какую обеспечивал нам остров Принца Уэльского на протяжении последнего месяца плавания. Вполне вероятно, пространство свободной для навигации воды к востоку от Кинг-Уильяма простирается почти до берега, и мы сможем идти западным курсом в более теплых водах еще несколько недель и, возможно, найти какую-нибудь отличную гавань, если нам придется провести вторую зиму во льдах.

В каюте наступило продолжительное молчание.

Лейтенант Левеконт с «Эребуса» прочистил горло и негромко заметил:

– Вы верите в гипотезы эксцентричного доктора Кинга.

Крозье нахмурился. Он знал, что гипотезы доктора Ричарда Кинга – даже не моряка, а простого гражданского лица – не пользовались популярностью и решительно отвергались, главным образом потому, что Кинг считал – и во всеуслышание заявлял, – что такие крупные морские экспедиции, как экспедиция сэра Джона, являются предприятиями глупыми, опасными и бессмысленно дорогими. Кинг держался мнения (основываясь на своем опыте работы картографом в сухопутной экспедиции Бака много лет назад), что Кинг-Уильям – это остров, тогда как Бутия – мнимый остров, расположенный еще дальше к востоку от них, – на самом деле является длинным полуостровом. Кинг утверждал, что самый простой и безопасный способ найти Северо-Западный проход – это послать небольшие исследовательские отряды в Северную Канаду и проследовать по теплым прибрежным водам на запад; что сотни тысяч квадратных миль северного моря представляют собой опасный лабиринт островов и ледяных потоков, способных поглотить тысячу «Эребусов» и «Терроров». Крозье знал, что в библиотеке «Эребуса» имеется экземпляр спорной книги Кинга – он взял и прочитал ее, и она по-прежнему лежала у него в каюте на «Терроре», – но знал также, что, кроме него, никто в экспедиции данную книгу не читал и читать не собирается.

– Нет, – сказал Крозье, – я не ссылаюсь на гипотезы Кинга, я просто выдвигаю вполне резонное предположение. Послушайте... мы считали, что Земля Корнуоллис огромна и, возможно, является частью Арктического континента, но мы обошли вокруг нее за несколько дней. Многие из нас полагали, что остров Девон простирается на север и на запад вплоть до Северного Полярного моря, но два наших корабля нашли его западную оконечность, и мы увидели свободные для навигации проливы, ведущие к северу. Приказы предписывали нам двигаться прямо на северо-запад от мыса Уокер, но мы обнаружили на пути препятствие в виде Земли Принца Уэльского – и, что более существенно, она почти наверняка тоже является островом. А полоса невысокого льда, которую мы заметили к востоку от нас, когда шли на юг, вполне могла быть замерзшим проливом, отделяющим остров Сомерсет от Бутии и доказывающим, что Кинг ошибался в своем утверждении, будто Бутия является длинным сплошным полуостровом, тянущимся на север до самого пролива Ланкастер.

– Ничто не доказывает, что полоса низкого льда, виденная нами, была проливом, – сказал лейтенант Гор. – Разумнее предположить в ней низкий, покрытый льдом перешеек вроде того, что мы видели на острове Бичи.

Крозье пожал плечами:

– Возможно, но в ходе этой экспедиции мы убедились, что массивы суши, прежде считавшиеся огромными или соединенными между собой, на самом деле являются островами. Я предлагаю изменить курс на противоположный, избежать встречи с паковыми льдами на юго-западе и двинуться вдоль восточного берега Кинг-Уильяма, который вполне может оказаться островом. По меньшей мере мы получим защиту от этого... порожденного морем глетчера, о котором говорит мистер Блэнки. А в худшем случае – если мы убедимся, что действительно зашли просто в длинный узкий залив, – нам, скорее всего, удасться снова повернуть на север, обогнуть оконечность Кинг-Уильяма и вернуться прямо сюда, ничего не потеряв.

– Если не считать сожженного угля и времени, – заметил командор Фицджереймс.

Крозье кивнул.

Сэр Джон потер ладонью свои округлые, тщательно выбритые щеки.

В наступившей тишине заговорил инженер «Террора» Джеймс Томпсон:

– Сэр Джон, джентльмены, раз уж был затронут вопрос о запасах угля на кораблях, я бы хотел заметить, что близок, очень близок момент – и прошу понимать меня буквально, – когда ситуация станет безнадежной в том, что касается нашего топлива. За последнюю неделю, используя паровые двигатели при движении по окраинам пакового льда, мы израсходовали свыше четверти оставшихся запасов угля. Теперь у нас осталось чуть больше пятидесяти процентов от первоначального запаса... это меньше двух недель работы парового двигателя в нормальных условиях, но всего несколько дней работы при попытках пробиться через сплошные льды, предпринимаемых нами в последнее время. Если нам снова придется зимовать во льдах, мы сожжем большую часть оставшегося угля, чтобы просто обогревать жилые палубы.

– Мы всегда можем послать отряд на берег, чтобы нарубить деревьев на дрова, – сказал лейтенант Эдвард Литтл, сидевший слева от Крозье.

С минуту все присутствующие, за исключением сэра Джона, смеялись от души. Шутка разрядила напряженную атмосферу. Вероятно, сэр Джон вспоминал свои первые сухопутные экспедиции в прибрежные северные районы, теперь находящиеся к югу от них: материковая тундра простиралась на девятьсот миль к югу от побережья, прежде чем взору являлось первое дерево или достаточно солидный куст.

– Есть один способ максимально увеличить протяженность нашего пути под паром, – негромко сказал Крозье в более благодушной тишине, наступившей за взрывом смеха.

Все головы разом повернулись к капитану «Террора».

– Мы переместим всю команду и весь уголь с «Эребуса» на «Террор» и пойдем полным ходом, – продолжал Крозье. – Либо через льды на юго-запад, либо на разведку вдоль восточного берега Кинг-Уильяма.

– Отчаянный рывок, – сказал ледовый лоцман Блэнки, нарушив молчание, теперь оторопелое. – Да, в этом есть смысл.

Сэр Джон мог только хлопать глазами. Когда он наконец обрел дар речи, его голос звучал недоверчиво, словно Крозье тоже отпустил шутку, которая до него не доходит.

– Бросить флагманский корабль? – наконец проговорил он. – Бросить «Эребус»? – Он обвел помещение глазами, словно не сомневаясь, что данный вопрос решится раз и навсегда, если офицеры просто посмотрят хорошенько на его каюту: тянущиеся вдоль переборки стеллажи с книгами, хрусталь и китайский фарфор на столе, три патентованных престонских иллюминатора над головой, в которые лился золотой солнечный свет позднего лета. – Бросить «Эребус», Френсис? – повторил он, теперь погромче, но тоном человека, желающего понять маловразумительную шутку.

Крозье кивнул:

– Главный ведущий вал погнут, сэр. Ваш собственный инженер мистер Грегори сказал нам, что его невозможно ни починить, ни снять – вне сухого дока. И уж во всяком случае, пока мы находимся в паковых льдах. Дальше будет только хуже. С двумя кораблями угля у

нас хватит лишь на несколько дней или на неделю работы двигателей на полной мощности, необходимой для штурма пака. В случае неудачи нас затрет льдами – оба корабля. Если мы застрянем в открытом море к западу от Кинг-Уильяма, мы понятия не имеем, в каком направлении течение переместит лед, в который мы вмерзнем. Велика вероятность, что нас вынесет на отмели, тянущиеся здесь вдоль подветренного берега. А это означает верную гибель даже для таких замечательных кораблей, как эти. – Крозье окинул взглядом каюту, кивком показал на световые люки в подволоке. – Но если мы объединим наши запасы угля на менее поврежденном судне, – продолжил он, – и особенно если нам повезет найти свободную для навигации воду с восточной стороны Кинг-Уильяма, у нас хватит топлива, чтобы гораздо больше месяца идти под паром вдоль берега на предельно возможной скорости. «Эребусом» придется пожертвовать, но мы сможем достичь – и достигнем – мыса Тернэген и знакомых мысов вдоль побережья за неделю. И завершим переход по Северо-Западному пути к Тихому океану в этом году, а не в следующем.

– Покинуть «Эребус»? – в который раз повторил сэр Джон.

Он не казался ни раздраженным, ни сердитым – только озадаченным абсурдностью предложения, здесь обсуждавшегося.

– На борту «Террора» будет очень тесно, – заметил командор Фицджереймс.

Похоже, он всерьез обдумывал предложение.

Капитан сэр Джон повернулся направо и уставился на своего любимого офицера. На лице его медленно появилась просительная улыбка человека, которому намеренно не растолковали смысл шутки, но который очень хочет получить объяснения.

– Тесно, но не настолько, чтобы не потерпеть месяц или около того, – сказал Крозье. – Мой мистер Хани и ваш плотник мистер Уикс организуют работы по сносу внутренних переборок – все офицерские каюты будут ликвидированы, за исключением кают-компаний, которую можно отвести под апартаменты сэра Джона на борту «Террора», и, возможно, офицерской столовой. Таким образом, мы получим достаточно места, даже для того, чтобы провести во льдах еще один год или больше. На худой конец, на этих старых военных кораблях полно свободного пространства в нижних палубах.

– Но на перегрузку угля и провианта потребуется время, – сказал лейтенант Левеконт.

Крозье снова кивнул:

– Я попросил моего начальника хозяйственной части мистера Хелпмена сделать предварительные расчеты. Вы, наверное, помните, что мистер Голднер, поставщик консервированных продуктов для экспедиции, не уложился в сроки и подвез большую часть продовольствия всего за двое суток до отплытия, и нам пришлось производить погрузку практически заново. Однако мы успели управиться с делом ко дню отплытия. Мистер Хелпмен считает, что, если обе команды будут работать все светлое время суток и спать по расписанию полувахт, запасы угля и провианта можно будет перегрузить с «Эребуса» на «Террор» меньше чем за три дня. Несколько недель нам придется жить в тесноте, но наша экспедиция словно начнется заново: у нас будет с избытком угля, годовой запас провианта и корабль в совершенно исправном состоянии.

– Отчаянный рывок, – повторил ледовый лоцман Блэнки.

Сэр Джон потряс головой и хихикнул, словно наконец поняв шутку:

– Что ж, Френсис, это очень... интересная... фантазия, но, разумеется, мы не бросим «Эребус». Как не бросим «Террор», приключись с вашим кораблем какая-нибудь незначительная неприятность. Итак, единственное, чего я не слышал сегодня за этим столом, так это предложения вернуться назад. Я прав в своем умозаключении, что никто такого не предлагает?

В каюте царил молчание. Сверху доносился стук и скрип брусков пемзы, которыми матросы драили палубу второй раз за день.

– Отлично. Значит, решено, – сказал сэр Джон. – Мы пойдем вперед. Не только потому, что наши приказы предписывают нам поступить так, но еще и потому, что, как указали несколько из присутствующих здесь джентльменов, наша безопасность возрастает с приближением к земле, даже если земля эта столь же негостеприимна, как ужасные острова, мимо которых мы проходили. Френсис, Джеймс, вы можете сообщить командам о принятом решении.

Сэр Джон поднялся на ноги.

Несколько секунд остальные капитаны, офицеры, ледовые лоцманы, инженеры и врач могли лишь ошеломленно таращиться, но затем морские офицеры быстро встали, кивнули и начали один за другим выходить из огромной каюты сэра Джона. Не в первый раз Крозье огляделся по сторонам и улыбнулся про себя при мысли, что вся его каюта на «Терроре» могла бы поместиться в галюне сэра Джона.

Корабельный врач Стенли подергал за рукав командора Фицджереймса, когда все двинулись по узкому коридору и затопали по трапу, ведущему на палубу.

– Капитан, капитан, – сказал Стенли, – сэр Джон не предоставил мне слова, но я хотел поставить всех в известность о возрастающем количестве консервных банок с испорченным содержимым.

Фицджереймс улыбнулся, но высвободил свою руку:

– Мы найдем время, чтобы вы доложили об этом капитану сэру Джону наедине, мистер Стенли.

– Но ему лично я докладывал, – упорствовал врач. – Я хотел сообщить именно всем остальным офицерам на случай, если...

– Позже, мистер Стенли, – сказал командор Фицджереймс.

Врач продолжал говорить еще что-то, но Крозье уже вышел за пределы слышимости и махал рукой Джону Лейну, своему боцману, веля подогнуть командирскую шлюпку к борту, чтобы по солнышку проплыть узким каналом обратно к «Террору», уткнувшемуся носом в постепенно нарастающий паковый лед. Из трубы головного корабля все еще валил черный дым.

Взяв курс на юго-запад, в паковые льды, два корабля медленно продвигались вперед еще четыре дня; «Террор» жег уголь в огромных количествах, вынужденный использовать паровой двигатель на полную мощность, чтобы пробиваться через неуклонно утолщающийся лед. Провалы возможного разводья далеко на юге исчезли, недоступные взору даже в солнечные дни.

Девятого сентября температура воздуха резко упала. Длинная узкая полоса открытой воды за кормой «Эребуса», следующего за головным кораблем, сначала покрывалась блинчатым льдом, а потом замерзала полностью. Море вокруг них уже превратилось в колеблющуюся сплошную белую массу гроулеров, полноценных айсбергов и внезапно возникающих торосных гряд.

В течение шести дней Франклин перепробовал все до единого приемы из своего арктического опыта: посыпал черной угольной пылью лед впереди с целью ускорить таяние, днем и ночью посылал измученные отряды с гигантскими пилами, чтобы блок за блоком резать и убирать лед перед кораблями, перемещал балласт, отправлял по сотне человек зараз колоть лед кирками и ломami, устанавливал стоп-якоря в утолщающемся льду далеко впереди и медленно, ярд за ярдом, лебедками продвигал вперед «Эребус», который занял позицию головного судна в последний день перед неожиданным похолоданием. Наконец Франклин приказал всем трудоспособным людям выйти на лед, взяв тросы для всех и санные упряжи для самых сильных, и попробовал тащить корабли по льду волоком, дюйм за дюймом, каждый из которых давался колоссальным напряжением сил, кровавым потом, криками, проклятиями и нарастающим в душе отчаянием. Свободные для навигации прибрежные воды, по заверениям сэра Джона, находились всего в тридцати или пятидесяти милях впереди.

Они с таким же успехом могли находиться на луне.

Удлинившейся ночью с 15 на 16 сентября 1845 года температура воздуха резко упала ниже нуля, и лед начал стонать и тереться о корпуса обоих кораблей. Утром все поднявшиеся на палубу увидели, что море превратилось в сплошную белую пустыню, простирающуюся до самого горизонта, куда ни кинь взгляд. Между внезапно налетавшими снежными шквалами и Крозье, и Фицджереймс сумели определить положение солнца в небе, чтобы вычислить свои координаты. Оба капитана установили, что застряли примерно на $70^{\circ}05'$ северной широты и $98^{\circ}23'$ западной долготы, примерно в двадцати пяти милях от северо-западного берега острова (или полуострова – вопрос оставался спорным) Кинг-Уильям.

Они находились в открытом замерзшем море, среди движущихся паковых льдов, беззащитные перед мощным натиском «гигантских глетчеров» ледового лоцмана Блэнки, надвигавшихся на них из полярных областей на северо-западе, от невообразимого Северного полюса. Насколько они знали, в радиусе сотни миль здесь не было ни одной гавани, способной послужить укрытием, а если бы таковая и была, у них не имелось никакой возможности до нее добраться.

В два часа пополудни 16 сентября капитан сэр Джон приказал прекратить интенсивную топку паровых котлов. Давление в обоих котлах упало. Теперь в них будет поддерживаться лишь давление, необходимое для циркуляции теплой воды в трубах, обогревающих жилую палубу каждого судна.

Сэр Джон не сделал никакого объявления команде. В этом не было необходимости. Той ночью, когда люди устраивались в своих койках на «Эребусе» и Хартнелл шептал свою обычную молитву о покойном брате, тридцатипятилетний матрос Абрахам Сили, лежавший в соседней койке, прошепел:

– Теперь мы в полном дерьме, Томми, и ни твои молитвы, ни молитвы сэра Джона не вытащат нас из дерьма... по меньшей мере в ближайшие десять месяцев.

8

Крозье

70°05′ северной широты, 98°23′ западной долготы

11 ноября 1847 г.

Прошел год, два месяца и восемь дней со дня знаменательного совещания, проведенного сэром Джоном на борту «Эребуса», и два затертых льдами корабля находятся примерно там же, где находились тем сентябрьским днем в 1846 году. Хотя вся масса льда постоянно движется под действием северо-западного течения, последний год оно медленно перемещало ледяные поля, айсберги, торосные гряды и оба попавшие в западню корабля британского военно-морского флота по кругу, раз за разом – так что их местоположение осталось приблизительно прежним: они намертво вмерзли в лед примерно в двадцати пяти милях к северо-северо-западу от Кинг-Уильяма и совершают медленное вращательное движение, точно пятнышко ржавчины на одном из металлических музыкальных дисков в кают-компании.

Этот ноябрьский день – вернее, те часы темноты, которые прежде включали в себя дневной свет в качестве компонента, – капитан Крозье провел за поисками пропавших членов своего экипажа, Уильяма Стронга и Томаса Эванса. Разумеется, надежды найти живым хоть одного из них нет, и существует большой риск, что обитающее во льдах чудовище утащит еще кого-нибудь, но они все равно ищут. Ни капитан, ни команда не могут поступить иначе.

Четыре отряда по пять человек каждый – один несет два фонаря, а четверо держат наготове дробовики или мушкеты – ведут поиски четырехчасовыми сменами. Когда одна группа возвращается, продрогшая до костей и дрожащая, следующая уже ждет на верхней палубе, тепло одетая, с прочищенным, заряженным и приведенным в боевую готовность оружием, с заправленными маслом фонарями, – и возобновляет поиски в секторе, только что покинутом предыдущим отрядом. Люди уходят от корабля дальше и дальше, двигаясь все расширяющимися кругами через нагромождения ледяных глыб, и их фонари то видны часовым на палубе, то скрываются за обломками айсбергов, застругами, торосными грядами или теряются во мраке в отдалении. Капитан Крозье и матрос с красным фонарем переходят от сектора к сектору, проверяя каждый отряд, коли находят, а потом возвращаются на «Террор», чтобы проследить за людьми и обстановкой там.

Это продолжается уже двенадцать часов.

Когда бьют две склянки – в шесть часов вечера, – последние поисковые отряды возвращаются, так и не найдя пропавших, но несколько матросов сконфужены тем, что стреляли в ветер, пронзительно воющий среди зубчатых ледяных гор, или в сами ледяные глыбы, приняв какой-нибудь серак за неясно вырисовывающегося в темноте белого медведя. Крозье поднимается на борт последним и спускается вслед за людьми в жилую палубу.

Почти все матросы убрали на место мокрые шинели и сапоги и прошли в свою столовую – столы уже спущены на цепях, – а офицеры отправились ужинать в кормовой отсек к тому времени, когда Крозье сходит вниз по трапу. Его вестовой Джопсон и первый лейтенант Литтл спешат к нему, чтобы помочь снять заиндевелую верхнюю одежду.

– Вы здорово замерзли, капитан, – говорит Джопсон. – У вас лицо обморожено, вон какая кожа белая. Ступайте в офицерскую столовую ужинать, сэр.

Крозье мотает головой:

– Мне нужно поговорить с командором Фицджереймсом. Эдвард, приходил ли посыльный с «Эребуса», пока я отсутствовал?

– Нет, сэр, – отвечает лейтенант Литтл.

– Пожалуйста, поешьте, капитан, – настаивает Джопсон.

Для вестового он имеет весьма внушительные габариты, и его низкий голос напоминает скорее грозное рычание, нежели жалобный скулеж, когда он упрашивает своего капитана.

Крозье снова трясет головой:

– Будьте любезны, заверните мне пару галет, Томас. Я погрызу их по пути к «Эребусу».

Джопсон хмурится, выказывая свое недовольство столь глупым решением, но спешит в носовую часть, где мистер Диггл хлопочет подле своей огромной плиты. Сейчас, в обеденное время, в жилой палубе отнюдь не жарко, и такая температура воздуха – около сорока пяти градусов² – будет держаться здесь в любое время суток. В последние дни на отопление тратится очень мало угля.

– Сколько человек вы возьмете с собой, капитан? – спрашивает Литтл.

– Нисколько, Эдвард. Когда люди поедят, отправьте на лед по меньшей мере восемь поисковых отрядов, на последние четыре часа.

– Но, сэр, следует ли вам... – начинает Литтл, но осекается.

Крозье знает, что он собирался сказать. «Террор» от «Эребуса» отделяет всего лишь миля с малым, но это пустынная, опасная миля, и порой требуется несколько часов, чтобы ее преодолеть. Если налетает снежная буря или просто начинается метель, люди сбиваются с пути или не могут продолжать движение при встречном ветре. Крозье сам запретил людям ходить к другому кораблю поодиночке, и, когда нужно передать сообщение, он отправляет по меньшей мере двух человек, с приказом возвращаться назад при первых же признаках ненастья. Мало того что теперь между кораблями вздымается айсберг высотой в двести футов, зачастую загораживающий даже вспышки сигнальных огней на «Эребусе», так еще и проложенная между ними тропа – хотя ее расчищают и разравнивают лопатами почти каждый день – в действительности представляет собой извилистый лабиринт среди постоянно перемещающихся сераков, ступенчатых торосных гряд, перевернутых гроулеров и беспорядочных нагромождений ледяных глыб.

– Все в порядке, Эдвард, – говорит Крозье. – Я возьму компас.

Лейтенант Литтл улыбается, хотя шутка несколько приелась за три года пребывания здесь. Если верить приборам, корабли находятся почти прямо над северным магнитным полюсом. От компаса здесь столько же пользы, как от «волшебной лозы» для отыскания руды.

К ним подходит лейтенант Ирвинг. Щеки молодого человека блестят от мази, наложенной на места, где обмороженная кожа побелела, омертвела и слезла.

– Капитан, – выпаливает он, – вы не видели там, на льду, Безмолвную?

Крозье уже снял фуражку и шарф и вытряхивает сосульки из своих влажных от пота и тумана волос.

– Вы хотите сказать, что эскимоски нет в ее маленьком укрытии за лазаретом?

– Да, сэр.

– Вы хорошо обыскали жилую палубу?

Главным образом Крозье беспокоит предположение, что, пока большинство людей несли вахту или занимались поисками пропавших, эскимосская ведьма попала в какой-нибудь переплет.

– Так точно, сэр. Ни следа Безмолвной. Я спрашивал людей, но никто не помнит, чтобы видел ее со вчерашнего вечера. В смысле, после... нападения.

– Она была на палубе, когда зверь напал на рядового Хизера и матроса Стронга?

– Никто не знает, капитан. Может, и была. Тогда на палубе находились только Хизер и Стронг.

² +45 °F = +7 °C.

Крозье шумно выдыхает. Вот уж поистине нелепо, думает он, если их таинственную гостью – впервые появившуюся в тот самый день, когда этот кошмар начался шесть месяцев назад, – в конце концов утащило жуткое существо, появившееся здесь одновременно с ней.

– Обыщите весь корабль, лейтенант Ирвинг, – говорит он. – Загляните во все потайные уголки, щели, кладовые и канатные ящики. Следуя логике, если не найдем женщины на борту, будем считать, что она... покинула нас.

– Хорошо, сэр. Я отберу трех-четырех человек, чтобы помогли мне в поисках?

Крозье мотает головой:

– Только вы один, Джон. Я хочу, чтобы все продолжили поиски на льду в течение нескольких часов, пока в фонарях не выгорело масло, и, если вы не найдете Безмолвную, присоединитесь к любому из поисковых отрядов.

– Есть, сэр.

Вспомнив о тяжелораненом, Крозье направляется через матросскую столовую в лазарет. Обычно во время ужина, даже в столь темные дни, за столами слышались разговоры и смех, несколько поднимающие настроение, но сегодня здесь царит тишина, нарушаемая лишь стуком и скрежетом ложек о металлические миски да изредка звуками отрывки. Измученные люди сгорбившись сидят на своих матросских сундучках, служащих стульями, и капитан видит лишь усталые лица, пока протискивается к носовому отсеку.

Крозье стучит о деревянный столбик справа от занавески, отделяющей лазарет от кубрика, и заходит.

Судовой врач Педди, сидящий за столом посреди помещения и накладывающий шов на левое предплечье матроса Джорджа Канна, поднимает глаза от иголки с ниткой.

– Что случилось, Канн?

Молодой матрос крикает:

– Да ствол дробовика скользнул мне под рукав и прикоснулся, твою мать, прямо к голой руке, когда я забирался на чертову торосную гряду, капитан, прошу прощения за бранные выражения. Я вытащил дробовик и вместе с ним – шесть дюймов чертова мяса.

Крозье кивает и осматривается вокруг. Помещение лазарета мало, но сюда уже втиснуты шесть коек. Одна пустая. Три человека – по предположению Педди и Макдональда, тяжело больные цингой – спят. Четвертый, Дейви Лейс, неподвижным взглядом смотрит в подолок – он находится в сознании, но уже почти неделю ни на что не реагирует. На пятой койке лежит рядовой морской пехоты Уильям Хизер.

Крозье снимает второй фонарь с крюка на переборке по правому борту и направляет свет на Хизера. Глаза мужчины блестят, но он не моргает, когда Крозье подносит фонарь ближе. Зрачки у него, похоже, постоянно расширены. Голова у него перевязана, но кровь и серое вещество уже проступают сквозь бинты.

– Он жив? – тихо спрашивает Крозье.

Педди подходит, вытирая тряпкой окровавленные руки:

– Как ни странно, да.

– Но мы видели его мозги на палубе. Они там до сих пор остались.

Педди устало кивает:

– Такое бывает. В других обстоятельствах он, возможно, даже выжил бы. Остался бы идиотом, конечно, но я бы вставил металлическую пластину взамен отсутствующей части черепа, и его семья, коли у него таковая есть, заботилась бы о нем. Как о своего рода домашнем животном. Но здесь... – Педди пожимает плечами. – Он умрет от пневмонии, или цинги, или истощения.

– Когда? – спрашивает Крозье.

Матрос Канн уже вышел за занавеску.

– Одному Богу ведомо, – говорит Педди. – Поиски Эванса и Стронга продолжатся, капитан?

– Да. – Крозье вешает фонарь обратно на переборку возле входа. Тени снова наплывают на рядового морской пехоты Хизера.

– Уверен, вы понимаете, – говорит измученный врач, – что надежды на спасение молодого Эванса или Стронга нет, но можно с уверенностью утверждать, что с каждым следующим выходом поисковых отрядов на лед у нас будет увеличиваться число ран и обморожений, повышаться риск ампутации – каждый пятый человек уже лишился одного или нескольких пальцев ног – и возрастает вероятность, что кто-нибудь в панике подстрелит одного из своих товарищей.

Крозье пристально смотрит на врача. Если бы один из офицеров посмел говорить с ним в таком тоне, он бы приказал выпороть наглеца. Капитан принимает во внимание штатский статус и измученное состояние Педди. Доктор Макдональд уже трое суток лежит в своей койке с инфлюэнцей, и Педди приходится работать за двоих.

– Пожалуйста, предоставьте мне беспокоиться об опасностях, сопряженных с дальнейшими поисками, мистер Педди. Вы же занимаетесь наложением швов людям, у которых хватает ума прижимать голый металл к коже при минус шестидесяти. Кроме того, если бы это существо утащило во тьму вас, разве вы не хотели бы, чтобы мы попытались вас найти?

Педди невесело смеется:

– Если именно этот представитель вида полярных медведей утащит меня, капитан, мне останется лишь надеяться, что мой скальпель будет при мне. Чтобы я мог вонзить его в свой собственный глаз.

– В таком случае держите скальпель под рукой, мистер Педди, – говорит Крозье и, отодвинув занавеску, выходит в непривычно тихую матросскую столовую.

В тусклом свете камбуза Джопсон ждет его с узелком горячих лепешек.

Крозье получает удовольствие от ходьбы, хотя от всепроникающего холода лицо, руки и ноги у него горят, словно в огне. Он знает, что это лучше, чем онемение. Прислушиваясь к протяжным стонам и внезапным взвизгам льда, движущегося под ним и вокруг него в темноте, и к непрерывному вою ветра, он исполняется уверенности, что кто-то следует за ним по пятам.

На двадцать минут из двух часов ходьбы (сегодня почти на всем пути не столько ходьбы как таковой, сколько карабканья вверх и съезжания на заднице вниз по склонам торосных гряд) облака расступаются, и луна в последней четверти озаряет фантастический пейзаж. Луна достаточно яркая, чтобы вокруг нее образовалось сверкающее ледяными кристалликами гало – на самом деле, замечает Крозье, два концентрических гало, причем большее покрывает чуть не треть ночного неба на востоке. Звезд нет. Крозье уворачивает фитиль фонаря с целью экономии масла и продолжает шагать вперед, ощупывая взятым с корабля багром каждую складку черноты перед собой, чтобы убедиться, что это тень, а не трещина или расселина. Он уже достиг восточного склона айсберга, который теперь загораживает от него луну и отбрасывает черную, изломанных очертаний тень на добрую четверть мили. Джопсон и Литтл настойчиво советовали взять с собой дробовик, но Крозье сказал, что не хочет тащить лишний груз. Он не верит, что от дробовика будет какой-нибудь толк при встрече с врагом, о котором они думали.

В настоящий момент Френсис Родон Мойра Крозье наслаждается своим двухчасовым одиночеством во льдах. Изредка останавливается, чтобы перевести дух после преодоления особо высокой, вновь образовавшейся торосной гряды, – люди с «Террора» и «Эребуса» стараются поддерживать в проходимом состоянии свои участки тропы между кораблями (причем команда «Террора» в последние месяцы работает усерднее, чем команда «Эребуса»), но старательно выдолбленные кирками ступени и пробитые лопатами проходы сквозь торосные гряды и сераки постоянно заносит снегом и заваливает вследствие движения льда и обрушения сера-

ков. Отсюда все эти неуклюжие восхождения и скользкие спуски, не говоря уже о частых отклонениях в сторону от пути.

Сейчас, в минуту редкого затишья, когда странное безмолвие ледяной пустыни нарушает лишь его тяжелое дыхание, Крозье вдруг вспоминает похожий момент в далеком прошлом, когда он еще мальчишкой однажды зимой возвращался вечером домой после прогулки среди оснеженных холмов с друзьями – сначала бежал опрометью через покрытую инеем вересковую пустошь, чтобы добраться до дома засветло, но потом, примерно в полумиле от дома, остановился. Он помнит, как стоял там, глядя на огни деревни, в то время как последний скудный свет зимних сумерек погас в небе и окрестные холмы обратились расплывчатыми, черными, безликими громадами, незнакомыми маленькому мальчику, и наконец даже родной дом, видневшийся на окраине селения, утратил четкость очертаний в сгущающемся мраке. Крозье помнит, как пошел снег, а он все стоял там один в темноте за каменными овечьими загонами, зная, что получит взбучку за опоздание, зная, что чем позже он вернется, тем сильнее будет взбучка, но все еще не находя в себе сил двинуться на свет окон, наслаждаясь тихим шумом ночного ветра и мыслью, что он единственный мальчик – возможно даже, единственный человек, – который сегодня ночью здесь, среди открытых ветрам, посеребренных инеем лугов, вдыхает свежий запах падающего снега, отчужденный от горящих окон и жарких очагов, ясно сознающий себя жителем деревни, но не частью оной в данный момент. Это было глубоко волнующее, почти эротическое чувство – тайное осознание отъединенности своего «я» от всех и вся в холоде и темноте, – и он испытывает его сейчас, как не раз испытывал за годы службы на разных полюсах Земли.

Кто-то спускается с высокой торосной гряды позади него.

Крозье выкручивает фитиль до упора и ставит масляный фонарь на лед. Круг золотистого света имеет не более пятнадцати футов в диаметре, и по контрасту с ним темнота за его пределами кажется еще непрогляднее. Стянув зубами и бросив под ноги толстую рукавицу с правой руки, теперь оставшейся лишь в тонкой перчатке, Крозье перекладывает багор в левую руку и вынимает из кармана шинели пистолет. Он взводит курок, когда хруст льда и скрип снега на склоне торосной гряды становятся громче. Он стоит в густой тени айсберга, загораживающего лунный свет, и может различить лишь смутные очертания громадных ледяных глыб, которые словно шевелятся и подрагивают при мерцающем свете фонаря.

Потом какая-то мохнатая расплывчатая фигура движется вдоль ледяного выступа, с которого он только что спустился, всего в десяти футах над ним и менее пятнадцати футов к западу от него – на расстоянии прыжка.

– Стой! – говорит Крозье, выставляя вперед тяжелый пистолет. – Кто идет?

Фигура не издает ни звука. Она снова трогается с места.

Крозье не стреляет. Бросив длинный багор на лед, он хватается фонарь и резко поднимает перед собой.

Он видит пятнистый мех и чуть не спускает курок, но в последний момент сдерживается. Фигура спускается ниже, двигаясь по льду быстро и уверенно. Крозье возвращает ударник затвора в прежнее положение, кладет пистолет обратно в карман и, все еще продолжая держать фонарь в вытянутой вперед руке, приседает на корточки, чтобы поднять рукавицу.

В круг света входит леди Безмолвная, похожая на округлых очертаний медведя в своей меховой парке и штанах из тюленьей шкуры. Капюшон у нее надвинут низко на лоб для защиты от ветра, и черты затененного лица неразличимы.

– Черт побери, женщина, – тихо говорит он. – Еще секунда – и я пустил бы в тебя пулю. Где ты, собственно говоря, пропала?

Она подступает ближе – почти на расстояние вытянутой руки, – но ее лицо по-прежнему скрыто в густой тени капюшона.

Внезапно по спине Крозье пробегают ледяные мурашки – ему вспоминается бабушкино описание прозрачного черепообразного лица привидения-плакальщицы под складками черного капюшона, – и он резко поднимает фонарь.

Лицо молодой женщины вполне телесно, в широко раскрытых темных глазах отражается свет фонаря. Вид у нее бесстрастный. Крозье сознает, что ни разу не видел на лице эскимоски никакого выражения – разве только слегка вопросительное. Даже в тот день, когда они смертельно ранили ее мужа, или брата, или отца и она смотрела, как мужчина умирает, захлебываясь собственной кровью.

– Неудивительно, что люди считают тебя ведьмой и библейским Ионой в женском облике, – говорит Крозье.

На корабле он всегда держится с эскимосской девкой подчеркнуто вежливо и церемонно, но сейчас он не на корабле и не в присутствии своих подчиненных. Капитан впервые оказался один на один с чертовой бабой за пределами корабля. И он страшно замерз и очень устал.

Леди Безмолвная пристально смотрит на него. Потом она вытягивает вперед руку в рукавице. Крозье немного опускает фонарь и видит у нее в руке некий бесформенный серый предмет, похожий на рыбу, из которой вынули все внутренности и кости, оставив одну кожу.

Он понимает, что это матросский шерстяной чулок.

Крозье берет его, нащупывает плотный комок в носке чулка и на мгновение исполняется уверенности, что комок окажется куском ступни, возможно передней частью с пальцами, все еще розовой и теплой.

Крозье доводилось бывать во Франции и водить знакомство с людьми, служившими в Индии. Он слышал истории о людях-волках и людях-тиграх. На Земле Ван-Димена, где он встретился с Софией Крэкрофт, она рассказывала ему местные предания о туземцах, умеющих превращаться в чудовище, которое там называют тасманийским дьяволом.

Вытряхивая комок из чулка, Крозье смотрит в глаза леди Безмолвной. Они черны и бездонны, как проруби, в которые люди с «Террора» опускали своих мертвецов, пока даже эти проруби не замерзли.

В чулке оказался кусок льда, а не часть ступни. Но сам чулок еще не заледенел. Он находился на шестидесятиградусном морозе недолго. Логично предположить, что женщина принесла его с корабля, но почему-то Крозье так не думает.

– Стронг? – спрашивает капитан. – Эванс?

Безмолвная никак не реагирует на имена.

Крозье вздыхает, запихивает чулок в карман шинели и поднимает со льда багор.

– Мы ближе к «Эребусу», чем к «Террору», – говорит он. – Тебе придется пойти со мной.

Крозье поворачивается к эскимоске спиной – при этом вдоль позвоночника у него снова пробегают мурашки – и шагает против крепчающего ветра по скрипящему снегу, направляясь к теперь различимым во мраке очертаниям второго корабля. Минутой позже он слышит легкие шаги Безмолвной позади.

Они преодолевают последнюю торосную гряду, и Крозье видит, что «Эребус» освещен ярче, чем когда-либо прежде. Дюжина, если не больше, фонарей висит на гике с обращенного к ним правого борта затертого льдами, нелепо приподнятого и круто накренившегося судна. Бессмысленная трата масла.

«Эребус», знает Крозье, за последние два года пострадал сильнее «Террора». Помимо погнутого прошлым летом ведущего вала гребного винта (по замыслу конструкторов вал должен был убираться, но не успел вовремя сделать этого, чтобы избежать повреждения при столкновении с подводной льдиной во время июльского шторма льдов) и утраты самого гребного винта флагманский корабль за минувшие две зимы получил больше повреждений, чем второе судно. Под натиском льдов в сравнительно безопасной гавани у берега острова Бичи доски обшивки у «Эребуса» покорибились, растрескались и расселись сильнее, чем у «Террора»; руль

флагмана сломался в ходе отчаянной попытки прорваться к Северо-Западному проходу, принятой прошлым летом; от мороза на корабле сэра Джона полопалось больше болтов, заклепок и металлических скоб; у «Эребуса» оторвалось или искривилось гораздо больше железных листов ледорезной обшивки; и хотя «Террор» тоже крепко сдавило льдами и малость приподняло, последние два месяца третьей зимы арктической экспедиции «Эребус» стоит в буквальном смысле слова на высоком ледяном пьедестале, причем под давлением пака в корпусе судна – в носовой части правого борта, в кормовой части левого и в срединной части днища – образовались длинные проломы.

Флагманский корабль сэра Джона Франклина, знает Крозье – как знает нынешний капитан «Эребуса» Джеймс Фицджереймс, а равно вся судовая команда, – никогда больше не поплывет.

Прежде чем выйти на освещенное фонарями «Эребуса» пространство, Крозье отступает за серак высотой футов десять и затаскивает Безмолвную себе за спину.

– Эй, на корабле! – гаркает он самым зычным своим властным голосом, каким обычно пользуется на верфях.

Грохает выстрел дробовика, и серак в пяти футах от Крозье взрывается фонтанчиком ледяных брызг, блестящих в тусклом свете фонаря.

– Отставить, черт бы побрал твои слепые зенки, ты, тупоумный хренов придурок, твою мать! – в бешенстве ревет Крозье.

На палубе «Эребуса» возникает лихорадочная возня: какие-то офицеры вырывают дробик из рук тупоумного придурка-часового.

– Все в порядке, – говорит Крозье эскимоске, съездившейся у него за спиной. – Теперь можно идти.

Он останавливается – и не только потому, что леди Безмолвная не выходит вслед за ним на свет. Он видит лицо девушки в тусклых отблесках фонарей, и она улыбается. Эти полные губы, всегда неподвижные, чуть изгибаются в еле заметной улыбке. Словно она поняла его вспышку ярости и позабавилась.

Но прежде чем Крозье успевает убедиться, что видит действительно улыбку, Безмолвная отступает в тень ледяных глыб и исчезает.

Крозье трясет головой. Если эта сумасшедшая хочет замерзнуть там, черт с ней. Ему предстоит серьезный разговор с командором Фицджереймсом, а потом долгий путь домой в темноте, прежде чем он сможет отправиться на боковую.

Только сейчас осознав, что последние полчаса не чувствовал своих ног, Крозье устало топает вверх по грязному снежно-ледяному скату к палубе разбитого флагмана покойного сэра Джона.

9

Франклин

70°05′ северной широты, 98°23′ западной долготы

Май 1847 г.

Капитан сэр Джон Франклин был, наверное, единственным человеком на борту обоих кораблей, который сохранял наружное спокойствие, когда весна и лето просто не пришли в апреле, мае и июне 1847 года.

Сэр Джон не стал официально объявлять, что они застряли во льдах по меньшей мере еще на год: в этом не было необходимости. Прошлой весной, у острова Бичи, матросы и офицеры с великим нетерпением наблюдали не только за возвращением солнца, но и за тем, как сплоченный пак распадается на отдельные ледяные потоки и превращается в рыхлую шугу, как появляются разводья и лед разжимает свою хватку. В конце мая 1846 года они снова плыли. В этом году – нет.

Прошлой весной матросы и офицеры видели возвращение многочисленных птиц, китов, рыбы, песцов, тюленей, моржей и прочих животных, не говоря уже о прозеленях лишайника и низкого вереска на островах, к которым они двигались в начале июня. В этом году – нет. Отсутствие открытой воды означало, что не будет ни китов, ни моржей, почти никаких тюленей (поймать или подстрелить нескольких кольчатых нерп, замеченных ими, сейчас оказалось не легче, чем было ранней зимой) и вообще ничего, кроме грязного снега и серого льда вокруг, насколько хватает глаз.

Температура воздуха оставалась низкой, несмотря на то что солнце стояло в небе все дольше с каждым днем. Хотя в середине апреля Франклин приказал установить на обоих кораблях стеньги на мачты, рангоут, такелаж и новые паруса, в них не было толка. Если паровые котлы и топились, то единственно для нагрева воды в трубах отопительной системы. Дозорные докладывали о сплошной белой пустыне, простирающейся во всех направлениях до самого горизонта. Айсберги оставались на местах, где они вмерзли в лед в прошлом сентябре. Фицджеримс и лейтенант Гор совместно с капитаном Крозье с «Террора» по положению звезд удостоверились, что течение перемещает ледяной поток на юг со скоростью всего-навсего полторы мили в месяц, но ледяное поле, в котором они намертво застряли, всю зиму совершало круговое движение против часовой стрелки, и они постоянно возвращались к исходной точке. Торосные гряды продолжали неожиданно вырастать вокруг, похожие на белые отвалы гигантских сусликов. Лед становился тоньше – команды, бурившие пожарные лунки, теперь видели воду под ним, – но толщина его все еще составляла более десяти футов.

Сохранять при всем этом спокойствие капитану сэру Джону Франклину помогали две вещи: сила веры и мысль о жене. Искренняя христианская вера служила для него своего рода спасательным бумом, даже когда тяжелое бремя ответственности и разочарования пыталось увлечь его в пучину уныния. Он знал и всем сердцем верил, что все в мире происходит по воле Божьей. То, что другим кажется неизбежным, необязательно является таковым во вселенной, где правит сострадательный и милосердный Бог. Лед может внезапно вскрыться в середине лета, до которой теперь оставалось меньше шести недель, и даже всего за несколько недель плавания под парусами и под паром они успеют с триумфом достичь Северо-Западного прохода. Они будут идти на запад вдоль побережья, пока не иссякнут запасы угля, а остальной путь до Тихого океана сделают под парусами, уйдя подальше от опасных северных широт к середине сентября, когда на море снова встанет паковый лед. Одно его назначение на должность начальника этой экспедиции – в возрасте шестидесяти лет, после унижения, пережитого на Земле Ван-Димена, – было величайшим чудом.

Как бы глубоко и искренне сэр Джон ни верил в Бога, его вера в жену была еще глубже и порой исполнена еще большего трепета. Леди Джейн Франклин была неукротимой женщиной – именно неукротимой, другого слова не найти. Ее воля не знала границ, и почти во всех обстоятельствах леди Джейн Франклин подчиняла произвольные и случайные извивы судьбы своей железной воле. Сэр Джон с уверенностью предполагал, что после двух полных лет неизвестности о судьбе экспедиции жена уже пустила в ход свои внушительные деньги, связи и силу воли, чтобы заставить Адмиралтейство, парламент и одному Богу ведомо, кого еще, организовать его поиски.

Данное предположение несколько тревожило сэра Джона. Больше всего на свете он не хотел, чтобы его «спасали» – чтобы либо по суше, либо морем во время короткого периода летнего таяния льдов к нему на помощь подошла поспешно снаряженная экспедиция под командованием пропавшего виски сэра Джона Росса или молодого сэра Джеймса Росса (которого, сэр Джон не сомневался, непременно привлекут к делу по требованию леди Джейн, хотя он и отошел от арктических путешествий). Это означало бы для него позор и бесчестье.

Но сэр Джон хранил спокойствие, поскольку знал, что Адмиралтейство ни в каких ситуациях не действует быстро, даже под напором такой мощной силы, как его жена Джейн. Сэр Джон Барроу и прочие члены мифического Арктического совета, не говоря уже о высших чинах военно-морского флота, прекрасно знают, что «Эребус» и «Террор» обеспечены провиантом на три года – и на больший срок, если урезать рацион, – и вдобавок имеют возможность заниматься рыболовством и охотой везде и всюду, где водится рыба и дичь. Сэр Джон знал, что его жена – неукротимая жена – непременно добьется организации спасательной экспедиции, коли дело дойдет до этого, но инертность Военно-морского флота Великобритании служит верным залогом того, что подобная попытка спасения будет осуществлена в лучшем случае лишь весной и летом 1848 года, если не позже.

Посему в конце мая 1846 года сэр Джон снарядил пять санных отрядов, призванные обследовать местность во всех направлениях в поисках чистой воды, причем один из них получил распоряжение отправиться назад по пути, уже пройденному кораблями. Они отбыли 21, 23 и 24 мая, и отряд лейтенанта Гора – самый главный из всех – отбыл последним и направился на юго-восток, в сторону Кинг-Уильяма.

Помимо приказа произвести разведку, первый лейтенант Грэм Гор получил еще одно важное задание: оставить в укрытии на берегу первое с начала экспедиции письменное сообщение сэра Джона.

Капитан сэр Джон Франклин, впервые за все время службы в военно-морском флоте, вплотную приблизился к неповиновению приказам. Согласно предписаниям Адмиралтейства, на всем пути своего следования он должен был возводить пирамиды из камней и оставлять в сих укрытиях письменные сообщения – в случае, если корабли не появятся за Беринговым проливом в назначенный срок. Только из них спасательные суда британского военно-морского флота могли узнать, каким курсом Франклин проследовал и что явилось причиной задержки, – но сэр Джон не оставил подобного сообщения на острове Бичи, хотя у него было почти девять месяцев, чтобы подготовить отчет. По правде говоря, сэр Джон настолько возненавидел ту первую свою зимнюю стоянку, настолько стыдился смерти трех своих матросов от чахотки, что втайне от всех решил оставить в качестве требуемых посланий лишь могилы. Если повезет, никто не найдет этих могил еще многие годы после того, как весть о его триумфальном прохождении по Северо-Западному морскому пути прогремит по всему миру.

Но теперь прошло уже почти два года со времени последнего его письменного доклада, адресованного начальству, и потому Франклин продиктовал Гору отчет и положил его в воздухонепроницаемый медный цилиндр – один из двухсот, полученных перед отплытием.

Он самолично объяснил лейтенанту Гору и второму помощнику Чарльзу Дево, где надлежит оставить послание, – в шестифутовой каменной пирамиде, возведенной на Кинг-Уильяме

сэрм Джоном около семнадцати лет назад, в самой западной точке маршрута его собственного плавания. В первую очередь именно там, знал Франклин, военно-морской флот станет искать сообщение от его экспедиции, поскольку это был последний объект местности, нанесенный на все географические карты.

Сидя в одиночестве в своей каюте утром перед отбытием Гора и Дево с шестью матросами и глядя на одинокую загогулину, обозначавшую сей последний объект местности на его собственной карте, сэр Джон невольно улыбнулся. Семнадцать лет назад Росс дал самому западному мысу на обследованном побережье название Виктори-Пойнт, а потом в знак уважения (в котором, впрочем, ныне чудилась легкая ирония) назвал близлежащие нагорья мысом Джейн Франклин и мысом Франклина. «Такое впечатление, – думал сэр Джон, глядя на потрепанную карту с черными линиями контуров и обширными пустыми пространствами к западу от аккуратно прорисованного мыса Виктори-Пойнт, – будто сама Судьба или воля Божья привела сюда меня и всех этих людей».

Продиктованное сообщение – написанное рукой Гора, – по мнению сэра Джона, получилось кратким и деловым:

«...мая 1847 г. (Гор должен был вписать число по прибытии к каменной пирамиде.) Корабли ее величества „Эребус“ и „Террор“ зимовали во льдах на $70^{\circ}05'$ с. ш. и $98^{\circ}23'$ з. д. Зимы 1846–47 г. провели у острова Бичи на $74^{\circ}43'28''$ с. ш. и $90^{\circ}39'15''$ з. д., предварительно поднявшись по проливу Веллингтон до 77° с. ш. и возвратившись обратно вдоль западного побережья острова Корнуоллис. Экспедицией командует сэр Джон Франклин. Все в порядке. Отряд, состоящий из двух офицеров и шести матросов, покинул корабли в понедельник 24 мая 1847 г. Лейт. Гор., пом. кап. Ч. Ф. Дево».

Франклин наказал Гору и Дево обоим подписаться под посланием и проставить дату, прежде чем запечатать цилиндр и спрятать глубоко в каменной пирамиде Джеймса Росса.

Чего Франклин – да и лейтенант Гор тоже – не заметил в ходе диктовки, так это того, что он назвал неверные даты зимовки у острова Бичи. В замерзшей бухте у Бичи они провели первую зиму 1845/46 г.; нынешняя же ужасная зимовка в открытых паковых льдах происходила зимой 1846/47 г.

Не важно. Сэр Джон был убежден, что в данном случае он оставляет совершенно несущественное послание потомству – возможно, какому-нибудь историку военно-морского флота, желающему присовокупить сие письменное свидетельство к будущему отчету сэра Джона об экспедиции (сэр Джон планировал написать книгу, за счет доходов от которой его личное состояние вырастет почти до размеров капитала супруги), – а не диктует серьезный документ, который кто-нибудь прочитает в ближайшем будущем.

Утром, когда отбывал санный отряд Гора, сэр Джон тепло оделся и спустился на лед, чтобы пожелать счастливого пути.

– Вы взяли все необходимое, джентльмены? – спросил сэр Джон.

Первый лейтенант Гор – четвертый по старшинству положения после сэра Джона, капитана Крозье и командора Фицджереймса – кивнул, как и его подчиненный, помощник капитана Дево, мимолетно улыбнувшийся. Солнце светило ярко, и мужчины уже надели сетчатые очки, выданные мистером Осмером, старшим интендантом «Эребуса», для защиты глаз от ослепительных солнечных лучей.

– Да, сэр Джон. Благодарю вас, сэр, – сказал Гор.

– Небось, «вязанок» немерено? – шутливо спросил сэр Джон.

– Так точно, сэр, – ответил Гор. – Восемь поддевок из шерсти лучших нортумберлендских овец, сэр Джон. Девять, если считать подштанники.

Пятеро матросов рассмеялись, позабавленные шутливой беседой своих офицеров. Люди, сэр Джон знал, любили его.

– Ну как, готовы к ночевкам на льду? – спросил сэр Джон одного из матросов, Чарльза Беста.

– Так точно, сэр Джон, – живо откликнулся невысокий, но крепко сбитый молодой матрос. – У нас с собой голландская палатка, сэр, и восемь больших одеял из волчьих шкур, чтобы в них заворачиваться. И еще двадцать четыре спальных мешка, сэр Джон, которые интендант пошил для нас из отличных шерстяных одеял. На льду нам будет теплее, чем на борту корабля, милорд.

– Прекрасно, прекрасно, – рассеянно проговорил сэр Джон.

Он смотрел на юго-восток, где полуостров Кинг-Уильям – или остров, если верить безумной гипотезе Френсиса Крозье, – выдавал свое местонахождение лишь едва заметным потемнением неба над самым горизонтом. Сэр Джон молил Бога (молил в буквальном смысле слова) о том, чтобы Гор со своими людьми – либо до, либо после того, как оставит в пирамиде послание от экспедиции, – нашел свободную для навигации воду близ побережья. Сэр Джон был исполнен решимости сделать все возможное и невозможное, чтобы провести два корабля, как бы сильно ни пострадал «Эребус», через подтаявшие льды, если только они подтают, в относительно безопасные прибрежные воды и к спасительной суше. Может статься, там они найдут тихую бухту или песчаную намывную косу, где плотники и инженеры сумеют произвести ремонт «Эребуса» – выпрямить ведущий вал, заменить гребной винт, укрепить погнутую железную арматуру внутри и, возможно, восстановить утраченную часть железной обшивки, – который позволит им продолжить путь. В противном же случае, думал сэр Джон (хотя он еще не поделился сей мыслью ни с одним из своих офицеров), они осуществят удручающий план Крозье, предложенный в прошлом году: поставят «Эребус» на якорь, перегрузят иссякающие запасы угля и команду на «Террор» и пойдут западным курсом вдоль побережья на переполненном (но ликующем, не сомневался сэр Джон, ликующем) втором корабле.

В последний момент фельдшер с «Эребуса» Гудсир попросил у сэра Джона позволения присоединиться к отряду Гора, и, хотя ни лейтенант Гор, ни помощник капитана Дево не пришли в восторг от этой идеи (Гудсир не пользовался популярностью ни у офицеров, ни у матросов), сэр Джон дал такое разрешение. В качестве своего мотива фельдшер указал на необходимость собрать больше информации о пригодных в пищу формах животной и растительной жизни, которые можно использовать в борьбе с цингой – главным бичом всех арктических экспедиций. И его особенно интересует, сказал Гудсир, поведение единственного животного, имеющегося в наличии этим странным арктическим летом, совсем не похожим на лето, – белого медведя.

Сейчас, когда сэр Джон наблюдал за людьми, заканчивающими закреплять на тяжелых саях свое снаряжение, тщедушный фельдшер – маленький бледный человечек, хилый на вид, со скошенным подбородком, нелепыми бакенбардами и странно-томным немигающим взглядом, который раздражал даже неизменно учтивого сэра Джона, – бочком подобрался к нему, чтобы завести разговор.

– Еще раз благодарю вас за разрешение присоединиться к отряду лейтенанта Гора, сэр Джон, – промолвил тщедушный медик. – Возможно, сей поход окажется чрезвычайно важным для медицинских исследований противоязвенных свойств широкого разнообразия флоры и фауны, включая лишайники, постоянно произрастающие на камнях Кинг-Уильяма.

Сэр Джон невольно поморщился. Однажды в молодости он несколько месяцев питался жидким супом из такого лишайника, чтобы не умереть с голоду.

– Не стоит благодарности, мистер Гудсир, – сухо ответил он.

Сэр Джон знал, что этот сутулый молодой хлыщ предпочитает слышать в свой адрес обращение «доктор», а не «мистер» – хотя едва ли заслуживает такой чести, ибо Гудсир, несмотря на свое благородное происхождение, получил образование простого анатома. По мнению сэра Джона, которое одно имело значение в этой экспедиции, гражданский фельдшер, пусть фор-

мально и равный по положению мичманам на борту обоих кораблей, достоин зваться лишь мистером Гудсиром.

Молодой врач залился краской, обескураженный сухостью своего начальника, только сейчас шутливо беседовавшего с матросами, дернул за козырек своей фуражки и неловко отступил назад на три шага.

– О мистер Гудсир, – добавил Франклин.

– Да, сэр Джон?

Молодой выскочка и впрямь густо покраснел и почти заикался от смущения.

– Примите мои извинения за то, что в нашем официальном сообщении, которое будет оставлено в пирамиде сэра Росса на Кинг-Уильяме, речь идет только о двух офицерах и шести матросах, входящих в отряд лейтенанта Гора, – сказал сэр Джон. – Я продиктовал послание до того, как вы обратились ко мне с просьбой присоединиться к отряду. Если бы я знал, что вы войдете в него, я бы написал «офицер, мичман, фельдшер и пять матросов».

Гудсир на мгновение смешался, не вполне понимая, что хочет сказать сэр Джон, но потом поклонился, снова дернул за козырек фуражки, пробормотал: «Хорошо, ничего страшного, я все понимаю, благодарю вас, сэр Джон» – и снова отступил назад.

Через несколько минут, все с той же безмятежной улыбкой и по-прежнему невозмутимым видом глядя вслед восьми мужчинам – лейтенанту Гору, Дево, Гудсиру, Морфину, Терьеру, Бесту, Хартнеллу и рядовому Пилкингтону, – уходившим по льду все дальше на юго-восток, сэр Джон на самом деле размышлял о возможной неудаче.

Еще одна зимовка, еще один полный год во льдах станут для них роковыми. В экспедиции кончатся запасы продовольствия, угля, осветительного масла и рома. Истощение запасов последнего вполне может означать мятёж.

Более того, еще одна зимовка или еще один полный год во льдах – если лето 1848-го будет таким же холодным и неуступчивым, каким обещает быть лето 1847-го, – погубит один из кораблей или оба сразу. Как в случае со многими предшествующими неудачными экспедициями, сэру Джону и его людям придется спасаться бегством, волоча по рыхлому льду шлюпки и наспех связанные вместе сани, молясь о разводьях – а потом проклиная оные, когда сани начнут проваливаться под лед и крепкие встречные ветра станут относить тяжелые лодки назад к паку, – о разводьях, означающих круглосуточную греблю для измученных голодом людей. Затем, знал сэр Джон, предстоит сухопутный этап попытки спасения – восемьсот и более миль пути среди безликих скал и льдов, по порожистым рекам, усыпанным по дну валунами, каждый из которых способен разбить в щепы их небольшие лодки (на более крупных судах по рекам Северной Канады не пройти, он знал по опыту), да еще встречи с эскимосами, чаще всего враждебно настроенными, вороватыми и лживыми, несмотря на свое показное дружелюбие.

Сэр Джон продолжал смотреть, пока Гор, Дево, Гудсир и пять матросов с единственными санями не скрылись на юго-востоке в ослепительно сверкающих льдах, и задавался праздным вопросом, не следовало ли взять в плавание собак.

Сэр Джон всегда выступал против собак в арктической экспедиции. Животные порой благотворно влияли на моральный дух людей – по крайней мере до момента, когда вставала необходимость пристрелить их и съесть, – но в конечном счете они были грязными, шумными и агрессивными зверями. На палубе корабля, везущего достаточное количество собак, чтобы оказаться полезными – то есть тащить сани в упряжке, как принято у гренландских эскимосов, – всегда стоял оглушительный лай, теснились конуры и постоянно воняло дерьмом.

Он потряс головой и улыбнулся. Они взяли в экспедицию одного пса – дворнягу по имени Нептун, – не говоря уже о маленькой обезьянке по кличке Джоко, и такого бродячего зверинца, по твердому убеждению сэра Джона, было вполне достаточно для данного ковчега.

Неделя после отбытия Гора тянулась мучительно долго для сэра Джона. Один за другим возвращались другие санные отряды, с изможденными продрогшими людьми, чьи шерстяные

фуфайки были насквозь пропитаны потом от напряжения сил, которое требовалось, чтобы тащить сани через бесчисленные торосные гряды или вокруг них. Все докладывали одно и то же.

На востоке, в направлении полуострова Бутия, чистой воды нет. Нет даже самого узкого канала.

На северо-востоке, в направлении острова Принца Уэльского, откуда они прибыли в эту ледяную пустыню, чистой воды нет. Нет даже едва заметного потемнения неба над горизонтом, порой свидетельствовавшего о разводье. За восемь дней трудного пути люди так и не достигли острова Принца Уэльского, даже не заметили его вдаль – там повсюду громоздилось такое количество айсбергов и торосных гряд, какого они не видели никогда прежде.

На северо-западе, в направлении безымянного пролива, по которому ледяной поток двигался на юг, в их сторону, вдоль западного побережья и вокруг южной оконечности острова Принца Уэльского, нет ничего, кроме белых медведей и замерзшего моря.

На юго-западе, в направлении предположительно находящегося там массива Земли Виктории и гипотетического пролива между островами и материком, чистой воды нет и нет никаких животных, кроме проклятых белых медведей, но имеются многие сотни торосных гряд и такое количество вмерзших в лед айсбергов, что лейтенант Литтл – офицер с «Террора», поставленный Франклином во главе данного отряда, состоящего из людей с «Террора», – доложил, что в своем движении на запад они словно пробирались через ледяной горный кряж, выросший на месте, где должен быть океан. В последние дни похода погодные условия ухудшились настолько, что трое из восьми человек серьезно обморозили пальцы ног и всех восьмерых в той или иной степени поразила снежная слепота, а сам лейтенант Литтл в последние пять дней ослеп полностью и страдал жестокими головными болями. Литтла – бывалого полярника, насколько знал сэр Джон, человека, шестью годами ранее ходившего к Южному полюсу с Крозье и Джеймсом Россом, – на обратном пути пришлось уложить в сани, которые тащили несколько матросов, еще способных хоть что-то видеть.

Нигде в пределах примерно двадцати пяти миль, обследованных ими, – двадцати пяти миль по прямой, для прохождения которых пришлось прошагать, наверное, добрую сотню миль, огибая и преодолевая всевозможные препятствия, – никакой чистой воды. Никаких песцов, зайцев, северных оленей, моржей и тюленей. Понятное дело, никаких китов. Люди были готовы тащить сани вокруг трещин и узких расселин во льду в поисках настоящих широких разводий, но поверхность моря до самого горизонта представляла собой сплошной белый панцирь, докладывал Литтл, у которого от солнечного ожога лупилась кожа на носу и щеках под белой повязкой, наложенной на глаза. В самой удаленной точке, достигнутой в ходе западной одиссеи, Литтл приказал человеку, меньше других пострадавшему по части зрения, – боцманмату по имени Джонсон – забраться на самый высокий из находившихся поблизости айсбергов. Джонсон трудился не один час, вырубая киркой в ледяной стене узкие ступени для ног, обутых в кожаные башмаки с гвоздями в подошвах, а поднявшись на вершину, моряк посмотрел в подзорную трубу лейтенанта Литтла на северо-запад, на запад, на юго-восток и на юг.

Доклад был неутешительным. Никаких разводий. Никакой земли. Джунгли сераков, торосных гряд и айсбергов, простирающиеся до далекого белого горизонта. Несколько белых медведей, двух из которых они позже подстрелили, но медвежьи печень и сердце, как они уже выяснили, не годились в пищу человеку, а у людей, тащивших тяжелые сани через бесчисленные торосные гряды, уже иссякали силы, и потому в конце концов они вырезали из туш меньше сотни фунтов жилистого мяса, завернули в просмоленную парусину, чтобы отвезти на корабль, а потом содрали со зверя покрупнее теплую белую шкуру, бросив останки медведей на лед.

Наконец десять дней спустя четыре отряда из пяти вернулись с плохими новостями и обмороженными ногами, и сэр Джон с еще большей тревогой стал ждать возвращения Грэма Гора. С наибольшей надеждой они всегда смотрели на юго-восток, в сторону Кинг-Уильяма.

И вот третьего июня, через десять дней после отбытия Гора, дозорные высоко на мачтах прокричали, что с юго-востока приближается санный отряд. Сэр Джон оделся подобающим образом, допил чай, а затем присоединился к толпе людей, выбежавших на палубу, чтобы увидеть все, что только возможно.

Теперь отряд могли разглядеть даже люди на палубе, а когда сэр Джон поднес к глазу свою прекрасную медную подзорную трубу – подарок от офицеров и матросов двадцатишестипушечного фрегата, которым Франклин командовал в Средиземном море пятнадцать лет назад, – смывание, явственно слышавшееся в голосах дозорных, сразу же получило объяснение.

На первый взгляд казалось, что все в порядке. Пятеро человек тащили сани, как и во время отбытия Гора. Три фигуры бежали рядом с санями или позади, как в день, когда Гор выступил в поход. Значит, все восемь на месте.

И все же...

Одна из бегущих фигур не походила на человеческую. На расстоянии свыше мили, мелькая между сараками и нагромождениями ледяных валунов, на месте которых некогда здесь простиралось спокойное море, она походила на маленького мохнатого зверя, трясущего за санями.

Что хуже, сэр Джон не видел впереди ни характерной высокой фигуры Грэма Гора, ни броского красного шарфа, которым он щеголял. Все остальные фигуры, тянущие сани или бегущие (а лейтенант, безусловно, не стал бы тянуть сани, пока подчиненные в состоянии идти в упряжи), казались слишком низкими, слишком сутулыми, слишком невнушительными.

И что хуже всего, сани казались слишком тяжело нагруженными для обратного пути – они взяли в поход консервов с запасом, в расчете на неделю задержки, но предполагаемый крайний срок возвращения уже истек три дня назад. Сэр Джон исполнился было надежды, предположив, что люди убили карибу или другого крупного животного и везут свежее мясо, но потом отряд вышел из-за последней высокой торосной гряды, все еще на расстоянии свыше полумили от корабля, и сэр Джон увидел в подзорную трубу нечто ужасное.

На санях лежала не оленья туша, но два человеческих тела, привязанные поверх снаряжения и уложенные одно на другое таким бесчувственным образом, каким могли уложить только мертвецов. Сэр Джон ясно различил две обнаженные головы, обращенные к одному и другому концу саней, причем на голове мужчины, лежащего сверху, виднелись длинные белые волосы, подобных которым не было ни у кого из участников экспедиции.

Матросы уже сбрасывали веревочный трап с борта накренившегося «Эребуса», чтобы облегчить командиру спуск на крутой ледяной откос. Сэр Джон буквально на минуту сошел в каюту, чтобы добавить к своей форме парадную шпагу. Затем, надев поверх формы, медалей и шпаги теплую шинель, он поднялся на палубу, перелез через фальшборт и стал спускаться по склону – тяжело пытая и отдуваясь, опираясь на руку своего вестового, – чтобы встретить тех, кто приближался к кораблю.

10

Гудсир

69°37' северной широты, 98°41' западной долготы

Кинг-Уильям, 24 мая – 3 июня 1847 г.

Одной из причин, почему доктор Гарри Д. С. Гудсир рвался присоединиться к разведывательному отряду, являлось желание доказать, что он так же силен и вынослив, как почти все остальные товарищи по команде. Он очень скоро понял, что это не так.

В первый день он настоял (невзирая на сдержанные возражения лейтенанта Гора и мистера Дево) на том, чтобы сменить одного из пяти матросов, поставленных тащить сани, позволив тому передохнуть и идти рядом.

У Гудсира практически ничего не получалось. Сконструированная парусным мастером и интендантом кожаная упряжь, крепившаяся к тяговым тросам хитрым узлом, который матросы завязывали и развязывали в считанные секунды, но с которым Гудсир не мог справиться, хоть убей, оказалась слишком широкой для его узких плеч и впалой груди. Сколь бы туго он ни затягивал переднюю подпругу упряжи, она все равно соскальзывала с него. А он в свою очередь поскальзывался на льду и постоянно падал, заставляя остальных четырех мужчин сбиваться с ритма «рывок-пауза-вдох-рывок». Доктор Гудсир никогда прежде не носил таких башмаков-ледоступов и из-за набитых в подошвы гвоздей чуть не на каждом шагу цеплялся ногой за ногу.

Он плохо видел сквозь тяжелые проволочные сетчатые очки, но, когда поднял их на лоб, в считанные минуты чуть не ослеп от яркого блеска арктического солнца. Он надел слишком много фуфаяк на рассвете, и теперь несколько нижних настолько пропитались потом, что он дрожал, даже будучи распаренным от чрезмерного напряжения сил. Упряжь давила на нервные сплетения и пережимала артерии, препятствуя циркуляции крови в худых руках и холодных кистях. Он то и дело ронял рукавицы. Его тяжелое прерывистое дыхание вскоре стало таким громким, что он застыдился.

Через час таких нелепых потуг – когда он постоянно падал, а Бобби Терьер, Томми Хартнелл, Джон Морфин и рядовой Билл Пилкингтон (пятый матрос Чарльз Бест теперь шел рядом с санями) останавливались, чтобы стряхнуть снег с его анорака, переглядываясь, но не говоря ни слова, – он принял предложение Беста сменить его и во время одного из коротких привалов выскользнул из упряжи и предоставил настоящим мужчинам тащить тяжелые, нагруженные с верхом сани с деревянными полозьями, так и норовившими примерзнуть ко льду.

Гудсир валился с ног от усталости. Было еще утро первого дня похода, а он уже настолько умирался после часа мучений в санной упряжи, что с радостью расстелил бы свой спальный мешок на одеяле из волчьих шкур и проспал бы в нем до следующего дня.

А ведь они тогда еще не достигли первой настоящей торосной гряды.

Торосные гряды к юго-востоку от корабля были самыми низкими из всех доступных взору на протяжении первых двух миль или около того, словно сам «Террор» каким-то образом препятствовал образованию гряд со своей подветренной стороны, вынуждая оные отступать дальше. Но ближе к вечеру первого дня на пути у них встали настоящие торосные гряды. Они были выше тех, что вырастали между двумя кораблями во время зимовки, словно чудовищное давление ледяных плит друг на друга увеличивалось по мере приближения к Кинг-Уильяму.

В случае с первыми тремя грядами Гор каждый раз вел отряд на юго-запад в поисках низких седловин, наиболее удобных и доступных для перевала, таким образом прибавляя к походу мили и часы пути, но зато избавляя людей от тяжелой необходимости разгружать сани, однако обходного пути вокруг четвертой гряды не оказалось.

Каждая задержка, длившаяся свыше нескольких минут, приводила к тому, что одному из мужчин – чаще всего молодому Хартнеллу – приходилось доставать одну из многочисленных бутылок жидкого топлива из тщательно закрепленной на санях груды снаряжения, разжигать спиртовку и растапливать снег в котелке – не для того, чтобы напиться, ибо жажду они утоляли из фляжек, которые держали под шинелями, чтобы вода не замерзала, но для того, чтобы полить кипятком по всей длине деревянные полозья, утопленные в снегу и намертво в него вмерзшие.

И сани двигались по льду совсем не так, как санки и салазки, знакомые Гудсиру по поре довольно благополучного детства. Во время первых своих вылазок на паковый лед, без малого два года назад, он обнаружил, что бегать и скользить по нему, как он делал дома на замерзшей реке или озере, невозможно – даже в обычных башмаках. Какое-то качество морского льда – почти наверняка высокое содержание соли – увеличивало силу трения, сводя скольжение практически на нет. Легкое разочарование для человека, желающего прокатиться по льду, как в детстве, но колоссальное напряжение сил для команды мужчин, пытающихся тащить, толкать и тянуть по такому льду сотни фунтов снаряжения, нагроможденного на сани, сами по себе весящие не одну сотню фунтов.

Это было все равно что волочить громоздкий тысячефунтовый груз досок и барахла по неровной каменистой земле. А торосные гряды ничем не отличались от высоких – высотой с четырехэтажное здание – нагромождений каменных глыб и щебня, несмотря на сравнительную легкость перехода через них.

Эта солидная гряда – первая из многих, преграждающих путь на юго-восток, насколько они видели, – имела в высоту футов шестьдесят, наверное.

Они отвязали тщательно закрепленные сверху короба с продовольствием, ящики с бутылками горючего, спальные мешки и тяжелую палатку, а под конец выгрузили тюки и ящики весом от пятидесяти до ста фунтов, которые предстояло затащить по крутому склону на зубчатый гребень, прежде чем хотя бы попытаться тянуть наверх сани.

Гудсир быстро осознал, что, если бы торосные гряды обладали спокойным характером – то есть просто мирно вырастали из сравнительно гладкой поверхности замерзшего моря, – переход через них не требовал бы таких нечеловеческих усилий, какие приходилось прикладывать. Но на подступах к каждой гряде, на расстоянии пятидесяти – ста ярдов от нее, поверхность замерзшего моря превращалась в поистине безумный лабиринт спрессованных снежных заструг, рухнувших сераков и гигантских ледяных глыб – миниатюрных айсбергов, – и, прежде чем начать непосредственно восхождение, необходимо было пробраться через этот лабиринт.

Само восхождение всегда происходило не по прямой, но по извилистой траектории, ибо приходилось искать опоры для ног на предательски скользком льду или выступы, чтобы цепляться руками, на шатких ледяных валунах, которые могли обвалиться в любой момент. В процессе восхождения восемь мужчин выстраивались на склоне по неровной диагонали, передавая тяжелые тюки и короба друг другу, вырубали кирками ступени в ледяных глыбах и старались не сорваться вниз или не оказаться на пути падающего сверху предмета. Ящики выскальзывали из обледенелых рукавиц и с грохотом разбивались внизу, что всякий раз исторгало из уст пятерых матросов короткий, но впечатляющий взрыв проклятий, который Гор или Дево пресекали строгим окриком. Все приходилось по десять раз распаковывать и перепаковать.

Наконец, и сами тяжелые сани, с по-прежнему закрепленной на них доброй половиной груза, приходилось тащить, пихать, волочить вверх по склону, выталкивая и вытягивая из расщелин между валунами, накрывая набок, подпирая снизу, и снова тянуть, тянуть изо всех сил к неровному гребню гряды. Даже на вершине люди не могли передохнуть немного, ибо уже через минуту покоя насквозь пропитанные потом рубахи и свитера начинали заледеневать.

Привязав тросы к стойкам и поперечинам задней стенки саней, несколько мужчин становились впереди, чтобы подпирать сани по ходу движения вниз (обычно эта обязанность лежи-

лась на плечи Морфина, Терьера и рослого морского пехотинца Пилкингтона), в то время как остальные, крепко упираясь в лед усеянными гвоздями подошвами, спускали их на тросах под синкопированный хор натужных хрипов, предостерегающих криков и очередных проклятий.

Потом они снова аккуратно укладывали груз в сани, тщательно проверяли, надежно ли он закреплен, растапливали снег в котелке, чтобы полить кипятком вмерзшие в снег полозья, и продолжали путь, пробираясь через запутанный лабиринт по другую сторону торосной гряды.

Спустя полчаса они приближались к следующей гряде.

Первая ночь во льдах до боли ясно запечатлелась в памяти Гарри Д. С. Гудсира.

Врач никогда в жизни не ночевал на открытом воздухе, но он знал, что Грэм Гор говорил правду, когда со смехом сказал, что на льду на все уходит в пять раз больше времени: на то, чтобы распаковать вещи; разжечь спиртовые фонари и печки; вкрутить в лед металлические стержни с резьбой, служащие палаточными колышками, и установить коричневую голландскую палатку; раскатать многочисленные одеяла и спальные мешки; а особенно на то, чтобы подогреть консервированные суп и свинину.

И все это время человеку приходится двигаться – постоянно шевелить руками и ногами, прихлопывать и притопывать, – иначе он заоченеет.

Нормальным арктическим летом, напомнил Гудсиру мистер Дево, приведя в пример прошлое лето, когда они двигались через рыхлые льды на юг от острова Бичи, температура воздуха на этой широте солнечным и безветренным июльским днем может подниматься до тридцати градусов по Фаренгейту³. Но только не нынешним летом. Лейтенант Гор измерил температуру воздуха в десять часов вечера, когда они остановились на привал и солнце еще стояло над южным горизонтом в светлом небе, и она оказалась минус два градуса⁴ и быстро опускалась. В середине дня, когда они останавливались выпить чаю с галетами, термометр показывал плюс шесть⁵.

Голландская палатка была маленькой. В снежную бурю она спасла бы им жизнь, но первая ночь во льдах была ясной и почти безветренной, поэтому Дево и пятеро матросов решили спать снаружи на волчьих шкурах и просмоленной парусине, укрывшись в одних лишь спальных мешках, сшитых из плотных шерстяных одеял, – они переберутся в тесную палатку, коли разыграется ненастье, – и после минутного колебания Гудсир решил тоже улечься снаружи со всеми, а не внутри с лейтенантом Гором, сколь бы толковым и учтивым малым он ни был.

Солнечный свет страшно раздражал. К полуночи он немного потускнел, но небо по-прежнему оставалось светлым, как в восемь часов вечера в Лондоне, и Гудсир не мог заснуть, хоть убей. Он чувствовал смертельную усталость, какой не знал никогда в жизни, и никак не мог заснуть. Боль в натруженных за день мышцах тоже мешала уснуть, понял он. Он жалел, что не взял с собой настойку опия. Маленький глоток этого снадобья принес бы ему облегчение и позволил бы забыться сном. В отличие от иных врачей, имеющих официальное разрешение прописывать наркотические препараты, Гудсир не был наркоманом – он принимал различные опиаты только с целью заснуть или сосредоточиться, когда необходимо. Не чаще двух раз в неделю.

И было холодно. Поужинав разогретыми супом и говядиной из консервных банок и побродив по ледяным джунглям в поисках уединенного местечка, чтобы облегчиться, – тоже новый для него опыт походной жизни и отправление, осознал он, которое надлежит совершать быстро, коли не хочешь отморозить очень важные органы, – Гудсир устроился на большом, размером шесть на пять футов, одеяле из волчьих шкур, раскатал свой личный спальный мешок и забрался в него поглубже.

³ То есть -1° по Цельсию.

⁴ $-22^{\circ}\text{F} = -20^{\circ}\text{C}$.

⁵ $+6^{\circ}\text{F} = -14^{\circ}\text{C}$.

Но недостаточно глубоко, чтобы согреться. Дево объяснил ему, что он должен снять башмаки и положить с собой в мешок, чтобы кожа не задубела на морозе, – в какой-то момент Гудсир напоролся ступней на гвозди, торчащие из подошвы одного из башмаков, – но все мужчины легли спать в верхней одежде. Шерстяные свитеры – все до единого, не в первый раз осознал Гудсир, – были насквозь мокрыми от пота после трудного длинного дня. Бесконечного дня.

Около полуночи небо ненадолго померкло настолько, что стали видны несколько звезд – планет, теперь известных Гудсиру из лекции, прочитанной ему лично в импровизированной обсерватории на вершине айсберга два года назад. Но темнее так и не стало.

Как не стало теплее. Сейчас, без движения и физических нагрузок, худое тело Гудсира было беззащитно против холода, который проникал в спальный мешок через слишком большое отверстие и поднимался от льда, проползая сквозь уложенные мехом вверх волчьи шкуры и толстые шерстяные одеяла, словно некая хищная тварь с ледяными щупальцами. Гудсир начал дрожать. Зубы у него стучали.

Вокруг него четверо спящих мужчин (двое несли дозор) храпели так громко, что врач задался вопросом, не слышат ли люди на обоих кораблях, находящихся в нескольких милях к северо-западу отсюда, за бесчисленными торосными грядами – господа, нам ведь придется снова переходить через них на обратном пути! – этот оглушительный храп, подобный скрежету и визгу пил.

Гудсира била крупная дрожь. Так он не дотянет до рассвета, не сомневался он. Они попытаются разбудить его утром и обнаружат в спальном мешке лишь холодный скрюченный труп.

Он заполз возможно глубже в спальный мешок и плотно стянул обледенелые края отверстия над головой, предпочитая вдыхать собственный кислый запах пота, чем снова высунуть нос на студеной воздух.

Помимо коварного света и еще более коварного всепроникающего холода – холода смерти, осознал Гудсир, холода могилы и черных скал над надгробиями на острове Бичи, – не давал уснуть еще и шум. Врач полагал, что за две темных полярных зимы привык к скрипу деревянной обшивки корабля, резкому треску лопающихся от переохлаждения металлических деталей и неумолчному стону, визгу и гулу льда, сжимающего корабль в своих тисках, но здесь, где его тело отделяли от льда лишь несколько слоев шерстяной ткани и волчья шкура, треск и движение льда под ним наводили ужас. Все равно что пытаться заснуть на брюхе живого зверя. Колебание льда, пусть в значительной степени воображаемое, казалось все же достаточно реальным, чтобы у Гудсира, поплотнее свернувшегося калачиком, закружилась голова.

Около двух часов ночи – он посмотрел на хронометр при слабом свете, сочившемся в стянутое отверстие спального мешка, – Гарри Д. С. Гудсир наконец начал впадать в полубессознательное состояние, отдаленно напоминающее сон, когда два оглушительных выстрела вернули его к действительности, напугав до полусмерти.

Судорожно извиваясь в своем заледенелом спальном мешке, точно новорожденный младенец, пытающийся выбраться из утробы, Гудсир умудрился высунуть голову наружу. Студеный ночной воздух – поднялся легкий ветер – обжег лицо достаточно сильно, чтобы у него зашло сердце. Небо уже стало светлее, озаренное солнцем.

– Что? – выкрикнул он. – Что случилось?

Помощник капитана Дево и три матроса стояли на своих спальных мешках, сжимая в руках в перчатках длинные ножи, – видимо, они спали с ними. Лейтенант Гор выскочил из палатки, полностью одетый, с пистолетом в голой – голой! – руке.

– Доложить, в чем дело! – рявкнул Гор одному из двух часовых, Чарли Бесту.

– Это были медведи, лейтенант, – сказал Бест. – Два зверя. Громадные такие, паразиты. Они всю ночь шастали поблизости – мы видели их, прежде чем стали лагерем, примерно в полумиле отсюда, – но они подходили все ближе и ближе, двигаясь кругами, пока наконец нам с Джоном не пришлось пальнуть в них, чтобы отогнать прочь.

Джоном, знал Гудсир, был двадцатисемилетний Джон Морфин, второй часовой.

– Вы оба стреляли? – спросил Гор.

Лейтенант забрался на самую вершину высившейся поблизости груды льда и снега и осматривал окрестности, глядя в медную подзорную трубу. Гудсир не понимал, почему его голые руки еще не примерзли к металлу.

– Так точно, сэр, – сказал Морфин. Он перезаряжал свой дробовик, неловко возясь с патронами руками в шерстяных перчатках.

– Вы в них попали? – спросил Дево.

– Так точно, – ответил Бест.

– Только толку никакого, – сказал Морфин. – Простые дробовики, да с расстояния тридцать с лишним шагов. У этих чертовых медведей толстые шкуры, а кости черепа еще толще. Однако мы всадили им достаточно крепко, чтобы они убрались.

– Я их не вижу, – сказал лейтенант Гор со своего десятифутового ледяного холма над палаткой.

– Мы думаем, они выйдут вон из тех небольших проломов во льду, – сказал Бест. – Медведь, что покрупнее, бежал в ту сторону, когда Джон выстрелил. Мы думали, он убит, но прошли в том направлении достаточно далеко, чтобы убедиться, что никакой туши там нет. Он исчез.

Люди из разведывательного отряда уже прежде обратили внимание на такие отверстия во льду – имеющие форму неправильного круга, около четырех футов в поперечнике, слишком большие для крохотных отдушин, какие проделывают кольчатые нерпы, и явно слишком маленькие и слишком далеко отстоящие друг от друга для белых медведей, – всегда затянутые рыхлой ледяной коркой толщиной в несколько дюймов. Поначалу при виде их они исполнились надежды на близость разводий, но в конечном счете подобные проломы встречались так редко и находились на столь значительном расстоянии друг от друга, что представляли только опасность; матрос Терьер, шагавший перед санями вчера вечером, чуть не провалился в такую дыру – ступил в нее левой ногой, разом ушедшей в воду по середине бедра, – и им всем пришлось останавливаться и ждать, когда дрожащий от холода мужчина сменит башмаки, носки, шерстяные подштанники и штаны.

– В любом случае Терьеру и Пилкингтону пора заступать на дежурство, – сказал лейтенант Гор. – Бобби, возьми мушкет из палатки.

– Мне сподручнее с дробовиком, сэр, – сказал Терьер.

– А я предпочитаю мушкет, лейтенант, – сказал рослый морской пехотинец.

– Тогда ты возьми мушкет, Пилкингтон. Стрелять по этим зверям дробью – значит только разозлить их.

– Так точно, сэр.

Бест и Морфин, явно дрожавшие скорее от холода после двухчасового дежурства, нежели от нервного напряжения, сонно разулись и заползли в свои спальные мешки. Рядовой Пилкингтон и Бобби Терьер с трудом натянули на опухшие ноги башмаки, извлеченные из спальных мешков, и поковыляли к ближайшей торосной гряде, чтобы заступить на пост.

Трясаясь еще сильнее прежнего, с онемевшими теперь – вдобавок к пальцам на руках и ногах – щеками и носом, Гудсир свернулся клубочком глубоко в спальном мешке и стал молить небо о сне.

Но так и не сомкнул глаз. Через два с небольшим часа второй помощник Дево отдал приказ вставать и сворачивать спальные мешки.

– У нас впереди трудный день, парни! – прокричал Дево жизнерадостным голосом.

Они все еще находились в двадцати двух с лишним милях от берега Кинг-Уильяма.

11

Крозье

70°05′ северной широты, 98°23′ западной долготы

9 ноября 1847 г.

– Вы продрогли до костей, Френсис, – говорит командор Фицджереймс. – Пойдемте в кают-компанию, глотнем бренди.

Крозье предпочел бы виски, но придется удовольствоваться бренди. Он идет впереди капитана «Эребуса» по длинному узкому коридору к помещению, прежде служившему личным кабинетом капитана сэра Джона Франклина, а ныне превращенному в аналог кают-компаний «Террора» – библиотеку, место отдыха офицеров и, при необходимости, зал для совещаний. По мнению Крозье, то обстоятельство, что после смерти сэра Джона командор оставил за собой свою прежнюю крохотную каюту и переоборудовал просторное помещение в кормовой части под кают-компанию, временами использовавшуюся также под лазарет, делает Фицджереймсу честь.

Кромешную тьму в коридоре рассеивает лишь свет из кают-компаний, и палуба накрена круче, чем у «Террора», и в другую сторону: на левый борт, а не на правый и к корме, а не к носу. Хотя корабли имеют практически одинаковую конструкцию, Крозье всегда замечает также и другие отличия. Запах на «Эребусе» сейчас не совсем такой, как на «Терроре», – помимо знакомого смрада осветительного масла, нечистых тел, грязной одежды, стряпни, угольной пыли, ведер с мочой и кислого дыхания людей, в холодном сыром воздухе чувствуется еще что-то. Почему-то на «Эребусе» острее ощущается тяжелый запах страха и безнадежности.

В кают-компаний два офицера курят трубки, лейтенант Левеконт и лейтенант Фейрхольм, но оба встают, кивают двум капитанам и удаляются, закрыв за собой задвижную дверь.

Фицджереймс отпирает громоздкий застекленный шкафчик, достает бутылку бренди и наливает в один из хрустальных стаканов сэра Джона изрядную дозу для Крозье, а в другой – поменьше, для себя. Несмотря на обилие столового фарфора и хрусталя, взятого на борт покойным начальником экспедиции для себя и своих офицеров, графинов для бренди здесь нет. Франклин был убежденным трезвенником.

Крозье не смакует бренди. Он осушает стакан в три глотка и позволяет Фицджереймсу налить еще.

– Спасибо, что откликнулись так скоро, – говорит Фицджереймс. – Я ожидал письменного ответа, а никак не вашего прихода.

Крозье хмурится:

– Письменного ответа? Я уже неделю не получал от вас никаких сообщений, Джеймс.

Фицджереймс несколько мгновений непонимающе смотрит на него.

– Вы ничего не получали сегодня вечером? Около пяти часов назад я отправил к вам на корабль рядового Рида с запиской. Я решил, что он остался там на ночь.

Крозье медленно качает головой.

– О... черт, – говорит Фицджереймс.

Крозье вынимает из кармана шерстяной чулок и кладет на стол. Даже при ярком свете висящего на переборке фонаря на нем не видно никаких следов насилия.

– Я нашел это по дороге сюда. Ближе к вашему кораблю.

Фицджереймс берет чулок и печально рассматривает.

– Я покажу людям для опознания, – говорит он.

– Возможно, он принадлежал одному из моих людей, – тихо говорит Крозье.

Он вкратце рассказывает Фицджерейсу о нападении, произошедшем накануне вечером, о смертельном ранении рядового Хизера и об исчезновении Уильяма Стронга и молодого Тома Эванса.

– Трое за один день, – говорит Фицджереймс. Он наливает еще бренди в оба стакана.

– Да. Какого содержания сообщение вы мне послали?

Фицджереймс объясняет, что весь день среди нагромождений ледяных валунов, сразу за границей света от фонарей, бродил какой-то крупный зверь. Люди то и дело стреляли, но вышедшие на лед отряды не нашли ни пятен крови, ни каких-либо других следов.

– Так что, Френсис, приношу свои извинения за стрельбу, открытую по вам этим идиотом Бобби Джонсом. Нервы у людей напряжены до предела.

– Но не настолько же, надеюсь, чтобы воображать, будто таинственный зверь во льдах научился обращаться к ним по-английски, – сардонически замечает Крозье. Он отпивает еще глоток бренди.

– Нет-нет. Разумеется, не настолько. Это был идиотизм чистой воды. Джонс будет лишен рома на две недели. Я еще раз прошу прощения.

Крозье вздыхает:

– А вот этого не надо. Спустите с малого шкуру, коли хотите, но не лишайте его рома. Атмосфера на вашем корабле и без того достаточно мрачная. Со мной была леди Безмолвная, в своей чертовой мохнатой парке. Вероятно, ее-то Джонс и заметил. Я получил бы поделом, если бы он отстрелил мне башку.

– Безмолвная была с вами? – Фицджереймс вопросительно вскидывает брови.

– Я не знаю, какого черта она делала на льду, – хрипло говорит Крозье. У него страшно саднит горло, за день застуженное на морозе и надорванное криками. – Я сам чуть не выстрелил в нее в четверти мили от вашего корабля, когда она подкралась ко мне сзади. Молодой Ирвинг сейчас, наверное, переворачивает все на «Терроре» вверх дном. Я допустил огромную ошибку, когда поручил парню приглядывать за этой эскимосской сукой.

– Люди считают, что она приносит несчастье.

Голос Фицджереймса звучит очень, очень тихо. В битком набитой жилой палубе звуки легко проникают через переборки.

– Почему бы им, собственно, не считать так? – Теперь Крозье чувствует действие бренди. Вчера вечером он не выпил ни капли. Алкоголь благотворно действует на желудок и утомленный мозг. – Женщина появляется в день, когда начинается этот кошмар, со своим отцом или братом-колдуном. Язык у нее вырван по самый корень. Почему бы людям не считать, что она и является причиной всех бед, черт возьми?

– Но вы более пяти месяцев держите ее на борту «Террора», – говорит Фицджереймс.

В голосе молодого капитана не слышится упрека, только любопытство.

Крозье пожимает плечами:

– Я не верю в ведьм. Да и во всяких ион тоже, коли на то пошло. Но я действительно верю, что, если мы выставим женщину на лед, зверь сожрет ее, как пожирает сейчас Эванса и Стронга. А возможно, и вашего рядового Рида. Кстати, не тот ли это Билли Рид, рыжий морской пехотинец, который очень любил поговорить о том писателе... Диккенсе?

– Он самый, Уильям Рид, – говорит Фицджереймс. – Он показывал отличные результаты, когда люди устраивали состязание по бегу на острове Диско два года назад. Я подумал, что один человек, да такой проворный... – Он осекается и закусывает губу. – Мне следовало подождать до утра.

– Зачем? – спрашивает Крозье. – Утром стоит такая же темень. Да и в полдень не многим светлее, собственно говоря. Отныне никакой разницы между днем и ночью нет – и не будет в ближайшие четыре месяца. И непохоже, чтобы чертов зверь охотился только по ночам... или только в темноте, коли на то пошло. Может, ваш Рид еще объявится. Наши посыльные

и прежде не раз терялись во льдах и приходили через пять-шесть часов, дрожа от холода и ругаясь последними словами.

– Возможно. – В голосе Фицджереймса слышится сомнение. – Утром я вышлю поисковые отряды.

– Именно этого и ждет от нас зверь. – Голос Крозье звучит очень устало.

– Возможно, – снова говорит Фицджереймс, – но вы только что сказали, что ваши люди вчера вечером и весь день сегодня искали во льдах Стронга и Эванса.

– Если бы я не взял Эванса с собой, когда искал Стронга, мальчик был бы сейчас жив.

– Томас Эванс, – говорит Фицджереймс. – Я его помню. Такой рослый парень. И в общем-то, уже не мальчик, верно, Френсис? На вид ему... сколько? Двадцать два – двадцать три года?

– В мае Томми стукнуло двадцать, – говорит Крозье. – Первый свой день рождения на борту он отметил на следующий день после нашего отплытия. У людей было отличное настроение, и они обрили малому голову по случаю его восемнадцатилетия. Похоже, он ничего не имел против. Все давние знакомые Томми говорят, что он всегда был рослым не по годам. Он служил на военном корабле «Линкс», а до этого на купце Ост-Индской компании.

– Как и вы, кажется.

Крозье невесело смеется:

– Как и я. Не знаю, пошло ли мне это на пользу.

Фицджереймс запирает бутылку бренди в шкафчик и возвращается к длинному столу.

– Скажите, Френсис, вы действительно наряжались чернокожим лакеем, а Хоппнер изображал старую знатную леди, когда вы зимовали во льдах в... дай бог памяти... двадцать четвертом году?

Крозье снова смеется, на сей раз повеселее:

– Да, было дело. Я служил гардемаринком на «Хекле» под командованием Парри, когда они с Хоппнером, командовавшим «Фьюри», в двадцать четвертом отправились на север с целью отыскать этот самый чертов проход. Парри планировал провести корабли через пролив Ланкастер, а затем спуститься по проливу Принс-Риджент – мы тогда еще не знали, что Бутия является полуостровом, это стало известно только в тридцать третьем, после плавания Россов. Парри думал, что сможет пойти на юг, обогнув Бутию, и нестись на всех парусах, пока не достигнет побережья, которое Франклин исследовал в ходе сухопутной экспедиции шестью семью годами ранее. Но Парри припозднился с отплытием – почему эти чертовы начальники экспедиций всегда задерживаются с отправлением? – и нам повезло добраться до пролива Ланкастер только десятого сентября, месяцем позже намеченного срока. Но к тринадцатому сентября на море встал лед, и пройти через пролив не представлялось возможным, поэтому Парри на нашей «Хекле» и лейтенанту Хоппнеру на «Фьюри» пришлось удирать на юг, поджав хвост. Шторм отнес нас обратно в Баффинов залив, и нам чертовски повезло найти стоянку в чудесной крохотной бухте неподалеку от пролива Принс-Риджент. Мы торчали там десять месяцев. Отморозили себе все, что только можно.

– Но вы – и в роли чернокожего мальчишки-лакея? – Фицджереймс чуть заметно улыбается.

Крозье кивает и отпивает маленький глоток бренди.

– И Парри, и Хоппнер, оба просто жить не могли без костюмированных представлений во время зимовок во льду. Именно Хоппнер организовал этот маскарад, который назвал Большим Венецианским карнавалом и назначил на первое ноября, когда моральный дух падает с исчезновением солнца на несколько месяцев. Парри явился закутанным в широченный плащ, который не сбрасывал, даже когда собрались все приглашенные, по большей части в маскарадных костюмах – у нас на обоих кораблях было по огромному сундуку с костюмами, – а когда он наконец все-таки разоблачился, мы увидели Парри в облике того старого моряка – помните, инвалида на деревянной ноге, что за гроши пиликал на скрипке близ Чатэма? Впрочем, нет, не помните, вы слишком молоды. Но Парри – я думаю, старый шельмец всегда больше

хотел быть актером, чем капитаном корабля, – он все сделал правильно: принялся пикировать за скрипке, прыгая на деревяшке и выкрикивая: «Подайте грошик бедному Джо, отдавшему ногу за родину и короля!» Ну, люди чуть не полопались со смеха. Но Хоппнер, который, думаю, любил подобные игры с переодеваниями даже больше Парри, явился на бал в обличье знатной леди, нарядившись по последней парижской моде – платье с кринолином, оттопыренным на заднице, огромное декольте, все дела. А поскольку я в ту пору был жизнерадостен и весел сверх меры да вдобавок слишком глуп, чтобы думать головой, – иными словами, был сопляком двадцати с лишним лет, – я изображал чернокожего лакея, облачившись в настоящую ливрею, которую старый Генри Хопкинс Хоппнер купил в какой-то лондонской лавке и взял в плавание специально для меня.

– И люди смеялись? – спрашивает Фицджереймс.

– О, они снова так и покатались со смеху – Парри со своей деревяшкой напрочь лишился зрительского внимания, когда появился старый Генри, а за ним я, несущий шелковый шлейф. Почему бы им не посмеяться? Всем этим трубочистам, галантерейщикам, старьевщикам, носатым евреям, каменщикам, шотландским воинам, турецким танцовщицам и лондонским торговкам спичками? Эй! Это же молодой Крозье, еще даже не лейтенант, а гардемарин-переросток, который думает, что когда-нибудь станет адмиралом, забыв о том, что он всего-навсего очередной черномазый ирландец.

С минуту Фицджереймс молчит. Крозье слышит храп и попердывания, доносящиеся из скрипучих подвесных коек в темной носовой части корабля. Где-то на палубе над ними часовой топает ногами, чтобы согреться. Крозье жалеет, что закончил свою историю таким образом, – он ни с кем так не разговаривает, когда трезв, – но он хочет также, чтобы Фицджереймс снова достал из шкафчика бутылку бренди. Или виски.

– Когда «Фьюри» и «Хекла» вырвались из ледового плена? – спрашивает Фицджереймс.

– Двадцатого июля следующего года, – говорит Крозье. – Но все остальное вам, вероятно, известно.

– Я знаю, что вы потеряли «Фьюри».

– Так точно, – говорит Крозье. – Через пять дней после того, как лед вскрылся, – все пять дней мы еле ползли вдоль берега острова Сомерсет, стараясь держаться подальше от пака, стараясь не попадать под чертовы глыбы известняка, вечно срывающиеся со скал, – очередной шторм выбрасывает «Фьюри» на каменистую отмель. Нам пришлось здорово попотеть и загнать в лед уйму якорей, пока мы стаскивали его оттуда, но потом оба корабля затирает льдами, и один проклятый айсберг, размером почти с этого стервеца, что стоит между «Эребусом» и «Террором», притирает «Фьюри» к берегу, выламывает у него руль, пробивает корпус, корежит металлическую обшивку, и команда день и ночь посменно работала на четырех насосах, пытаясь хотя бы удержать корабль на плаву.

– И какое-то время вам это удавалось, – подсказывает Фицджереймс.

– Две недели. Мы даже пытались пришвартовать «Фьюри» к айсбергу, но чертов конец лопнул. Потом Хоппнер пытался приподнять корабль, чтобы добраться до киля, – то же самое хотел сделать сэр Джон с вашим «Эребусом», – но снежная буря положила конец этим попыткам, и возникла опасность, что под напором льдов оба корабля вынесет на подветренный берег мыса. Наконец матросы стали просто падать прямо у помп – обезумевшие от усталости, они уже не понимали наших приказов, – и двадцать первого августа Парри приказал всем перейти на борт «Хеклы» и отвести корабль прочь, чтобы он не сел на мель, а бедный «Фьюри» вытолкнуло на берег несколькими айсбергами, которые крепко зажали его там, преграждая путь назад. У нас не было шансов вытащить «Фьюри» на буксире. Мы видели, как корабль раздавило льдами, точно скорлупку. Мы с великим трудом вывели оттуда «Хеклу» – только благодаря тому, что все до единого люди день и ночь стояли у насосов и плотник работал круглые сутки, укрепляя и латая обшивку... Таким образом, мы и близко не подошли к проходу – даже не открыли

никакой новой земли, собственно говоря, – и потеряли корабль. Хоппнера судили морским судом, а Парри считал подсудимым и себя тоже, поскольку Хоппнер все время находился у него в подчинении.

– Всех оправдали, – говорит Фицджереймс. – Даже похвалили, насколько я помню.

– Похвалили, но не повысили в звании, – говорит Крозье.

– Но вы все выжили.

– Да.

– Я хочу выжить в этой экспедиции, Френсис, – говорит Фицджереймс тихим, но твердым голосом.

Крозье кивает.

– Нам следовало поступить так, как в свое время поступил Парри: перебраться с «Эребуса» на борт «Террора» год назад и двинуться на восток в обход Кинг-Уильяма, – говорит Фицджереймс.

Теперь настает очередь Крозье удивленно вскинуть брови. Не потому, что Фицджереймс признает Кинг-Уильям островом, – санные отряды, ходившие на разведку позже летом, внесли окончательную ясность в данный вопрос, – а потому, что он признает: им следовало двинуться туда в прошлом мае, бросив корабль сэра Джона. Крозье знает, что для капитана любого флота – но особенно Военно-морского флота Великобритании – нет ничего страшнее, чем покинуть свой корабль. И хотя «Эребус» находился под общим командованием сэра Джона Франклина, настоящим капитаном всегда оставался командор Джеймс Фицджереймс.

– Теперь уже слишком поздно.

Крозье чувствует боль. Несколько переборок здесь наружные, а в подволоке имеются три патентованных престонских иллюминатора, так что в кают-компании холодно – ясно виден пар от дыхания, – но все же на шестьдесят или семьдесят градусов⁶ теплее, чем было на льду, и постепенно отогревающиеся ноги Крозье, особенно пальцы ног, болезненно покалывает, словно сотнями зазубренных булавок и докрасна раскаленных иголок.

– Да, – соглашается Фицджереймс, – но вы поступили умно, отправив снаряжение и провиант на Кинг-Уильям в августе.

– Это немалая часть того, что еще потребуется перевезти туда, коли нам придется расположиться там лагерем, – резко говорит Крозье.

Он распорядился перевезти с кораблей и схоронить на берегу около двух тонн одежды, палаток, средств жизнеобеспечения и консервированных продуктов на случай, если вдруг возникнет необходимость спешно покинуть корабли зимой, но транспортировка грузов происходила до смешного медленно и в чрезвычайно опасных условиях. За несколько недель утомительных санных переходов на берег было доставлено всего лишь около тонны запасов – палатки, верхняя одежда, инструменты и консервированные продукты на несколько недель. И больше ничего.

– Это существо не позволило бы нам остаться там, – тихо добавляет он. – Мы все могли бы перебраться в палатки в сентябре – как вы помните, я распорядился расчистить площадку для двух дюжин больших палаток, – но на кораблях будет безопаснее, чем в лагере.

– Да, – говорит Фицджереймс.

– Если корабли выстоят до конца зимы.

– Да, – говорит Фицджереймс. – Вы слышали, Френсис, что некоторые матросы – на обоих кораблях – называют этого зверя Террором?

– Нет!

Крозье оскорблен. Он не желает, чтобы название его корабля использовали в таких гнусных целях, даже если люди шутят. Но он смотрит в зеленовато-карие глаза командора Джеймса

⁶ По Цельсию это перепад на 15–20 градусов.

Фицджереймса и понимает, что капитан совершенно серьезен, а значит, по всей видимости, и люди тоже.

– Террор, – медленно произносит Крозье и чувствует вкус желчи во рту.

– Они думают, что это не животное, – говорит Фицджереймс. – Они считают, что хитрость и коварство этого существа противоестественны... сверхъестественны... что там на льду, в темноте – демон.

Крозье чуть не сплевывает от отвращения.

– Демон, – презрительно повторяет он. – Это те самые моряки, которые верят в призраков, эльфов, ион, русалок и морских чудовищ.

– Я видел однажды, как вы скребли ногтями по мачте, чтобы вызвать ветер, – с улыбкой замечает Фицджереймс.

Крозье не отвечает.

– Вы прожили на свете достаточно долго и достаточно много путешествовали, чтобы не раз видеть вещи, о существовании которых никто прежде не знал, – добавляет Фицджереймс, явно пытаясь разрядить обстановку.

– Так точно. – Крозье выпускает резкий лающий смешок. – Пингвины! Хотелось бы, чтобы они были здесь самыми крупными животными, какими, похоже, являются на Южном полюсе.

– В южной Арктике нет белых медведей?

– Во всяком случае, мы ни одного не видели. Как не видел ни один китобой или исследователь за семьдесят лет плаваний вдоль берегов того белого, изобилующего вулканами, одетого льдом материка.

– И вы с Джеймсом Россом были первыми, кто увидел этот континент. И вулканы.

– Да, верно. И сэру Джеймсу это принесло большую пользу. Он женат, произведен в рыцари, счастлив, вышел в отставку. А я... я... здесь.

Фицджереймс прочищает горло, словно желая переменить тему разговора.

– Знаете, Френсис... до этого путешествия я искренне верил в существование Открытого Полярного моря. Я нисколько не сомневался, что парламент поступил правильно, прислушавшись к мнению так называемых полярных экспертов, – последней зимой перед нашим отплытием, помните? В «Таймс» много всего писалось о термобарическом барьере, о Гольфстриме, проходящем под льдами и нагревающим Открытое Полярное море, и неизвестном материке, находящемся там, – в парламенте даже предлагались к рассмотрению и принимались законы об отправке сюда заключенных Саутгейта и других тюрем с целью добывать уголь, которого на северном полярном континенте, всего в нескольких сотнях миль отсюда, должно быть полным-полно.

На сей раз Крозье смеется от души.

– Ну да, добывать уголь для обогрева гостиниц и обеспечения топливом паровых судов, которые будут регулярно курсировать через Северное Полярное море к шестидесятым годам, самое позднее. О боже, хотелось бы мне быть одним из заключенных Саутгейтской тюрьмы. У них камеры, согласно требованиям закона и элементарной гуманности, в два раза больше наших кают, Джеймс, и будущее сулило бы нам жизнь в тепле и безопасности, доведись нам сидеть спокойно в таких роскошных условиях и ждать известий об открытии и колонизации этого северного полярного континента.

Теперь смеются оба мужчины.

С верхней палубы доносится глухой стук – скорее частые шаги, нежели простое притопывание, – а потом слышатся громкие голоса, и по полу тянет холодным сквозняком, когда главный люк, расположенный в дальнем конце коридора, открывается и несколько пар ног грохочут вниз по трапу.

Оба капитана молчат и ждут, пока не раздастся тихий стук в дверь кают-компаний.

– Войдите, – говорит командор Фицджереймс.

Часовой вводит двух людей с «Террора» – третьего лейтенанта Джона Ирвинга и матроса по имени Шанкс.

– Прошу прощения, что побеспокоил вас, командор Фицджереймс, капитан Крозье, – говорит Ирвинг, слегка стуча зубами. Его длинный нос побелел от мороза, Шанкс все еще держит в руках мушкет. – Лейтенант Литтл послал меня со срочным донесением к капитану Крозье.

– Продолжайте, Джон, – говорит Крозье. – Вы ведь не ищите до сих пор леди Безмолвную, надеюсь?

Несколько мгновений Ирвинг тупо смотрит на него. Потом говорит:

– О нет, сэр. Она вернулась на корабль, капитан. Правда, осталась на верхней палубе. Она объявилась, когда возвращались последние поисковые отряды. Нет, сэр. Лейтенант Литтл просил меня срочно привести вас обратно, потому что... – Молодой лейтенант умолкает, словно забыв, почему Литтл послал его за капитаном.

– Мистер Кауч, – обращается Фицджереймс к вахтенному, приведшему двух людей с «Террора» в кают-компанию, – будьте любезны выйти в коридор и затворить дверь, благодарю вас.

Крозье тоже заметил странную тишину, когда храп и поскрипывание коек в носовой части палубы прекратились. Слишком много матросов в кубрике проснулись и наострили уши.

Когда дверь закрывается, Ирвинг говорит:

– Это Уильям Стронг и Томми Эванс, сэр. Они нашлись.

Крозье моргает:

– Что значит «нашлись», черт возьми? Живые? – Впервые за много месяцев он испытывает прилив надежды.

– О нет, сэр, – говорит Ирвинг. – Только... одно тело... на самом деле. Но оно было прислонено к кормовому фальшборту, когда его заметил кто-то из участников поисковых отрядов, возвращавшихся на корабль... около часа назад. Вахтенные ничего не видели. Но оно находилось там, сэр. По приказу лейтенанта Литтла мы с Шанксом поспешили сюда, чтобы поставить вас в известность, капитан.

– Одно? – отрывисто спрашивает он. – Одно тело? Нашлось на корабле? – Капитан «Террора» ничего не понимает. – Мне показалось, вы сказали, что нашлись оба, Стронг и Эванс.

Теперь все лицо лейтенанта Ирвинга белеет, точно обмороженное.

– Так и есть, капитан, оба. По крайней мере половина каждого. Когда мы подошли взглянуть на тело, прислоненное там к фальшборту, оно упало и... в общем... Насколько мы можем судить, верхняя половина принадлежит Билли Стронгу, а нижняя – Томми Эвансу.

Крозье и Фицджереймс ошеломленно переглядываются.

12

Гудсир

69°37'42" северной широты, 98°41' западной долготы

Кинг-Уильям, 24 мая – 3 июня 1847 г.

Отряд лейтенанта Гора прибыл к каменной пирамиде сэра Джеймса Росса на берегу Кинг-Уильяма поздно вечером 28 мая, после пятидневного тяжелого похода по замерзшему морю.

Хорошая новость – обнаруженная лишь на самом подходе к острову – заключалась в том, что неподалеку от берега на льду разливались широкие озерца пресной, пригодной для питья воды. Плохая новость заключалась в том, что образовались они преимущественно в результате слабого таяния почти сплошной цепи айсбергов – высотой до сотни футов и более, – вынесенных течением на отмели и берег и теперь стоявших подобием белой зубчатой крепостной стены, тянувшейся в одну и другую сторону, насколько хватало глаз. Другая плохая новость заключалась в том, что людям потребовался почти целый день, чтобы преодолеть эту преграду, – причем пришлось оставить часть меховых одеял, топлива и провианта на морском льду, чтобы облегчить сани. Вдобавок к упомянутым неприятностям несколько банок консервированных супов и свинины, открытых на привале на льду, оказались испорченными, и их пришлось выбросить, вследствие чего на обратный путь у них осталось провианта меньше чем на пять дней – если исходить из предположения, что все остальные банки не испорчены. И в довершение ко всем прочим плохим новостям выяснилось, что даже здесь, у самой суши, толщина льда по-прежнему составляет семь футов.

Самая плохая новость – по крайней мере для Гудсира – заключалась в том, что полуостров (или остров, как они узнали впоследствии) Кинг-Уильям стал для него самым жестоким разочарованием в жизни.

Расположенные севернее острова Девон и Бичи были открыты всем ветрам, неблагоприятны для обитания животных даже в лучшее время года и лишены растительности, если не считать лишайников и низкорослых кустарников, но они представлялись истинным райским садом в сравнении с Кинг-Уильямом. Бичи мог похвастаться своими пустошами, наносами песка и земли, впечатляющими скалами и подобием отлогого каменистого берега. Ничего подобного на Кинг-Уильяме не было.

Спустя полчаса после перехода через гряду айсбергов Гудсир все еще не понимал, находится он на суше или нет. Он приготовился отметить столь важное событие вместе с остальными, ибо впервые за год с лишним они должны были ступить ногой на землю, но морской лед за айсбергами сменился нагромождениями припайного, и определить, где кончается припай и начинается берег, представлялось невозможным. Повсюду вокруг был лед, снег, и снова лед, и снова снег.

Наконец они достигли открытого всем ветрам, свободного от снега участка берега, и Гудсир и несколько матросов упали на гальку на четвереньки, словно вознося благодарение небу, но даже здесь округлые, насквозь промерзшие камешки казались тверже булыжника лондонских мостовых и в десять раз холоднее, и холод этот проникал сквозь штаны и шерстяные подштанники, прикрывавшие колени, в самые кости и проникал сквозь толстые рукавицы в ладони и пальцы, словно безмолвное приглашение в скованные льдом круги ада далеко внизу.

Еще четыре часа у них ушло на поиски пирамиды Росса. Раньше лейтенант Гор сказал всем, что груды камней высотой предположительно шесть футов на Виктори-Пойнт или поблизости от него будет легко найти, но на этом не защищенном от ветра мысе груды льда часто имели высоту шесть футов и более, а крепкие ветра давно сдули с пирамиды верхние камни,

что помельче. Небо в конце мая никогда не темнело полностью, но в тусклом сумеречном свете все вокруг казалось лишенным объема и полагаться на глазомер не приходилось. В полумраке выделялись одни лишь медведи – и то единственно благодаря движению. С полдюжины голодных любопытных зверей следовали за ними целый день, то приближаясь, то отставая. Помимо этих неуклюжих, развалисто ступающих животных, изредка попадавших в поле зрения, все вокруг терялось в тусклом серо-белом свечении. Серак, на глаз маячивший в полумиле впереди и возвышавшийся на пятьдесят футов, на деле находился всего в двадцати ярдах и имел высоту два фута. Клочок голой каменистой земли в сотне футов от них в действительности оказался в целой миле, далеко на открытом ветрам мысе.

Но в конце концов они нашли пирамиду, в десять без малого вечера по все еще тикающему хронометру Гудсира. Все мужчины настолько утомились, что руки у них бессильно болтались, как у любимых приматов Дарвина, по причине крайней усталости никто не разговаривал, сани они оставили в полумиле к северу, где впервые ступили на берег.

Гор достал первое из двух посланий – он снял с оригинала копию, чтобы спрятать на берегу южнее, согласно распоряжениям сэра Джона, – проставил в нем дату и нацарапал свою подпись. То же самое сделал второй помощник капитана Чарльз Дево. Они свернули лист бумаги в трубку, положили в один из двух медных герметичных цилиндров, взятых в поход, и опустили цилиндр в середину полой пирамиды, после чего установили на место камни, которые предварительно вынули, чтобы получить доступ к тайнику.

– Ну что ж, – сказал Гор, – дело сделано.

Вскоре после того, как они дотащились до саней, чтобы приготовить полночный ужин, разразилась буря.

Дабы облегчить сани при переходе через гряду айсбергов, они оставили тяжелые одеяла из волчьих шкур, парусиновые подстилки и большую часть консервированных продуктов в укрытии на морском льду. Они рассудили, что, поскольку пища находится в запаянных жестяных банках, она не привлечет белых медведей, вечно вынюхивающих поживу, а даже если и привлечет, звери не смогут вскрыть банки. Они рассчитывали продержаться на острове два дня на урезанном пайке (плюс любая дичь, которую они сумеют подстрелить, разумеется, но при столкновении с суровой реальностью острова надежда эта начала угасать) и спать всем скопом в палатке.

Дево, руководивший приготовлением ужина, достал патентованный набор продуктов из специальной тары, представлявшей собой несколько хитроумно вставленных одна в другую плетеных корзин. Но три из четырех банок, выбранных для первого ужина на суше, оказались испорченными. Таким образом, у них осталось лишь по полпорции вчерашней соленой свинины на каждого – свинину мужчины любили, поскольку она очень жирная, но такого количества явно не хватало, чтобы утолить голод после столь трудного дня, – и последняя испорченная банка с этикеткой «Превосходный наваристый черепаховый бульон», который они терпеть не могли, по опыту зная, что бульон не превосходный, не наваристый, да и вряд ли черепаховый.

Доктор Макдональд с «Террора» последние полтора года – со времени смерти Торрингтона у острова Бичи – буквально помешался на качестве консервированных продуктов и при участии других врачей постоянно экспериментировал, пытаясь найти наилучшую диету, предотвращающую развитие цинги, и от старшего годами врача Гудсир узнал, что некий Стивен Голднер, поставщик из Хаундитча, добившийся заключения контракта с экспедицией благодаря чрезвычайно низким запрошенным ценам, почти наверняка обманул британское правительство и Службу географических исследований при Военно-морском флоте Британии, поставив некачественные – а возможно, и опасные для жизни – пищевые продукты.

Мужчины разразились проклятиями, узнав, что содержимое банок протухло.

– Успокойтесь, ребята, – сказал лейтенант Гор, пару минут не пресекавший поток матросских ругательств, чтобы дать людям выпустить пар. – Что вы скажете, если сейчас мы начнем открывать одну за другой банки из завтрашнего рациона, пока не найдем достаточно неиспорченной пищи, чтобы насытиться, и просто примем решение вернуться к нашему складу на льду завтра к ужину, даже если таковой состоится в полночь?

Все дружным хором выразили согласие с поступившим предложением.

Две из следующих четырех банок оказались нормальными: в одной содержалось странное постное «ирландское рагу», которое в лучших обстоятельствах едва ли сочли бы съедобным, а в другой некая смесь с аппетитным названием «бычьи щечки с овощами», относительно которой мужчины сошлись во мнении, что мясные ингредиенты взяты из дубильной мастерской, а овощи из заброшенного овощехранилища. Однако это было лучше, чем ничего.

Но когда они поставили палатку, раскатали в ней спальные мешки, разогрели пищу на спиртовке и разобрали горячие металлические миски с едой, засверкали молнии.

Первая ударила в землю меньше чем в пятидесяти футах от них, заставив всех разом подпрыгнуть и просыпать из мисок свои бычьи щечки с овощами и рагу. Второй удар пришелся еще ближе.

Они бросились к палатке. Молнии одна за другой с оглушительным треском ударяли в землю вокруг подобием артиллерийских снарядов. Едва они успели забиться в коричневую брезентовую палатку – восемь мужчин в укрытии, рассчитанном на четырех человек с легким снаряжением, – как матрос Бобби Терьер взглянул на металлические шесты палаточного каркаса и со словами «ох, твою мать» рванул к выходу.

Снаружи шел град величиной с крикетный мяч, высекая из льда осколки, взлетавшие на добрых тридцать футов. Полночные арктические сумерки озарялись молниями столь часто, что они накладывались друг на друга и небо сверкало ослепительными вспышками, оставлявшими черные пятна остаточных изображений на сетчатке глаза.

– Нет, нет! – проорал Гор, перекрывая грохот грома. Он рывком оттащил Терьера от выхода обратно в переполненную палатку. – Куда ни сунься, мы здесь самые высокие существа. Отбросьте шесты по возможности дальше, но оставайтесь под брезентом. Заберитесь в спальные мешки и лежите пластом.

Мужчины бросились выполнять приказ; пряди длинных волос, выбивавшиеся из-под «уэльских париков» или вязаных шапок, трепыхались и извивались подобием змей над шерстяными шарфами, обмотанными вокруг шеи. Гроза неистовствовала все сильнее, и от грохота грома закладывало уши. Град яростно молотил по спинам, прикрытым брезентом и одеялами, точно тысяча огромных кулаков, избивающих до синяков. На самом деле Гудсир стонал скорее от страха, нежели от боли, хотя непрерывно сыпавшиеся на голову и спину удары являлись самым жестоким избиением из всех, какие он претерпел со времени своего обучения в привилегированной частной школе.

– Господи Иисусе, твою мать! – выкрикнул Томас Хартнелл, когда град усилился и молнии засверкали чаще.

Все мало-мальски здравомыслящие мужчины уже лежали под своими спальными мешками, а не в них, прикрываясь от града двумя слоями плотного шерстяного одеяла вместо одного. Брезент палатки грозил всем смертью от удушья. Тонкая просмоленная парусина под ними несколько не спасала от холода, поднимавшегося снизу, пробиравшего до костей, безжалостно остужавшего нагретый дыханием воздух.

– Разве грозы бывают, когда так холодно? – прокричал Гудсир Гору, который лежал рядом с ним в куче перепуганных мужчин.

– Такое случается! – проорал в ответ лейтенант. – Если мы решим перебраться с кораблей в лагерь на суше, нам придется взять с собой чертову уйму громоотводов!

Именно тогда Гудсир услышал первый намек на вероятность, что они покинут корабли.

Молния ударила в ледяной валун футах в десяти от палатки, возле которого они сидели во время своего прерванного ужина, и отрикошетила к валуну высотой не более трех футов, сверкнув у них прямо над головами, прикрытыми брезентом, – и все до единого мужчины прижались к земле плотнее, словно пытаясь продрасться сквозь парусиновую подстилку и зарыться поглубже в мерзлую гальку.

– О господи, лейтенант Гор, – выкрикнул Джон Морфин, чья голова находилась ближе прочих к входному отверстию рухнувшей палатки, – кто-то ходит там, в этом аду кромешном!

Все восемь членов отряда находились в палатке.

– Неужели медведь? – проорал Гор. – Бродит вокруг в такую грозу?

– Слишком крупен для медведя, лейтенант! – прокричал Морфин. – Это...

Тут молния опять ударила в ледяной валун неподалеку от палатки, а удар следующей молнии пришелся так близко, что наэлектризованный брезент над ними резко всколыхнулся, и все припали к земле еще плотнее, прижались лицом к холодной парусине и оставили всякие разговоры, чтобы вознести к небу мольбы о спасении.

Яростная атака – а Гудсиру все происходящее представлялось некой атакой древних богов, разъяренных их самонадеянным решением зимовать в царстве Борея, – продолжалась почти час, пока наконец последние раскаты грома не стихли в отдалении и вспышки молний не стали реже и не переместились на юго-восток.

Гор выбрался из-под брезента первым, но даже этот бравый лейтенант – практически не ведавший страха, насколько знал Гудсир, – не поднимался на ноги целую минуту, если не дольше. За ним все остальные на четвереньках выползли наружу и замерли на месте, ошеломленно озираясь вокруг и словно вознося мольбы или хвалы Всевышнему. В небе на востоке сверкали узоры разветвленных молний, гром все еще грохотал над плоским островом достаточно громко, чтобы они кожей ощущали звуковые волны и зажимали уши ладонями, но град прекратился – двухфутовый слой разбитых белых шариков устилал берег, насколько хватало глаз, – и минуту спустя Гор встал и начал оглядываться по сторонам. Потом все остальные поднялись на ноги, медленно, неуклюже, ощупывая конечности – сплошь покрытые синяками, полагал Гудсир на основании своих собственных болевых ощущений. Черные тучи затягивали сумеречное небо на юге достаточно плотно, чтобы казалось, будто на землю опускается настоящая ночная тьма.

– Вы только посмотрите! – крикнул Чарльз Бест.

Гудсир и все остальные столпились возле саней. Перед своим прерванным ужином они сложили в кучу консервные банки и прочие предметы на месте, где готовили, и молния каким-то образом ухитрилась ударить в низкую пирамиду банок, промахнувшись мимо самих саней. Все голднеровские консервированные продукты разметало вокруг, как если бы в пирамиду попало пушечное ядро – точный бросок шара в космическом кегельбане. Куски обугленного металла, все еще дымящиеся несъедобные овощи и тухлое мясо были разбросаны в радиусе двадцати ярдов. У левой ноги врача валялся черный от копоти искореженный котелок, на боку которого виднелась надпись «варочное устройство». Он входил в походный комплект столовых принадлежностей и стоял на одной из спиртовок, когда они бросились в укрытие. Металлическая бутылка, содержащая пинту древесного спирта, взорвалась, и разлетевшаяся во все стороны шрапнель лишь чудом не задела никого из них, когда они прятались под брезентом. Если бы молния ударила в деревянный ящик с бутылками горючего, стоявший на санях рядом с двумя дробовиками и коробкой патронов, они все погибли бы при взрыве.

Гудсир почувствовал острое желание рассмеяться, но сдержался из опасения, что одновременно разрыдается. С минуту все молчали.

Наконец Джон Морфин, взобравшийся на невысокую, изрешеченную градом ледяную гряду поблизости, крикнул:

– Лейтенант, вы должны взглянуть на это!

Они поднялись наверх, чтобы посмотреть, на что он там таращится.

Вдоль низкой ледяной гряды, начинавшейся среди нагромождений льда к югу от них и терявшейся из виду на северо-западе, тянулась цепочка совершенно невероятных следов. Невероятных, поскольку они превосходили размерами следы любого из ныне существующих животных на этой старой доброй планете. За пять дней похода мужчины видели на снегу следы белых медведей, и некоторые из них были на удивление большими – до двенадцати дюймов длиной, – но эти отпечатки были в полтора-два раза больше. Иные казались длиной с руку мужчины. И они были свежими – в этом не приходилось сомневаться, – ибо вмятины остались не на старом снегу, а на толстом слое градин.

Какое бы существо ни проходило мимо лагеря, оно появилось здесь в самый разгар грозы с градом, как и докладывал Морфин.

– Что это? – сказал лейтенант Гор. – Быть такого не может. Мистер Дево, будьте добры, принесите мне дробовик и патроны из саней.

– Есть, сэр.

Еще прежде, чем помощник капитана вернулся с дробовиком, Морфин, рядовой морской пехоты Пилкингтон, Бест, Терьер и Гудсир двинулись вслед за Гором, который пошел по невероятным следам в северо-западном направлении.

– Они слишком большие, сэр, – отметил морской пехотинец.

Он был включен в состав отряда, знал Гудсир, поскольку являлся одним из немногих мужчин на обоих кораблях, имевших опыт охоты на дичь крупнее тетерева.

– Я знаю, рядовой, – сказал Гор.

Он взял дробовик у второго помощника Дево и спокойно загнал в ствол патрон. Увязая в ледяном крошечье, семеро мужчин шагали в направлении темных облаков за цепью айсбергов, тянувшейся вдоль береговой линии.

– Может, это не следы, а что-то другое... скажем, арктический заяц или еще какой зверь прыгал по ледяному месиву, делая вмятины всем телом, – предположил Дево.

– Да, – рассеянно отозвался Гор. – Вероятно, так и есть, Чарльз.

Но это были отпечатки лап. Доктор Гарри Д. С. Гудсир знал это. И все мужчины, шедшие рядом, знали это. Гудсир, никогда в жизни не охотившийся на зверя крупнее кролика или куропатки, точно знал, что это не вмятины от тела какого-то мелкого животного, прыгавшего влево-вправо, но скорее отпечатки лап некоего существа, которое шло сначала на четырех ногах, а потом – если верить следам – прошагало почти сотню ярдов на двух. Здесь они походили на следы человека, имеющего ступни длиной с предплечье Гудсира и покрывающего почти пять футов за один шаг, причем вместо отпечатков пальцев оставляющего бороздки от когтей.

Они достигли незащищенного от ветра участка каменистого берега, где Гудсир упал на колени много часов назад. Поскольку градины здесь разбивались на мельчайшие осколки, под ногами у них лежал практически голый камень – и на нем следы обрывались.

– Рассредоточимся, – сказал Гор, который по-прежнему небрежно держал дробовик под мышкой, словно прогуливаясь по своему родовому поместью в Эссексе.

Он поочередно ткнул пальцем в каждого из мужчин и указал, в какую сторону тому надлежит направиться, чтобы поискать следы на границе каменистого участка, немногим превосходявшего размерами центральную часть крикетного поля.

Следов, ведущих прочь с гальки, не обнаружилось. Мужчины несколько минут бродили взад-вперед, внимательно глядя под ноги, стараясь не ступить на нетронутый снег, а потом все застыли на месте, растерянно переглядываясь. Каменистый участок имел форму почти правильного круга. Никаких следов, уводящих за пределы ононого, не было.

– Лейтенант... – начал Бест.

– Помолчите минутку, – сказал Гор резко, но не раздраженно. – Я думаю.

Сейчас он единственный двигался: широким шагом проходил мимо мужчин и напряженно вглядывался в снег и лед за пределами круга, словно пытаясь понять шутку, с ним сыгранную. Теперь, когда гроза ушла на восток, стало светлее (было почти два часа пополуночи по хронометру Гудсира), и снег с ледяной крошкой за границей усыпанного галькой пятачка оставался нетронутым.

– Лейтенант, – настойчиво повторил Бест, – я насчет Тома Хартнелла.

– Да, что с ним? – отрывисто спросил лейтенант. Он начинал обходить участок по третьему разу.

– Его здесь нет. Я только сейчас понял – я не видел Тома с момента, когда мы вышли из палатки.

Гудсир резко вскинул и повернул голову одновременно со всеми остальными. В трехстах ярдах за ними находилась низкая ледяная гряда, загораживавшая рухнувшую палатку и сани. Никакого движения на всем обозримом серо-белом пространстве не наблюдалось.

Все разом сорвались с места и побежали.

Хартнелл был жив, но без сознания и по-прежнему лежал под брезентом палатки. На голове сбоку у него вздулась огромная шишка – толстый брезент прорвался от удара градины величиной с кулак, – и из левого уха сочилась кровь, но Гудсир скоро нащупал слабый пульс. Они вытащили Хартнелла из-под палатки, достали два спальных мешка и устроили пострадавшего по возможности удобнее. По небу опять плыли темные облака.

– Насколько серьезна травма? – спросил лейтенант Гор.

Гудсир потряс головой:

– Пока неизвестно – узнаем, когда он очнется... если он очнется. Удивительно, что больше никто из нас не пострадал столь же тяжело. Это было поистине смертоносное низвержение твердых тел с небес.

Гор кивнул:

– Мне бы очень не хотелось потерять Томми после того, как его брат Джонни умер в прошлом году. Семья не перенесет такого удара.

Гудсир вспомнил, как готовил к погребению Джона Хартнелла, одетого в лучшую фланелевую рубашу брата Томми. Он подумал об этой рубаше, находящейся под мерзлой землей и занесенными снегом камнями во многих милях к северу отсюда, о ледяном ветре под черными скалами, проносащемся между деревянными надгробиями, – и содрогнулся.

– Мы все начинаем замерзать, – сказал Гор. – Необходимо поспать. Рядовой Пилкингтон, найдите опорные шесты и помогите Бесту и Терьеру снова установить палатку.

– Есть, сэр.

Пока двое мужчин искали опорные шесты, Морфин поднял брезент. Изрешеченная градом палатка походила на выдавшее виды боевое знамя.

– Боже мой, – сказал Дево.

– Все спальные мешки промокли насквозь, – доложил Морфин. – Палатка внутри тоже промокла.

Гор вздохнул.

Пилкингтон и Бест вернулись с двумя почерневшими, погнутыми обломками шестов из металла и дерева.

– В них попала молния, лейтенант, – доложил рядовой морской пехоты. – Похоже, ее притянул металлический стержень, сэр. От них теперь мало прока.

Гор просто кивнул:

– У нас в санях есть ледоруб. Принесите его и запасной дробовик, чтобы использовать в качестве опорных шестов. Растопите немного льда, чтобы залить их у основания.

– Спиртовка испорчена, – напомнил Терьер. – Растопить лед не получится.

– У нас в санях есть еще две спиртовки, – сказал Гор. – А во флягах осталась питьевая вода. Сейчас она обратилась в лед, но засуньте фляги за пазуху, чтобы он растаял. Залейте воду в ямку, которую прорубите во льду. Она мигом замерзнет. Мистер Бест?

– Да, сэр? – откликнулся плотный молодой моряк, пытаясь подавить зевок.

– Вычистите палатку изнутри возможно тщательнее, возьмите нож и распорите два спальных мешка. Получится два широких одеяла: одно мы используем в качестве подстилки, а другим накроемся, тесно прижавшись друг к другу, чтобы не заоченеть. Нам нужно поспать.

Гудсир внимательно наблюдал за находившимся в беспамятстве Хартнеллом, но молодой человек по-прежнему не подавал никаких признаков жизни. Врачу пришлось проверить, дышит ли он, чтобы удостовериться, что он еще не умер.

– Мы двинемся обратно утром, сэр? – спросил Джон Морфин. – В смысле, чтобы забрать наши припасы из склада на льду, а потом направиться назад к кораблям? Теперь у нас провианта осталось всего ничего, не хватит на обратный путь, даже если урезать рацион до мало-мальски приемлемого минимума.

Гор улыбнулся и помотал головой:

– Двухдневный пост не повредит нам, дружище. Но поскольку Хартнелл ранен, я отправлю четверых к нашему складу, с ним на санях. Вы станете там лагерем, обустроившись со всем тщанием, а я тем временем возьму одного человека и направлюсь на юг, во исполнение приказа сэра Джона. Я должен спрятать в тайнике второе письмо Адмиралтейству, но самое главное – нам необходимо продвинуться на юг как можно дальше, чтобы проверить, нет ли там каких признаков чистой воды. Весь наш поход окажется напрасным, коли мы не сделаем этого.

– Я готов пойти с вами, лейтенант Гор, – сказал Гудсир и поразился звуку собственного голоса. Почему-то для него было чрезвычайно важно продолжить путь с офицером.

Гор тоже казался удивленным.

– Благодарю вас, доктор, – мягко сказал он. – Но не разумнее ли будет, если вы останетесь с нашим раненым товарищем?

Гудсир густо покраснел.

– Со мной пойдет Бест, – сказал лейтенант. – До моего возвращения командовать отрядом будет второй помощник Дево.

– Есть, сэр, – хором сказали оба мужчины.

– Мы с Бестом выступим часа через три и постараемся пройти на юг возможно дальше, взяв с собой лишь немного соленой свинины, цилиндр для письма, по одной фляге воды на каждого, несколько одеял на случай, если придется стать биваком, и один из дробовиков. Мы повернем назад около полуночи и постараемся встретиться с вами на льду к восьми склянкам завтрашнего утра. На обратном пути к кораблям санный груз у нас будет легче – если не считать Хартнелла, я имею в виду, – так что бьюсь об заклад, мы доберемся до дома не за пять дней, а за три, если не меньше. Если мы с Бестом не вернемся к лагерю на море послезавтра к полуночи, мистер Дево, берите Хартнелла и возвращайтесь к кораблям.

– Есть, сэр.

– Рядовой Пилкингтон, вы очень устали?

– Да, сэр, – ответил тридцатилетний морской пехотинец. – То есть нет, сэр. Я готов выполнить любой ваш приказ, лейтенант.

Гор улыбнулся:

– Хорошо. Вы заступаете на дежурство на следующие три часа. Единственное, что я могу вам обещать, так это то, что вам первому позволят лечь спать, когда ваш отряд достигнет сегодня места стоянки у склада. Возьмите мушкет, не задействованный в качестве палаточного опорного шеста, но оставайтесь в палатке – просто выглядывайте наружу время от времени.

– Слушаюсь, сэр.

– Доктор Гудсир?

Врач вскинул голову.

– Будьте добры, перенесите мистера Хартнелла в палатку с помощью мистера Морфина и устройте там поудобнее. Мы положим Томми в середину нашей кучи-малы, чтобы согревать своими телами.

Гудсир кивнул и двинулся с места, чтобы поднять своего пациента за плечи вместе со спальным мешком. Шишка на голове Хартнелла теперь выросла до размеров маленького бледного кулака.

– Хорошо, – стуча зубами, проговорил Гор, когда потрепанную палатку установили. – Теперь давайте расстелим одеяла, ляжем, прижмемся покрепче друг к другу, точно бедные сироты, каковыми, собственно, мы и являемся, и попытаемся поспать час-другой.

13

Франклин

70°05′ северной широты, 98°23′ западной долготы

3 июня 1847 г.

Сэр Джон не верил своим глазам. Он видел восемь фигур, все верно, но наблюдал при этом некий... беспорядок.

Четверо из пятерых тянувших сани изможденных, бородатых мужчин в очках не вызвали недоумения – матросы Морфин, Терьер и Бест, с рослым рядовым Пилкингтоном впереди, – но пятым в упряжи шел второй помощник Дево, чье выражение лица наводило на мысль, что он побывал в аду. Матрос Хартнелл шел рядом с санями. Голова исхудалого матроса была перевязана, и он еле волочил ноги, словно французский солдат во время отступления Наполеона от Москвы. Врач Гудсир тоже шел рядом с санями, на ходу наклоняясь к кому-то – или чему-то, – лежащему в санях. Франклин высматривал красный шерстяной шарф лейтенанта Гора – длиной почти шесть футов, такой невозможно не заметить, – но странное дело: казалось, почти все темные, с трудом плетущиеся фигуры были в красных шарфах, только покороче.

И наконец, за санями шагала низенькая, закутанная в парку фигура, лицо которой скрывалось под капюшоном, но которая могла быть только эскимосом.

Но именно при виде самих саней капитан сэр Джон Франклин невольно воскликнул: «О господи!»

Сани были слишком узкие, чтобы на них поместились два человека, лежащие бок о бок, и подозрительная труба не обманула сэра Джона: одно тело покоилось на другом. Наверху находился еще один эскимос – спящий или погруженный в беспамятство старик с коричневым морщинистым лицом и белыми волосами, разметавшимися по меховому капюшону, стянутому назад и подоткнутому под голову подобием подушки. Именно над ним склонялся Гудсир, пока сани приближались к «Эребусу». Под лежащим навзничь эскимосом виднелись тело и почерневшее, искаженное и явно мертвое лицо лейтенанта Грэма Гора.

Франклин, командор Фицджереймс, лейтенант Левеконт, первый помощник Роберт Серджент, ледовый лоцман Рейд, старший судовой врач Стенли, несколько младших офицеров, боцманмат Браун, грот-марсовый старшина Джон Салливан и вестовой сэра Джона мистер Хор – все разом бросились навстречу саням, как и сорок с лишним матросов, которые поднялись на палубу, услышав крик дозорного.

В дюжине шагов от санного отряда Франклин и все остальные стали как вкопанные. То, что через подозрительную трубу показалось Франклину серовато-красными шерстяными шарфами, на деле оказалось огромными красными пятнами на темных шинелях. Мужчины были измазаны кровью.

Потом раздался взрыв голосов. Матросы в упряжи обнимались с товарищами, подбежавшими к ним. Томас Хартнелл рухнул на лед, и вокруг него столпились мужчины, пытавшиеся поднять его на ноги. Все говорили и кричали одновременно.

Сэр Джон видел только труп лейтенанта Грэма Гора. Тело было накрыто спальным мешком, но он немного сполз вниз, являя взору сэра Джона красивое лицо, местами абсолютно белое, обескровленное, а местами – нос, щеки, виски, подбородок – дочерна обожженное арктическим солнцем, с искаженными чертами, с блестящими от инея белками закатившихся глаз под приоткрытыми веками, с отвисшей челюстью и вывалившимся изо рта языком, с губами, растянутыми точно в злобном оскале или в гримасе совершенного ужаса.

– Снимите этого... дикаря... с лейтенанта Гора! – приказал сэр Джон. – Немедленно!

Несколько человек бросились выполнять приказ: схватили эскимоса за плечи и за ноги, рывком подняли. Старик застонал, и доктор Гудсир воскликнул:

– Осторожнее! Полегче с ним! У него мушкетная пуля рядом с сердцем. Отнесите его в лазарет, пожалуйста.

Второй эскимос подошел к раненому старику – теперь, когда капюшон парки был откинут назад, сэр Джон ошеломленно обнаружил, что это молодая женщина.

– Пойдите! – вскричал сэр Джон, махнув рукой своему корабельному фельдшеру. – Лазарет? Неужто вы всерьез полагаете, что мы позволим поместить этого... аборигена... в наш лазарет?!

– Этот человек – мой пациент, – заявил Гудсир с непочтительным упрямством, какого сэр Джон Франклин никогда бы не предположил в малорослом, щуплом враче. – Мне необходимо перенести раненого в место, где я смогу его прооперировать – извлечь пулю из тела, коли такое возможно. Остановить кровотечение, на худой конец. Отнесите его в лазарет, пожалуйста.

Матросы, державшие эскимоса, вопросительно посмотрели на начальника экспедиции. Сэр Джон впал в такое замешательство, что лишился дара речи.

– Пошевеливайтесь же, – приказал Гудсир уверенным тоном.

Очевидно приняв молчание сэра Джона за знак согласия, мужчины потащили седовласого эскимоса вверх по снежному откосу на корабль. Гудсир, эскимосская девушка и несколько матросов последовали за ними; двое поддерживали под руки молодого Хартнелла.

Франклин, едва скрывавший свое потрясение и ужас, остался стоять на месте, по-прежнему глядя на труп лейтенанта Гора. Рядовой Пилкингтон и матрос Морфин развязывали тросы, крепившие тело к саням.

– Бога ради, – промолвил Франклин, – прикройте ему лицо.

– Слушаюсь, сэр, – откликнулся Морфин.

Матрос натянул на лицо лейтенанту плотное шерстяное одеяло, сползшее вниз за время трудного полуторасуточного перехода по замерзшему морю, искрещенному торосными грядками.

Сэр Джон по-прежнему видел провал рта под провисшим красным одеялом.

– Мистер Дево! – рявкнул он.

– Да, сэр.

Второй помощник Дево, который наблюдал за матросами, отвязывавшими тело лейтенанта от саней, подошел шаркающей походкой и козырнул. Франклин видел, что заросший щетиной мужчина с обветренным и докрасна обожженным солнцем лицом настолько изможден, что едва сумел поднять руку, чтобы отдать честь.

– Пусть лейтенанта Гора отнесут в его каюту, где вы с мистером Серджендом, под руководством присутствующего здесь лейтенанта Фейрхольма, проследите за тем, чтобы тело подготовили к погребению.

– Есть, сэр, – хором сказали Дево и Фейрхольм.

Терьер и Пилкингтон, несмотря на смертельную усталость, решительно отказались от посторонней помощи и сами подняли с саней тело своего лейтенанта. Одна рука у Гора была согнута в локте, и скрюченные окоченелые пальцы (рукавица и перчатка отсутствовали, и голая кисть почернела, то ли сожженная солнцем, то ли вследствие разложения тканей) словно пытались вцепиться в воздух.

– Пойдите, – сказал Франклин.

Он сообразил, что, если поручит мистеру Дево такое задание, пройдет не один час, прежде чем он сможет получить официальный доклад от человека, бывшего заместителем командира в данном отряде. Даже чертов фельдшер теперь скрылся, забрав с собой двух эскимосов.

– Мистер Дево, – сказал Франклин, – после того как вы проследите за начальными приготовлениями лейтенанта Гора к погребению, зайдите ко мне в каюту.

– Есть, сэр, – устало откликнулся помощник капитана.

– Кстати, кто присутствовал при смерти лейтенанта Гора?

– Мы все, сэр, – сказал Дево. – Но матрос Бест находился с ним последние двое суток нашего пребывания на Кинг-Уильяме и около. Чарли видел все, что случилось с лейтенантом Гором.

– Хорошо, – сказал сэр Джон. – Продолжайте выполнять свои обязанности, мистер Дево. Вскоре я выслушаю ваш доклад. А вы, Бест, сейчас проследуйте за мной и командором Фицджереймсом.

– Есть, сэр, – сказал матрос, перерезая ножом последний ремень своей упряжи, поскольку он был слишком утомлен, чтобы возиться с узлами. У него даже не хватило сил козырнуть.

Три престонских иллюминатора матово белели над головой от света никогда не заходящего солнца, когда матрос Чарльз Бест делал доклад сидящим за столом сэру Джону, командору Фицджереймсу и капитану Крозье, – капитан «Террора» весьма кстати прибыл с визитом всего через несколько минут после того, как разведывательный отряд поднялся на борт. Эдмунд Хор – вестовой сэра Джона, временами выполнявший обязанности секретаря, – сидел с офицерами, делая записи. Бест стоял, разумеется, но несколькими минутами ранее Крозье предложил дать изможденному мужчине немного бренди в медицинских целях, и, хотя на лице сэра Джона явственно отразилось недовольство, он соизволил попросить капитана Фицджереймса достать бутылку из своих личных запасов. Похоже, глоток спиртного несколько взбодрил Беста.

Трое офицеров время от времени прерывали вопросами докладывавшего Беста, который стоял перед ними, пошатываясь от усталости. Когда описание трудного похода к острову Кинг-Уильям стало несколько затягиваться, сэр Джон попросил мужчину перейти к описанию событий последних двух дней.

– Слушаюсь, сэр. В общем, после того, как мы стали лагерем в первую нашу ночь на берегу, когда прошла страшная гроза с градом, а потом нашли эти... следы, отпечатки лап... на снегу, мы попытались поспать пару часов, но безуспешно, а затем мы с лейтенантом направились на юг с малым запасом провианта, а мистер Дево взял сани и то, что осталось от палатки и бедного Хартнелла, который тогда по-прежнему не подавал признаков жизни, и мы попрощались до завтра, и, значит, мы с лейтенантом двинулись на юг, а мистер Дево с остальными людьми двинулся обратно на морской лед.

– Вы были вооружены, – сказал сэр Джон.

– Так точно, сэр Джон, – подтвердил Бест. – У лейтенанта Гора был пистолет, а у меня один из двух наших дробовиков. Второй дробовик остался в отряде мистера Дево, а у рядового Пилкингтона был мушкет.

– Объясните, почему лейтенант Гор разделил отряд, – потребовал сэр Джон.

Казалось, Бест на мгновение смешался, но потом просветлел:

– О, он сказал нам, что выполняет ваш приказ, сэр. Поскольку молния уничтожила запасы провизии и град повредил палатку, большей части отряда необходимо было вернуться к нашему складу на морском льду. Мы с лейтенантом Гором продолжили путь, чтобы спрятать второй цилиндр с донесением где-нибудь южнее на берегу и посмотреть, нет ли где дальше разводий. Там ничего не было. В смысле, разводий. Ни следа. Ни хре... ни единого потемнения в небе над горизонтом, свидетельствующего об открытой воде.

– Как далеко вы продвинулись на юг, Бест? – спросил Фицджереймс.

– Лейтенант Гор полагал, что мы прошли около четырех миль по этому снегу и обледенелым камням, когда достигли длинного узкого залива, сэр... похожего на бухту у Бичи, где

мы зимовали год назад. Но вы знаете, сэр, что значит пройти четыре мили в тумане, да против ветра, да по льду. Вероятно, мы протопали миль десять, самое малое, чтобы покрыть четыре. Залив намертво скован льдом. Плотным, как пак здесь, вокруг кораблей. Там нет даже узкой полоски воды между берегом и льдом, какие бывают в любом заливе летом. В общем, мы пересекли его, сэр, а затем прошли еще с четверть мили по мысу, близ оконечности которого мы с лейтенантом Гором сложили из камней еще одну пирамиду – не такую высокую и красивую, как пирамида капитана Росса, я уверен, но прочную и достаточно высокую, чтобы сразу броситься в глаза любому. Местность там такая плоская, что выше человека там ничего нет. Поэтому мы сложили из камней пирамиду высотой примерно в уровень наших глаз и схоронили в ней второе послание, точно такое же, как первое, сказал лейтенант, в медном цилиндре.

– Затем вы повернули назад? – спросил капитан Крозье.

– Нет, сэр, – сказал Бест. – Не стану скрывать, я устал смертельно. Лейтенант Гор тоже. Нам весь день приходилось тяжело, даже заструги там такие твердые, что мы с трудом через них пробивались, но, поскольку было туманно, мы лишь изредка мельком видели берег перед собой, когда туман рассеивался, и потому, хотя мы закончили сооружать пирамиду и положили в нее послание лишь во второй половине дня, лейтенант Гор продолжил путь, и мы прошли еще шесть или семь миль по берегу на юг. Иногда видимость улучшалась, но большую часть времени мы почти ничего не видели. Но мы слышали.

– Что вы слышали, дружище? – спросил Франклин.

– Нас преследовало какое-то существо, сэр Джон. Крупное. Оно шумно дышало. И иногда точно погавкивало... на манер белых медведей, когда они издают такие кашляющие звуки, знаете, сэр?

– Вы опознали в нем белого медведя? – спросил Фицджереймс. – Вы же сказали, что местность там плоская. Если за вами шел медведь, вы наверняка могли его видеть, когда туман рассеивался.

– Да, сэр. – Бест так сильно нахмурился, что показалось, он сейчас заплачет. – То есть нет, сэр. Мы не опознали в нем ни медведя, ни какого другого зверя, сэр. В нормальных условиях мы смогли бы. Мы должны были бы, но мы не опознали и не имели такой возможности. Иногда кашель раздавался прямо у нас за спиной – футов в пятнадцати в тумане, – и я вскидывал дробовик, а лейтенант Гор взводил курок пистолета, и мы стояли и ждали, затаив дыхание, но, когда туман рассеивался, мы видели на добрую сотню футов назад, и там никого не было.

– По-видимому, какой-то акустический феномен, – предположил сэр Джон.

– Так точно, сэр, – согласился Бест, судя по тону не понявший замечания сэра Джона.

– Возможно, звуки издавал припайный лед, – пояснил сэр Джон. – Или ветер.

– О, так точно, так точно, сэр Джон, – сказал Бест. – Только ветра тогда не было. Но вот лед... может статься, звуки действительно издавал он, милорд. Такое всегда может быть. – Своим тоном он дал понять, что такого быть не могло.

Сопя, словно от раздражения, сэр Джон сказал:

– В самом начале вы сказали, что лейтенант Гор погиб... был убит... когда вы присоединились к шестерым людям на льду. Пожалуйста, перейдите этой части вашего повествования.

– Слушаюсь, сэр. В общем, было, наверное, около полуночи, когда мы достигли самой южной точки нашего маршрута. Солнце скрылось, но небо светилось золотистым светом... ну, вы знаете, как здесь обычно бывает около полуночи, сэр Джон. Туман ненадолго рассеялся настолько, что, когда мы взобрались на небольшой каменистый холмик – то есть не холмик, а намывную косу, возвышавшуюся футов, наверное, на пятнадцать над плоским берегом, усыпанным мерзлой галькой, – мы увидели, что дальше к югу береговая линия изгибается и уходит к подернутому туманом горизонту, где смутно виднеются скопления айсбергов, прибитых к берегу. Никаких разводий. Сплошной лед, насколько хватает глаз. В общем, мы повернули и двинулись назад. У нас не было с собой ни палатки, ни спальных мешков – только замерз-

шая свинина, чтоб пожевать. Я сломал о нее здоровый зуб. Мы оба страшно хотели пить, сэр Джон. У нас не было спиртовки, чтоб растопить снег или лед, и мы взяли в дорогу лишь самую малость воды во фляге, которую лейтенант Гор держал за пазухой, поближе к телу... В общем, мы шли всю ночь – час или два сумерек, которые здесь считаются ночью, а потом еще не один час, – и я с полдюжины раз засыпал прямо на ходу и ходил бы кругами, пока не упал, но лейтенант Гор то и дело хватал меня за руку, встряхивал и вел в верном направлении. Мы прошли мимо новой каменной пирамиды, пересекли залив и примерно к шести склянкам, когда солнце опять стояло высоко в небе, достигли места неподалеку от первой пирамиды, где стояли лагерь прошлой ночью. В смысле, пирамиды сэра Джеймса Росса – и на самом деле не прошлой ночью, а позапрошлой, во время первой грозы, – и мы потащились дальше, по санному следу, к прибрежным айсбергам, а потом на морской лед.

– Вы сказали «во время первой грозы», – перебил Беста Крозье. – Что, были еще? У нас здесь прошло несколько, но самые страшные, похоже, бушевали на юге.

– О да, сэр, – сказал Бест. – Каждые несколько часов, несмотря на густой туман, снова начинал греметь гром, а потом волосы у нас вставали дыбом, и все металлическое – пряжки ремней, дробовик, пистолет лейтенанта Гора – начинало светиться голубым светом, и тогда мы находили место, где распластаться на гальке, и лежали там, пытаясь слиться с землей, пока мир вокруг нас сверкал и грохотал, точно пушечная канонада при Трафальгаре, сэр.

– Вы участвовали в Трафальгарском сражении, матрос Бест? – холодно осведомился сэр Джон.

Бест растерянно моргнул:

– Нет, сэр. Конечно нет, сэр. Мне только двадцать пять лет, милорд.

– А я участвовал, матрос Бест, – сухо сказал сэр Джон. – В качестве офицера войск связи на британском военном корабле «Беллерофон», где тридцать три из сорока офицеров были убиты во время одного только этого боя. Пожалуйста, в дальнейшем воздержитесь от употребления метафор или аналогий, неизвестных вам по личному опыту.

– Слушаюсь, сэр, – пролепетал Бест, теперь пошатываясь не только от усталости и горя, но еще и от ужаса, что допустил такую бестактность. – Я прошу прощения, сэр Джон. Я не хотел... я имею в виду... мне не следовало... то есть...

– Продолжайте ваш рассказ, матрос, – сказал сэр Джон. – Но поведайте нам о последних часах жизни лейтенанта Гора.

– Слушаюсь, сэр. Ну... я бы не смог перебраться через гряду айсбергов, если бы лейтенант Гор не помогал мне – благослови его, Господь, – но в конце концов мы перебрались и вышли на лед, откуда оставалась миля или две до лагеря, где мистер Дево и остальные ждали нас, но потом мы заблудились.

– Как вы могли заблудиться, – спросил командор Фицджереймс, – если вы шли по санному следу?

– Я не знаю, сэр, – сказал Бест бесцветным от горя и усталости голосом. – Был туман. Очень густой туман. Большую часть времени видимость не превышала десяти футов в любом направлении. От солнца все вокруг словно светилось и казалось плоским. Мне кажется, мы перебирались через одну и ту же торосную гряду три или четыре раза и после каждого раза все больше теряли ориентацию. А дальше на море были широкие участки голого льда, где снег смело ветром и сани не оставили следа. Но на самом деле, сэр, я думаю, мы с лейтенантом Гором спали на ходу и просто потеряли след, сами того не заметив.

– Хорошо, – сказал сэр Джон. – Продолжайте.

– Ну, потом мы услышали выстрелы... – начал Бест.

– Выстрелы? – переспросил командор Фицджереймс.

– Так точно, сэр. И мушкета, и дробовика. В таком тумане, да когда звук отражался от айсбергов и ледяных гряд вокруг, казалось, будто выстрелы доносятся сразу со всех сторон

одновременно, но они раздались близко. Мы принялись кричать в туман и довольно скоро услышали ответные крики мистера Дево, а через полчаса – когда туман немного рассеялся – мы наткнулись на стоянку. Ребята залатали палатку за тридцать шесть часов нашего отсутствия – более или менее залатали, – и она стояла подле саней.

– Они стреляли, чтобы подать вам сигнал? – спросил Крозье.

– Нет, сэр, – ответил Бест. – Они стреляли в медведей. И в старого эскимоса.

– Объясните, – велел сэр Джон.

Чарльз Бест облизал обветренные растрескавшиеся губы.

– Мистер Дево сможет объяснить лучше меня, сэр, но суть дела такова: когда днем раньше они вернулись обратно к складу на море, они обнаружили, что все банки с продуктами измяты, продырявлены, разбросаны и испорчены – медведями, по всей видимости, – поэтому мистер Дево и доктор Гудсир решили завалить нескольких белых медведей, которые продолжали бродить вокруг лагеря. Они подстрелили самку и двух медвежат перед самым нашим появлением и принялись свежевать туши. Но затем они услышали звуки движения поблизости – то самое покашливание и шумное дыхание в тумане, которое я описывал, сэр, – а в следующую минуту два эскимоса – старик и женщина – вышли из-за торосной гряды в тумане, в своих белых мехах, и рядовой Пилкингтон пальнул из мушкета, а Бобби Терьер пальнул из дробовика. Терьер промахнулся, но Пилкингтон всадил пулю в грудь мужчине. Когда мы с лейтенантом добрались до них, они уже притащили раненого эскимоса и куски медвежатины обратно в лагерь, оставив на льду кровавые полосы, сэр, по которым мы и шли последние ярдов сто, и доктор Гудсир пытался спасти жизнь старому эскимосу.

– Зачем? – осведомился сэр Джон.

На этот вопрос Бест не знал ответа. Все остальные хранили молчание.

– Хорошо, – наконец сказал сэр Джон. – Через сколько времени после вашего воссоединения со вторым помощником Дево и прочими в лагере произошло нападение на лейтенанта Гора?

– Не более чем через тридцать минут, сэр Джон. Может, раньше.

– И что спровоцировало нападение?

– Спровоцировало? – повторил Бест. Взгляд у него казался рассеянным. – Вы имеете в виду что-нибудь вроде стрельбы по белым медведям?

– Я имею в виду, при каких именно обстоятельствах произошло нападение, матрос Бест? – сказал сэр Джон.

Бест потер лоб, открыл рот, но прошло несколько долгих мгновений, прежде чем он заговорил:

– Да ничего не спровоцировало. Я разговаривал с Томми Хартнеллом – он лежал в палатке, с перевязанной головой, но снова в сознании, и ничего не помнил с момента начала первой грозы; мистер Дево присматривал за Морфином и Терьером, которые разжигали две спиртовки, чтобы приготовить медвежатину; доктор Гудсир снял с эскимоса парку и обследовал ужасную рану в груди старика; женщина стояла рядом, наблюдая за происходящим, но в тот момент я ее не видел, поскольку туман снова сгустился; а рядовой Пилкингтон стоял на часах с мушкетом, когда лейтенант Гор вдруг закричал: «Тише все! Тише!» – и мы все разом умолкли и застыли на месте. В тишине слышалось лишь шипение спиртовок да бульканье воды в больших котелках – мы собирались состряпать подобие рагу с медвежатиной, полагаю, – а потом лейтенант Гор достал пистолет, зарядил, взвел курок и отошел на несколько шагов от палатки, и...

Бест осекся. Взгляд у него приобрел отсутствующее выражение, рот был по-прежнему открыт, и на подбородке блестела слюна. Он явно видел перед собой не каюту сэра Джона, а некую картину, вставшую у него перед мысленным взором.

– Дальше, – велел сэр Джон.

Бест судорожно пошевелил губами, но не издал ни звука.

– Продолжайте, матрос, – сказал капитан Крозье более мягким голосом.

Бест повернул голову в сторону Крозье, но глаза у него по-прежнему смотрели куда-то вдаль.

– Потом... – начал Бест. – Потом... лед вдруг поднялся, капитан. Он просто поднялся и окружил лейтенанта Гора.

– О чем вы говорите? – раздраженно спросил сэр Джон после следующей минутной паузы. – Лед не может просто взять и подняться. Что вы видели?

Бест не повернул головы в сторону сэра Джона:

– Лед просто поднялся. Наподобие торосных гряд, которые вдруг вырастают в считанные секунды. Только это была не гряда... не лед... что-то просто поднялось и приняло... форму. Белая призрачная фигура. Помню, я увидел... когти. Лап не видел – во всяком случае, поначалу, – но вот когти видел. Огромные. И зубы. Я помню зубы.

– Медведь, – сказал сэр Джон. – Арктический белый медведь.

Бест лишь помотал головой:

– Громадного роста. Казалось, существо поднялось под лейтенантом Гором... вокруг лейтенанта Гора. Оно было... страшно высокое. В два с лишним раза выше лейтенанта Гора, а вы знаете, он был рослым мужчиной. Оно было по меньшей мере двенадцать футов ростом... думаю, даже выше... и огромное. Невероятно огромное. А потом лейтенант Гор вроде как исчез, когда существо... окружило его... и мы видели только голову и плечи лейтенанта да башмаки, а потом пистолет выстрелил – он не целился, думаю, пуля ушла в лед, – а в следующий миг мы все заорали дурными голосами, и Морфин бросился к дробовику, а рядовой Пилкингтон сорвался с места и побежал, на ходу целясь из мушкета, но он боялся стрелять, поскольку теперь чудовище и лейтенант слились в единое целое, а потом... мы услышали хруст и треск.

– Медведь рвал зубами лейтенанта? – спросил командор Фицджеральд.

Бест моргнул и посмотрел на румяного молодого человека:

– Рвал зубами? Нет, сэр. Существо не пускало в ход зубы. Я даже не видел его головы... как таковой. Просто два черных пятна, парящие на высоте двенадцати-тринадцати футов в воздухе... черные, но с красным отблеском, как глаза бегущего на вас волка, в которых отражается солнце. Хрустели и трескали кости грудной клетки, рук и ног лейтенанта Гора.

– Лейтенант Гор кричал? – спросил сэр Джон.

– Нет, сэр. Он не издал ни звука.

– Морфин и Пилкингтон выстрелили? – спросил Крозье.

– Нет, сэр.

– Почему?

Бест, странное дело, улыбнулся:

– Да стрелять было не во что, капитан. Секунду назад существо появилось – выросло над лейтенантом Гором и раздавило несчастного, как вы или я могли бы раздавить крысу в кулаке, – а в следующий миг оно исчезло.

– Что значит «исчезло»? – осведомился сэр Джон. – Неужели Морфин и рядовой морской пехоты не могли выстрелить в него, пока оно не отступило в туман?

– Отступило? – повторил Бест, еще шире улыбаясь своей неуместной, жуткой улыбкой. – Существо никуда не отступало. Оно просто ушло обратно в лед – как пропадает тень, когда солнце скрывается за облаками, – а когда мы добежали до лейтенанта Гора, он был уже мертв. Рот широко раскрыт. Даже крикнуть не успел. Тут туман рассеялся. Во льду не было никаких провалов. Никаких трещин. Ни даже маленьких отдушин, какие проделывают гренландские тюлени. Один только лейтенант Гор лежал там с переломанными костями – грудная клетка вдавлена, обе руки сломаны, из ушей, глаз и рта сочится кровь. Доктор Гудсир растолкал нас

в стороны, но он ничего не мог сделать – Гор был мертв и уже начинал остывать, становясь холодным, как лед под ним.

Растрескавшиеся кровоточащие губы мужчины затряслись, но все еще оставались растянутыми в безумном, раздражающем оскале, а глаза приобрели еще более бессмысленное выражение.

– А что... – начал сэр Джон, но осекся, когда Чарльз Бест рухнул без чувств на палубный настил.

14

Гудсир

70°05′ северной широты, 98°23′ западной долготы

Июнь 1847 г.

Из личного дневника доктора Гарри Д. С. Гудсира

4 июня 1847 г.

Когда мы со Стенли раздели раненого эскимоса донага, я вспомнил, что на груди он носит амулет из плоского гладкого камня размером меньше моего кулака, в форме белого медведя, – похоже, камень не подвергался обработке, но в природном своем состоянии имел очертания, в точности повторяющие линии длинной шеи, маленькой головы и сильных ног зверя, словно устремленного вперед. Я видел амулет, когда обследовал рану старика на льду, но тогда не обратил на него внимания.

Пуля, выпущенная из мушкета рядового Пилкингтона, вошла аборигену в грудь дюймом ниже амулета, пробила мышечную ткань между третьим и четвертым ребром, слегка изменила траекторию движения, зацепившись за верхнее из двух ребер, пробила левое легкое и застряла в позвоночнике, повредив многочисленные нервные волокна там.

Я никак не мог спасти раненого – еще в ходе первого обследования я понял, что любая попытка извлечь мушкетную пулю вызовет мгновенную смерть, а остановить внутреннее кровотечение из легкого невозможно, – но я сделал все от меня зависящее, приказав отнести эскимоса в ту часть лазарета, где мы с врачом Стенли устроили операционную. Вчера, после моего возвращения на корабль, мы со Стенли с полчаса ковырялись в ране самыми жестокими нашими инструментами и энергично резали, пока не установили местоположение пули в позвоночнике и не подтвердили наш прогноз о неминуемой смерти.

Но необычайно высокий, крепко сложенный седоволосый дикарь еще не согласился с нашим прогнозом. Он продолжал жить. Он продолжал с трудом дышать разорванным, кровоточащим легким, то и дело харкая кровью. Он продолжал пристально смотреть на нас своими неестественно светлыми – для эскимоса – глазами, следя за каждым нашим движением.

Прибыл доктор Макдональд с «Террора» и по предложению Стенли отвел для обследования второго эскимоса – девушку – в заднюю часть лазарета, отгороженную от нас одеялом, служащим занавеской. Полагаю, врач Стенли хотел не столько подвергнуть девушку осмотру, сколько убрать ее из лазарета на время, пока мы копаемся в ране ее отца или мужа... хотя как самого пациента, так и девушку, похоже, несколько не пугали ни кровь, ни рана, при виде которой любая лондонская леди, да и немало начинающих врачей упали бы в обморок.

И к слову об обмороках. Мы со Стенли только-только закончили обследовать умирающего эскимоса, когда в лазарет вошел капитан сэр Джон Франклин с двумя матросами, волочившими под руки Чарльза Беста, который, сообщили они, лишился чувств в каюте сэра Джона. Мы велели матросам положить Беста на ближайшую койку, и мне хватило минутного поверхностного осмотра, чтобы перечислить причины наступившего обморока: крайнее изнеможение, в котором находились все участники разведывательного отряда лейтенанта Гора после восьми с лишним дней непрерывного напряжения сил; голод (последние двое суток на льду мы практически ничего не ели помимо сырой медвежатины); обезвоживание организма (мы не могли себе позволить тратить время, чтобы останавливаться и растапливать снег на спиртовках, и потому приняли неудачное решение жевать снег и лед, что ведет скорее к понижению, нежели к повышению содержания воды в организме); и причина, в высшей степени оче-

видная для меня, но, как ни странно, не принятая во внимание офицерами, допрашивавшими Беста, – бедняга стоял и докладывал капитанам, по-прежнему находясь в семи или восьми шерстяных фуфайках и свитерах, и лишь спустя какое-то время получил разрешение снять окровавленную шинель. После восьми дней на льду при средней температуре воздуха около нуля тепло на жилой палубе показалось мне чрезмерным, и я стащил с себя все свитера, кроме двух, едва только добрался до лазарета. Для Беста оно оказалось невыносимым.

Выслушав мои заверения в том, что Бест оправится – доза нюхательной соли уже почти привела беднягу в чувство, – сэр Джон с видимым отвращением взглянул на нашего пациента-эскимоса, теперь лежавшего ничком, поскольку мы со Стенли обследовали спину раненого в поисках пули, и осведомился:

– Он будет жить?

– Недолго, сэр Джон, – ответил Стивен Сэмюэл Стенли.

Я опешил от таких слов, произнесенных в присутствии пациента, – при умирающих мы, доктора, обычно сообщаем друг другу наши прогнозы на латыни и бесстрастным голосом, – но сразу же сообразил, что эскимос едва ли понимает по-английски.

– Переверните его на спину, – приказал сэр Джон.

Мы осторожно сделали это, и, хотя наш седоволосый пациент, остававшийся в сознании все время, пока мы обследовали рану, наверняка по-прежнему испытывал мучительную, нестерпимую боль, он не издал ни звука. Его взгляд был прикован к лицу начальника экспедиции.

Сэр Джон склонился над ним и, с расстановкой произнося слова – словно он обращался к глухому ребенку или идиоту, – прокричал:

– Кто... ты... такой?

Эскимос пристально смотрел на сэра Джона.

– Как... твое... имя? – проорал сэр Джон. – Из какого... ты... племени?

Умирающий не ответил.

Сэр Джон потряс головой и поморщился от отвращения – хотя было ли оно вызвано зияющей раной на груди эскимоса или упрямым молчанием аборигена, я не знаю.

– Где другой абориген? – спросил сэр Джон у Стенли.

Старший врач, обеими руками зажимавший рану и накладывавший на нее окровавленные повязки в надежде хотя бы замедлить, если не остановить, пульсирующее истечение крови из легкого простым давлением на грудную клетку, кивнул в сторону занавески, отгораживавшей закуток в задней части лазарета:

– С ней доктор Макдональд, сэр Джон.

Сэр Джон бесцеремонно зашел за занавеску, я услышал оторопелый возглас, несколько бессвязных слов, а потом наш начальник экспедиции, пятась, вышел обратно с таким ярко-красным лицом, что я испугался, как бы нашего шестидесятидвухлетнего командира не хватил удар.

Потом красное лица сэра Джона побелело от потрясения.

Я запоздало сообразил, что молодая женщина, вероятно, обнажена. Несколько минут ранее я заглянул за чуть отодвинутую занавеску и заметил, что, когда Макдональд знаком велел ей снять верхнюю одежду – парку из медвежьей шкуры, – девушка кивнула, скинула тяжелую шубу и под ней оказалась голая по пояс. Я занимался раненым на операционном столе, но машинально отметил про себя, что такой способ сохранять телесное тепло под широким меховым одеянием весьма разумен и гораздо эффективнее, чем многочисленные шерстяные поддевки, которые носили все участники разведывательного отряда бедного лейтенанта Гора. Нагое тело под звериной шкурой само согревается, когда холодно, и само охлаждается до нормы в случае необходимости – например, при напряжении сил, – поскольку пот быстро испаряется с кожи, поглощаясь волосками волчьей шкуры или медвежьего меха. Шерстяные

свитера, которые носили мы, англичане, почти мгновенно промокали от пота насквозь, никогда толком не высыхали, быстро остывали, когда мы прекращали шагать или тянуть сани, и в значительной мере утрачивали свои теплоизоляционные качества – ко времени нашего возвращения на корабль мы, несомненно, тащили на своих плечах вес, почти вдвое превосходящий исходный.

– Я вернусь в более удобное время, – заикаясь пробормотал сэр Джон и прошел мимо нас, по-прежнему пятась.

Увидел ли он в закутке за занавеской первозданную наготу молодой женщины или что другое, но выглядел капитан сэр Джон Франклин ошеломленным. Он покинул операционную, не промолвив более ни слова.

В следующий миг Макдональд попросил меня подойти. Девушка – то есть молодая женщина (я уже заметил, что особи женского пола в дикарских племенах достигают половой зрелости гораздо раньше, чем юные леди в цивилизованных обществах) – успела надеть свою широкую парку и штаны из тюленьей шкуры. Сам доктор Макдональд казался возбужденным, почти расстроенным, и, когда я осведомился, в чем дело, он знаком велел эскимоске открыть рот. Потом он поднял фонарь и выпуклое зеркальце, чтобы сфокусировать лучи света, и я увидел все своими глазами.

Язык у нее был ампутирован у корня. Оставшийся обрубок, как я увидел (и Макдональд согласился со мной), более или менее позволял девушке глотать и жевать почти всякую пищу, но, безусловно, внятное произнесение сложных звуков, если можно назвать эскимосский язык сложным в том или ином отношении, здесь абсолютно исключалось. Шрамы были старыми. Это случилось давно.

Признаюсь, я отшатнулся в ужасе. Кто мог сотворить такое с малым ребенком – и зачем? Однако, когда я употребил слово «ампутация», доктор Макдональд тихо поправил меня.

– Взгляните еще раз, доктор Гудсир, – прошептал он. – Это не аккуратная хирургическая ампутация, даже произведенная столь примитивным инструментом, как каменный нож. Язык у бедной девочки был откушен в раннем детстве – причем так близко к корню, что она никак не могла сделать это сама.

Я отступил на шаг от женщины.

– У нее есть еще какие-нибудь увечья? – спросил я, по старой привычке переходя на латынь.

Я читал о варварских обычаях, принятых на Черном континенте и у магометан, где женщины подвергаются жестокому обрезанию, пародирующему иудейский обряд.

– Нет, больше никаких, – ответил Макдональд.

По крайней мере теперь я понял причину внезапной бледности и явно шокового состояния сэра Джона, но, когда я спросил Макдональда, поделился ли он с нашим командиром данной информацией, врач ответил отрицательно. Сэр Джон просто вошел в закуток, увидел эскимосскую девушку без одежды и моментально удалился в некотором возбуждении. Затем Макдональд принялся сообщать мне о результатах своего беглого осмотра нашей пленницы, или гостьи, но нас прервал врач Стенли.

В первый момент я решил, что эскимос умер, но оказалось, дело в другом. Явился матрос, вызывающий меня явиться к сэру Джону и другим капитанам для доклада.

Я понял, что сэр Джон, командор Фицджереймс и капитан Крозье остались разочарованными моим докладом об известных мне обстоятельствах смерти лейтенанта Гора, но, хотя в любое другое время это расстроило бы меня, сегодня – вероятно, в силу моей смертельной усталости и психологических перемен, произошедших со мной за время похода отряда лейтенанта Гора, – разочарование моих начальников никак на меня не действовало.

Сначала я снова доложил о состоянии умирающего эскимоса и сообщил о загадочном факте отсутствия языка у девушки. Трое капитанов обменялись между собой приглушенными репликами по данному поводу, но вопросы последовали от одного только капитана Крозье:

– Вы знаете, зачем такое могли сделать с ней, доктор Гудсир?

– Не имею понятия, сэр.

– Возможно ли, что это сделал какой-то зверь? – упорствовал он.

Я немного помолчал. Такая мысль не приходила мне в голову.

– Возможно, – наконец ответил я, хотя с трудом мог представить некое арктическое плотоядное животное, которое откусывает ребенку язык, однако оставляет его в живых. С другой стороны, хорошо известно, что эскимосы имеют обыкновение жить совместно с дикими псами. Я сам видел это в заливе Диско.

Больше никаких вопросов касательно эскимосов не последовало.

Затем они попросили со всеми подробностями рассказать о смерти лейтенанта Гора и описать существо, его убившее, и я сказал правду: что я пытался спасти жизнь эскимосу, раненному рядовым Пилкингтоном, и поднял глаза лишь в последнюю секунду, непосредственно в момент смерти Грэма Гора. Я объяснил, что, поскольку в воздухе колыхалась туманная пелена с разрывами, поскольку меня повергли в смятение крики, грохот мушкета, выстрел из пистолета лейтенанта, быстрое беспорядочное движение людей и пятен света, а также поскольку мое поле зрения ограничивали сани, возле которых я стоял на коленях, я ничего не разглядел толком: видел только огромную белую фигуру, обхватывающую злополучного лейтенанта, пламя из пистолета, вспышки других выстрелов – а потом все вокруг снова застило туманом.

– Но вы уверены, что это был белый медведь? – спросил командор Фицджереймс.

После минутного колебания я сказал:

– Если это был медведь, то необычайно крупный представитель вида *ursus maritimus*. У меня осталось впечатление медведеподобного плотоядного – громадное туловище, гигантские передние лапы, маленькая голова и обсидиановые глаза, – но на самом деле я видел все не так отчетливо, как можно предположить по моему описанию. Главным образом я помню, что существо возникло словно из пустоты – просто поднялось из льда, обхватывая человека, – и что ростом оно вдвое превосходило лейтенанта Гора. От этого зрелища сердце уходило в пятки.

– Нисколько не сомневаюсь, – сухо, почти саркастично промолвил сэр Джон. – Но что еще это могло быть, мистер Гудсир, если не медведь?

Я не в первый раз заметил, что сэр Джон никогда не удостоивает меня моим законным званием доктора. В разговоре со мной он неизменно использовал обращение «мистер», какое мог бы употреблять по отношению к любому старшине или неопытному младшему офицеру. Мне понадобилось два года, чтобы понять: стареющий начальник экспедиции, которого я глубоко уважаю, не питает ни малой толики ответного уважения к простым корабельным фельдшерам.

– Я не знаю, сэр Джон, – сказал я.

Я хотел вернуться обратно к своему пациенту.

– Насколько я понимаю, вы проявляли интерес к белым медведям, мистер Гудсир, – продолжал сэр Джон. – Почему?

– Я выучился на анатома, сэр Джон. И до отплытия экспедиции я мечтал стать натуралистом.

– Больше не мечтаете? – спросил капитан Крозье со своим легким ирландским акцентом.

Я пожал плечами:

– Я понял, что сбор фактического материала на местах – не мое призвание, капитан.

– Однако вы проводили вскрытие белых медведей, которых мы убивали здесь и у острова Бичи, – упорствовал сэр Джон. – Изучали строение скелета и мускулатуры животных. Наблюдали за их поведением на льду, как и все мы.

– Да, сэр Джон.

– Как по-вашему, травмы лейтенанта Гора соответствуют телесным повреждениям, какие мог бы причинить подобный зверь?

Я колебался лишь долю секунды. Я обследовал тело несчастного лейтенанта Гора, прежде чем мы погрузили его в сани перед кошмарным походом обратно через паковый лед.

– Да, сэр Джон, – сказал я. – Белый полярный медведь, обитающий в данном регионе, насколько нам известно, является самым крупным хищником из всех на планете. Он может весить в полтора раза больше и в стойке на задних лапах быть на три фута выше, чем гризли – самый крупный и свирепый медведь Северной Америки. Сей хищный зверь обладает великой силой и вполне способен раздробить грудную клетку и сломать позвоночник человека, как в случае с бедным лейтенантом Гором. Вдобавок ко всему прочему, арктический белый медведь является единственным хищником, имеющим обыкновение охотиться на человека.

Командор Фицджереймс прочистил горло.

– Послушайте, доктор Гудсир, – негромко промолвил он, – однажды в Индии я видел довольно свирепого тигра, который – согласно показаниям деревенских жителей – сожрал двенадцать человек.

Я кивнул, в ту же секунду осознав, сколь страшная усталость владеет мной. Изнеможение действовало на меня как изрядная доза крепкого спиртного.

– Сэр... командор... джентльмены... в своих путешествиях по миру все вы повидали гораздо больше, чем я. Однако, насколько я понял из массы проштудированных мной материалов по данной теме, все прочие сухопутные плотоядные животные – волки, львы, тигры, другие виды медведей – убивают человеческих существ только в самом крайнем случае, когда доведены до бешенства, а некоторые из них – такие как ваш тигр, командор Фицджереймс, – становятся людоедами вынужденно, в силу болезни или увечья, не позволяющего им охотиться на обычную свою добычу, но один только арктический белый медведь – *ursus maritimus* – имеет обыкновение целенаправленно выслеживать и убивать людей.

Крозье кивал:

– Откуда вы узнали все это, доктор Гудсир? Из ваших книг?

– В известной мере – да, сэр. Но почти все время нашей стоянки в заливе Диско я посвящал разговорам с местными жителями на предмет поведения белых медведей, а также подробно расспрашивал капитана Мартина с «Энтерпрайза» и капитана Дэннерта с «Принца Уэльского», когда мы стояли на якоре рядом с ними в Баффиновом заливе. Два вышеназванных джентльмена ответили на все мои вопросы, касательные белых медведей, и свели меня с несколькими своими матросами, включая двух пожилых китобоев-американцев, каждый из которых провел во льдах дюжину с лишним лет. Они рассказали множество занимательных историй про белых медведей, которые охотились на местных эскимосов и даже утаскивали людей с кораблей, затертых льдами. Один старик – кажется, его звали Коннорс – сказал, что их судовая команда в двадцать восьмом году не потеряла никого, кроме двух коков, ставших жертвами медведя, – причем одного из них зверь утащил прямо с жилой палубы, где тот хлопотал у плиты, пока все остальные спали.

Здесь капитан Крозье улыбнулся:

– Вероятно, нам не стоит принимать на веру каждую историю, поведенную старым моряком, доктор Гудсир.

– Да, сэр. Разумеется, не стоит, сэр.

– Ладно, на этом закончим, мистер Гудсир, – сказал сэр Джон. – Мы вызовем вас снова, коли у нас возникнут еще какие-либо вопросы.

– Да, сэр, – сказал я и устало повернулся, чтобы направиться обратно в лазарет.

– О доктор Гудсир, – окликнул меня командор Фицджереймс, едва я успел переступить порог каюты сэра Джона. – У меня есть один вопрос, хотя мне чертовски стыдно, что я не знаю

ответа на него. Почему белого медведя называют *ursus maritimus*? Надеюсь, не потому, что он так любит пожирать моряков?

– Нет, сэр, – сказал я. – Полагаю, такое имя даровано арктическому медведю, поскольку он является скорее морским млекопитающим, нежели сухопутным животным. Я читал сообщения об арктических белых медведях, замеченных в сотнях миль от побережья, в открытом море; а капитан Мартин с «Энтерпрайза» говорил мне, что белый медведь на суше или на льду нападает на жертву стремительно, развивая скорость до двадцати пяти миль в час и выше, что на море он является одним из сильнейших пловцов, способным проплыть шестьдесят-семьдесят миль без передышки. Капитан Дэннерт рассказывал, что однажды его корабль шел по ветру со скоростью восемь узлов, далеко от суши, и два белых медведя плыли рядом с кораблем около десяти морских миль, а потом просто перегнали его и поплыли к отдаленному ледяному полю со скоростью и легкостью белухи. Отсюда и название – *ursus maritimus*... млекопитающее, да, но обитающее в основном на море.

– Благодарю вас, мистер Гудсир, – сказал сэр Джон.

– Не стоит благодарности, сэр, – сказал я и удалился.

4 июня 1847 г. (продолжение)

Эскимос умер через несколько минут после полуночи. Однако перед смертью он заговорил.

Я тогда спал, прислонившись спиной к переборке лазарета, но Стенли разбудил меня.

Седоволосый старик, лежавший на операционном столе, подергивался всем телом, судорожно водил руками перед собой, словно пытаюсь всплыть в воздух. Кровотечение из пробитого легкого усилилось, и кровь текла изо рта по подбородку и на перевязанную грудь.

Когда я прибавил света в фонаре, эскимосская девушка вышла из угла, где она спала, и мы трое склонились над умирающим.

Старый эскимос согнул крючком палец и ткнул себя в грудь, рядом с пулевым отверстием. После каждого судорожного вдоха он отхаркивал ярко-красной артериальной кровью, но с трудом прохрипел какие-то слова. Я взял кусок мела и записал их на дощечке, которой мы со Стенли пользуемся для общения, когда пациенты спят.

«Ангкут тукурук! Куарубвитчук... ангаткут туркук... панига... туунбак! Таник... налуабмиу тукутауксирук... умиакпак тукутайясирук... нанук тукуткаа! Панига... тунбак нанук... ангаткут кукурук!»

Затем кровотечение усилилось до такой степени, что он больше не мог говорить. Кровь забила у него изо рта фонтаном, он стал захлебываться – хотя мы со Стенли приподняли и посадили его, пытаюсь поспособствовать прочищению дыхательных путей, – и под конец вбирал в легкие одну только кровь. Через несколько секунд ужасных мучений грудь у него перестала вздыматься, он повалился назад к нам на руки, и глаза его остекленели. Мы со Стенли опустили старика на стол.

– Осторожнее! – выкрикнул Стенли.

В первый момент я не понял предостережения коллеги – старик был мертв и недвижим, я не находил ни пульса, ни дыхания, склонившись над ним, – но потом обернулся и увидел эскимоску.

Она схватила один из окровавленных скальпелей с нашего стола для инструментов и приближалась к нам, поднимая оружие. Я сразу понял, что она не обращает на меня внимания, – ее пристальный взгляд был прикован к мертвому лицу и груди мужчины, вероятно приходившегося ей отцом или братом. За те несколько секунд перед умственным взором у меня, ничего не знающего об обычаях ее языческого племени, пронеслись тысячи самых диких образов: девушка вырезает сердце старика и, возможно, съедает оное во исполнение некоего ужасного ритуала; или извлекает глазные яблоки из глазниц мертвеца; или просто отсекает один из паль-

цев; или, возможно, добавляет новые шрамы к старым, сплошь покрывавшим тело мужчины подобием распространенных у моряков татуировок.

Она не сделала ничего подобного. Прежде чем Стенли успел схватить ее за руку и пока я, не придумав ничего лучшего, наклонился над столом в попытке загородить мертвеца своим телом, эскимосская девушка с ловкостью хирурга взмахнула скальпелем (очевидно, она всю жизнь пользовалась острыми как бритва ножами) и перерезала сыромятный ремешок, на котором висел амулет старика.

Подхватив плоский белый, испачканный кровью камень в форме медведя, она спрятала его к себе под парку и положила скальпель обратно на место.

Мы со Стенли ошеломленно переглянулись. Затем старший судовой врач «Эребуса» разбудил молодого матроса, состоявшего подручным при лазарете, и отправил его доложить вахтенному офицеру, а стало быть, и капитану, что старый эскимос умер.

4 июня (продолжение)

Мы похоронили эскимоса около половины второго пополудни – когда пробили три склянки, – затолкав завернутое в парусину тело в узкую пожарную прорубь всего в двадцати ярдах от корабля. Эта пожарная прорубь, дававшая доступ к воде в пятнадцати футах под поверхностью льда, являлась единственной, которую удавалось предохранять от замерзания этим холодным летом, – больше всего на свете моряки боялись пожара, – и сэр Джон распорядился отправить тело туда. Пока мы со Стенли с помощью багров проталкивали тело вниз по узкому воронкообразному ледяному тоннелю, мы слышали стук ледорубов и редкие проклятия, раздававшиеся в нескольких сотнях ярдов к востоку от нас, где команда из двадцати матросов трудилась всю ночь, вырубая более пристойное отверстие во льду для погребения лейтенанта Гора, которое должно состояться завтра – вернее, уже сегодня.

Среди ночи здесь было достаточно светло, чтобы прочесть стих из Библии (если бы кто-нибудь принес Библию, чтобы прочесть из нее стих, чего никто не сделал), и тусклый свет облегчал задачу нам – двум врачам и двум матросам, отряженным пособить нам, – пока мы проталкивали, пропихивали и под конец заколачивали тело эскимоса все глубже и глубже в голубой лед, под которым текла черная вода.

Эскимоска безмолвно наблюдала за происходящим, с по-прежнему бесстрастным выражением лица. Дул северо-западный ветер, и ее черные волосы развевались над испачканным капюшоном парки и метались по лицу, точно взъерошенные перья ворона.

На похоронах присутствовали одни мы – судовой врач Стенли, два запыхавшихся, тихо чертыхающихся матроса, аборигенка и я, – пока из-за пелены снегопада не выступили капитан Крозье и высокий долговязый лейтенант, которые последнюю минуту-две наблюдали за нашими усилиями. Наконец тело эскимоса с нашей помощью преодолело последние пять футов ледяного тоннеля и исчезло в черном потоке в пятнадцати футах под поверхностью льда.

– Сэр Джон запретил пускать женщину на борт «Эребуса» на ночь, – негромко сказал капитан Крозье. – Мы пришли, чтобы забрать ее на «Террор». – Затем Крозье обратился к молодому лейтенанту, которого, теперь припоминаю, звали Ирвинг: – Джон, она переходит на ваше попечение. Найдите для нее спальное место подальше от мужчин – возможно, в форпике за лазаретом, среди ящиков, – и позаботьтесь о ее безопасности.

– Слушаюсь, сэр.

– Прошу прощения, капитан, – сказал я, – но почему бы не отпустить женщину к соплеменникам?

Крозье улыбнулся:

– В обычных обстоятельствах я бы согласился с таким образом действий, доктор. Но здесь в радиусе ста пятидесяти миль нет эскимосских поселений, ни одной самой крохотной деревушки. Эскимосы – кочевой народ, особенно так называемые северные горцы, – но что привело старика и молодую девушку так далеко на север летом, в паковые льды, где нет ни

китов, ни моржей, ни тюленей, ни карибу, вообще никаких животных помимо белых медведей, вселяющих страх?

У меня не было ответа, но слова капитана едва ли имели отношение к моему вопросу.

– Вполне возможно, настанет такое время, – продолжал Крозье, – когда наша жизнь будет зависеть от того, удастся ли нам подружиться с местными эскимосами. Стоит ли нам отпускать женщину, не подружившись с ней?

– Мы убили ее мужа или отца, – заметил судовой врач Стенли, бросая взгляд на немую молодую женщину, которая по-прежнему смотрела в пустую теперь пожарную прорубь. – Наша леди Безмолвная едва ли питает к нам самые теплые чувства.

– Вот именно, – сказал капитан Крозье. – И нам совершенно не нужно, чтобы вдобавок ко всем прочим нашим проблемам эта девушка вернулась к нашим кораблям с отрядом разъяренных эскимосов, исполненных решимости перебить нас во сне. Нет, я думаю, капитан сэр Джон прав... она должна оставаться с нами, пока мы не решим, что делать... не только с ней, но и с самими собой. – Крозье улыбнулся Стенли. За два года экспедиции, сколько я помню, я еще ни разу не видел, чтобы капитан Крозье улыбался. – Леди Безмолвная. Недурно, Стенли. Весьма недурно. Пойдемте, Джон. Пойдемте, миледи.

Они двинулись сквозь метель на запад, к первой торосной гряде. Я поднялся по откосу обратно на «Эребус», вернулся в свою крохотную каюту, теперь казавшуюся мне истинным раем, и заснул крепким сном – впервые с того времени, когда лейтенант Гор повел нас на юго-юго-восток десять с лишним дней назад.

15

Франклин

70°05′ северной широты, 98°23′ западной долготы

11 июня 1847 г.

Ко дню, когда ему суждено было умереть, сэр Джон почти оправился от потрясения, испытанного при виде голой эскимосской девки.

Это была та же самая женщина – та же молоденькая индейская шлюха, которую дьявол послал искушать его во время первой злополучной экспедиции в 1819 году, распутная пятнадцатилетняя сожительница Роберта Худа по имени Зеленый Чулок, – сэр Джон не сомневался в этом. У искусительницы были та же самая кофейного цвета кожа, даже в темноте будто светившаяся, те же высокие, округлые девичьи груди, те же коричневые кружки вокруг сосков и та же темная, похожая на воронье перо полоска на лобке.

Это был тот же самый суккуб.

Увидев голую женщину на столе доктора Макдональда в лазарете – на своем корабле, – капитан сэр Джон Франклин испытал страшное потрясение, но он был уверен, что успешно скрывал свою реакцию от врачей и других капитанов до конца того бесконечно долгого, тревожного и тягостного дня.

Похороны лейтенанта Гора состоялись в пятницу вечером, четвертого июня. Многочисленной команде матросов потребовалось более суток, чтобы пробиться сквозь лед к воде для проведения морского погребального обряда, и им пришлось использовать черный порох, чтобы взорвать верхние десять футов твердого, как камень, льда, а затем взяться за кирки и лопаты, чтобы расчистить широкую воронку от взрыва и прорубить последние пять футов. Когда они закончили работу около полудня, мистер Уикс, плотник с «Эребуса», и мистер Хани, плотник с «Террора», соорудили изящный помост над отверстием размером пять на десять футов, открывающим доступ в темные морские глубины. Рабочие бригады с длинными кирками, поставленные у воронки, следили за тем, чтобы прорубь не затягивалась льдом.

В сравнительно теплой жилой палубе тело лейтенанта Гора начало быстро разлагаться, поэтому плотники изготовили массивный гроб из красного дерева, в который вставили ящик из ароматного кедра. Межстенное пространство заполнили свинцом, вместо традиционных двух пушечных ядер, какие кладутся в обычный парусиновый мешок для погребения, чтобы тело наверняка пошло ко дну. Кузнец мистер Смит выковал и покрыл гравировкой красивую мемориальную медную табличку, которую привинтили к крышке гроба красного дерева. Поскольку погребальный обряд представлял собой сплав сухопутного и более привычного морского похоронных ритуалов, сэр Джон особо оговорил, что гроб должен быть достаточно тяжелым, чтобы сразу пойти ко дну.

Когда пробили восемь склянок в начале первой собачьей вахты – в четыре часа пополудни, – две судовые команды собрались на месте погребения в четверти мили от «Эребуса». Сэр Джон приказал присутствовать на похоронах всем, оставив на кораблях лишь наименьшее допустимое количество вахтенных, и вдобавок запретил надевать что-либо поверх форменной одежды, таким образом к назначенному часу на льду собралось свыше сотни дрожащих, но одетых по всей форме офицеров и матросов.

Гроб лейтенанта Гора спустили с борта «Эребуса» и привязали к огромным саням, дополнительно укрепленным для сей печальной цели. Гроб был накрыт собственным флагом сэра Джона. Затем тридцать два матроса – двадцать с «Эребуса» и дюжина с «Террора» – медленно протащили сани с гробом четверть мили до места погребения, в то время как четверо самых молодых матросов, все еще числившиеся в списках личного состава юнгами, – Джордж

Чемберс и Дэвид Янг с «Эребуса», Роберт Голдинг и Томас Эванс с «Террора» – размеренно били в барабаны, обернутые черной тканью. Торжественную процессию сопровождали двадцать человек, включая капитана сэра Джона Франклина, командора Фицджереймса, капитана Крозье и большинство остальных офицеров и старшин в полном обмундировании, помимо тех, кто остался командовать на обоих почти пустых кораблях.

На месте погребения салютная команда морских пехотинцев в красных мундирах стояла в ожидании по строевой стойке. Возглавляемая тридцатитрехлетним сержантом Дэвидом Брайантом с «Эребуса», она состояла из капрала Пирсона, рядового Хопкрафта, рядового Пилкингтона, рядового Хили и рядового Риды с «Эребуса» (из контингента морских пехотинцев с флагманского судна здесь отсутствовал лишь рядовой Брейн, умерший почти пятнадцать месяцев назад и похороненный на острове Бичи), а также сержант Тозер, капрал Хеджес, рядовой Уилкс, рядовой Хэммонд и рядовой Дейли с «Террора». Рядовой Хизер формально по-прежнему оставался жив, но потерял часть мозга и уже не мог возвратиться к исполнению своих обязанностей.

Треуголку и шпагу лейтенанта Гора нес шагавший за погребальными саниами лейтенант Левеконт, принявший на себя должностные обязанности покойного. Рядом с Левеконтом шел лейтенант Уолтер Фейрхольм, несший голубую бархатную подушечку, на которой лежали шесть медалей, заслуженные молодым Гором за годы службы в Военно-морском флоте Великобритании.

Когда похоронная процессия приблизилась к отверстию во льду, строй из двенадцати морских пехотинцев разомкнулся, морские пехотинцы встали в две шеренги, одна против другой, и застыли на месте, взяв оружие в положение прикладом вверх, пока процессия из тянущих сани матросов, погребальных саней, почетного караула и прочих скорбящих проходила между ними.

Пока сто десять человек шагали к своим местам среди скопления офицеров, собравшихся у воронки (некоторые поднялись на торосные гряды, чтобы лучше видеть), капитаны во главе с сэром Джоном взойшли на временный помост в восточной стороне воронки. Тридцать два матроса соединенными усилиями осторожно отвязали тяжелый гроб от саней и опустили на покатые доски настила, прямо над прямоугольником черной воды. Теперь гроб покоился не только на крайних досках помоста, но и на трех пропущенных под ним толстых тросах, которые держали с одной и другой стороны те же люди, что тянули сани.

Когда глухой барабанный бой прекратился, все обнажили голову. Студеный ветер трепал длинные волосы мужчин, по сему скорбному случаю вымытые, аккуратно зачесанные назад и перевязанные ленточками. День был прохладный – термометр показал около пяти градусов во время последнего измерения температуры воздуха, проводившегося в шесть склянок, – но арктическое небо, сверкающее мириадами ледяных кристаллов, казалось твердым куполом золотистого света. Словно в честь лейтенанта Гора к солнечному диску над южным горизонтом, затянутому прозрачной искристой пеленой, присоединились еще три светила – ложные солнца, плавающие сверху и по обеим сторонам от настоящего, – связанные между собой кольцом радужного света. Многие мужчины склонили голову, потрясенные уместностью такого зрелища.

Сэр Джон провел заупокойную службу, звучным голосом, явственно слышным всем ста десяти мужчинам, собравшимся вокруг. Ритуал был хорошо всем известен. Слова звучали утешительно и обнадеживающе. И пробуждали в душе знакомые чувства. К концу панихиды уже почти никто не обращал внимания на холодный ветер, разносивший над ледяным полем знакомые фразы:

– И посему мы предаем тело его пучине, дабы оно обратилось в прах, и уповаем на воскресение тела в день, когда море отдаст своих мертвецов и новая жизнь мира приидет через Господа нашего Иисуса Христа, Который по пришествии Своем преобразит наше греховное

тело, дабы оно уподобилось Его светоносному телу, могучей силой Своей, посредством коей Он подчиняет Своей воле все и вся.

– Аминь, – хором сказали все собравшиеся.

Одиннадцать морских пехотинцев салютной команды подняли мушкеты и дали три залпа, последний из которых состоял из трех выстрелов, а не из четырех, как два предыдущие.

Когда грохнул первый залп, лейтенант Левеконт кивнул, и Сэмюел Браун, Джон Уикс и Джеймс Ригден вытащили доски из-под тяжелого гроба, который теперь висел в воздухе на трех тросах. При втором залпе гроб опустили к самой черной воде. А при последнем залпе мужчины принялись медленно выпускать тросы, пока тяжелый гроб с медной табличкой – медали и шпага лейтенанта Гора теперь лежали на крышке красного дерева – не исчез под водой.

Ледяная вода слегка взбурлила, мужчины вытянули и отбросили в сторону тросы – и прямоугольник черной воды опустел. Ложные солнца и гало на юге исчезли, и теперь лишь сумрачное красное солнце пламенело под куполом небес.

Люди молча разошлись к своим кораблям. Прошло всего две склянки первой собачьей вахты. Для большинства настало время ужина и второй порции грога.

Утром следующего дня, субботы пятого июня, обе судовые команды забились в жилые палубы своих кораблей, когда разразилась очередная летняя гроза. Дозорные в «вороньих гнездах» получили приказ спускаться вниз, а немногочисленные вахтенные, дежурившие на палубе, старались держаться подальше от металлических деталей и мачт, в то время как молнии с треском вспарывали туман, оглушительно грохотал гром, мощные электрические заряды снова и снова били в громоотводы на мачтах и крышах палубных надстроек, и голубые пальцы огня святого Эльма ползли вдоль рангоутного дерева и проскальзывали сквозь такелажную сеть. Изможденные вахтенные, спускаясь в жилую палубу после смены, рассказывали своим ошеломленным товарищам о шаровых молниях, катающихся и прыгающих по льду. Позже днем – когда молнии и разряды атмосферного электричества засверкали еще чаще и неистовее – дозорные собачьей вахты доложили о некоем крупном, слишком крупном для обычного белого медведя существе, которое бродило в тумане вдоль торосных гряд, то сокрытое от взора, то озаряемое на секунду-другую вспышками молний. Иногда, сказали они, фигура передвигается на четырех ногах, как медведь. Но порой, клялись они, она свободно ходит на двух ногах, как человек. Это существо, по словам вахтенных, кружило вокруг корабля.

Хотя барометр падал, к утру воскресенья прояснело, и температура воздуха упала на тридцать градусов – в полдень термометр показывал минус девять, – и сэр Джон оповестил обе команды, что сегодня присутствие на воскресном богослужении на «Эребусе» для всех обязательно.

Еженедельные воскресные богослужения проводились в обязательном порядке для матросов и офицеров флагманского корабля – в течение темных зимних месяцев сэр Джон собирал людей в жилой палубе, – но лишь самые набожные члены судовой команды «Террора» совершали переход по льду, чтобы на них присутствовать. Поскольку они предписывались как традицией, так и Уставом Военно-морского флота, капитан Крозье тоже проводил воскресные богослужения, но за отсутствием на борту капеллана довольствовался сокращенным вариантом – порой сводящимся единственно к чтению корабельного устава – и тратил на все про все двадцать минут против воодушевленных девяноста минут, а то и двух часов сэра Джона.

В это воскресенье выбора не было.

Во второй раз за последние три дня капитан Крозье повел по льду своих офицеров и матросов, на сей раз в зимних плащах и шерстяных шарфах поверх любой форменной одежды, и по прибытии на «Эребус» они с удивлением обнаружили, что сэр Джон собирается проводить богослужение на палубе и читать проповедь с капитанского мостика. Несмотря на бледно-голубое небо над головой – никакого золотистого купола из ледяных кристаллов или симво-

лических ложных солнц сегодня не наблюдалось, – ветер был очень холодный, и собравшиеся под шканцами матросы жались друг к другу в поисках хотя бы иллюзии тепла, в то время как офицеры с обоих кораблей стояли позади сэра Джона с наветренной стороны палубы, точно толпа облаченных в шинели псаломщиков.

Сэр Джон стоял у нактоуза, который был накрыт тем же самым флагом, что недавно накрывал гроб Гора, – дабы «служить кафедрой», согласно требованиям устава.

Проповедь продолжалась всего лишь около часа, и потому дело обошлось без отмороженных пальцев на руках и ногах.

Будучи по природе своей ветхозаветным человеком, сэр Джон вспомнил нескольких пророков и ненадолго остановился на суждении Исаии о земле: «Вот, Господь опустошает землю и делает ее бесплодной; изменяет вид ее и рассеивает живущих на ней», – и постепенно из потока слов даже самому недалекому матросу в толпе тепло закутанных людей на главной палубе стало ясно, что на самом деле командир говорит об их экспедиции, преследующей цель найти Северо-Западный морской проход, и о нынешнем их положении здесь, в ледяных пустынях, на 70°05′ северной широты и 98°23′ западной долготы.

– Земля опустошена вконец и совершенно разграблена, ибо ГОСПОДЬ изрек слово сие, – продолжал сэр Джон. – Ужас, яма и петля для тебя, житель земли! Тогда побежавший от крика ужаса упадет в яму, и кто выйдет из ямы, попадет в петлю, ибо окна с небесной высоты растворятся и основания земли потрясутся. Земля сокрушается, земля распадается, земля сильно потрясена. Шатается земля, как пьяный...

И словно в подтверждение сего страшного пророчества, лед вокруг «Эребуса» громко затрещал и палуба сотряслась под ногами людей. Обледенелые мачты и реи над ними, казалось, задрожали, а потом покачнулись взад-вперед на фоне бледно-голубого неба. Никто не тронулся с места и не издал ни звука.

Сэр Джон перешел от Исаии к Апокалипсису и нарисовал еще более ужасные картины будущего, ожидающего тех, кто отпал от своего Господа.

– Но что станет с ним... с нами... кто не нарушил завета с нашим Господом? – спросил сэр Джон. – Я призываю вас вспомнить Иону.

Некоторые матросы вздохнули с облегчением. Иону они знали.

– Господь повелел Ионе идти в Ниневию и обличить злодеяния сего города! – вскричал сэр Джон, и его зачастую слабый голос теперь набрал силу и зазвучал не хуже, чем голос любого вдохновенного англиканского проповедника. – Но Иона – как все вы знаете, друзья, – Иона бежал от этого поручения и от лица Господня, и пришел в Иоппию, и сел на первый попавшийся отплывающий корабль, который, как оказалось, направлялся в Фарсис – город, тогда находившийся за пределами известного мира. По глупости своей Иона полагал, что сможет бежать за пределы Царства Божия. «Но Господь воздвиг на море крепкий ветер, и сделалась на море великая буря, и корабль готов был разбиться». Остальное вы знаете – вы знаете, как моряки возвысили голос, спрашивая, за кого постигла их такая беда, и бросили жребий, и пал жребий на Иону. И они спросили его: «Что сделать нам с тобою, чтобы море утихло для нас?» И тогда он сказал им: «Возьмите меня и бросьте меня в море – и море утихнет для вас, ибо я знаю, что ради меня постигла вас эта великая буря». Но поначалу моряки не бросили Иону за борт, верно, друзья мои? Нет, они были отважные люди и хорошие моряки, и они усиленно гребли, чтобы привести свой тонущий корабль к суше. Но в конце концов они выбились из сил и воззвали к Господу, а затем принесли Иону в жертву, бросив за борт. И в Библии говорится: «И подготовил Господь огромную рыбу, чтобы она поглотила Иону; и был Иона во чреве этой рыбы три дня и три ночи». Заметьте, друзья мои, в Библии не говорится, что Иону проглотил кит! Нет! То был не горбач, не черный кит, не кашалот и не финвал, каких мы можем видеть в полярных водах нормальным арктическим летом. Нет, Иону проглотила «огромная рыба», которую Господь подготовил для него, – то есть чудовище морской пучины, созданное Всемо-

гущим Богом Иеговой при Сотворении мира специально для этой цели: чтобы однажды она проглотила Иону; и в Библии это чудовище в облике огромной рыбы порой называется левиафаном. Так и мы были посланы с поручением за дальний предел известного мира, друзья мои, дальше, чем находился упомянутый Фарсис – который, в конечном счете, находился всего-навсего в Испании, – мы были посланы туда, где сами стихии, похоже, восстают против человека, где молнии с треском падают со студеного неба, где холод никогда не отступает, где белые медведи бродят по замерзшей поверхности моря и где ни один человек, ни цивилизованный, ни дикий, никогда не назовет подобный край своим домом. Но мы не покинули пределов Царства Божия, друзья мои! Как Иона не проклинал свою судьбу и не сетовал на постигшую его кару, но молился Господу своему из чрева рыбы, так и мы должны не протестовать, но смириться с волей Божьей, обрекшей нас на три долгие полярные ночи во чреве льдов; и, подобно Ионе, мы должны молиться Господу, говоря: «Отринут я от очей Твоих, однако опять я увижу святой храм Твой. Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня, морскою травой обвита была моя голова. До основания гор я нисшел, земля своими запорами навек заградила меня, но Ты, Господи Боже мой, изведешь душу мою из ада. Когда изнемогла во мне душа моя, я вспомнил о Господе, и молитва моя дошла до Тебя, до храма святого Твоего. Чтущие суетных и ложных богов оставили Милосердного своего. А я гласом хвалы принесу Тебе жертву; что обещал, исполню. У Господа спасение!» И сказал Господь рыбе, и она извергла Иону на сушу. И вы, возлюбленные друзья мои, знайте в сердце своем, что мы должны по-прежнему гласом хвалы приносить Господу жертву. Мы должны исполнить, что обещали. Наш друг и брат во Христе Грэм Гор, да упокоится он с миром в лоне Господнем, увидел, что не будет нам спасения из левиафанова чрева зимы этим летом. Не будет нам спасения из холодного чрева льдов в этом году. Именно с таким сообщением вернулся бы он, когда бы остался жив. Но наши корабли целы, друзья мои. Провианта у нас хватит еще на год – и на довший срок при необходимости... на много довший. У нас есть уголь, чтобы согреть нас, но еще сильнее будет согревать нас наша дружба, а превыше всего – сознание, что Бог не оставил нас. Еще одно лето и еще одна зима во чреве этого левиафана, друзья мои, а потом, я клянусь вам, милость Господня выведет нас из этого ужасного места. Северо-Западный проход существует, он находится всего в нескольких милях за юго-западным горизонтом. Лейтенант Гор почти увидел его собственными глазами всего неделю назад, и мы доплывем до него, пройдем по нему и достигнем Тихого океана за считанные месяцы, когда эта необычайно затянувшаяся зима закончится, ибо мы воззовем к Господу, спрашивая о причине постигшей нас беды, и Он услышит нас, вопиющих из чрева самого ада, ибо Он слышит мой голос и ваши голоса. Пока же, друзья мои, нас преследует темный дух этого левиафана, явленный в образе злобного белого медведя – но всего лишь медведя, всего лишь бессловесной твари, пусть она и старается служить Сатане, – однако, подобно Ионе, мы станем молиться Богу о том, чтобы сей ужас миновал нас, в уверенности, что Господь услышит наши голоса. Убейте этого зверя, друзья мои, и в день, когда он падет от руки любого из вас, я торжественно обещаю заплатить всем вам до единого по десять золотых соверенов из собственного кармана.

В толпе, собравшейся на шкафуте, прокатился приглушенный гул голосов.

– По десять золотых каждому, – повторил сэр Джон. – Не просто награда человеку, который убьет зверя, как Давид убил Голиафа, но поощрение каждому из вас, всем поровну. Вдобавок ко всему вы по-прежнему будете получать свое жалованье, назначенное вам Службой географических исследований, и плюс к нему, я даю вам слово, получите сумму, равную вашему авансу, в качестве вознаграждения – в обмен всего лишь еще на одну зиму во льдах, проведенную в сытости, в тепле и в ожидании таяния льдов!

Если бы во время богослужения допускался смех, люди не сдержали бы радостного смеха. Вместо этого они просто принялись ошеломленно переглядываться, с уже побелевшими от мороза лицами. По десять золотых соверенов каждому! И сэр Джон пообещал вознагражде-

ние в сумме, равной авансу, размер которого главным образом и побудил многих из матросов наняться в экспедицию: тридцать три фунта почти для всех! Когда можно снять комнату за шестьдесят пенсов в неделю... то есть за двенадцать фунтов в год. И это сверх жалованья, выплачиваемого Службой географических исследований, которое для простых матросов составляет шестьдесят фунтов в год – в три с лишним раза больше, чем может заработать любой чернорабочий на берегу! Семьдесят пять фунтов – для плотников, семьдесят – для боцманов и целых восемьдесят четыре фунта – для инженеров.

Люди улыбались, продолжая незаметно притопывать ногами, чтобы не лишиться пальцев.

– Я приказал мистеру Дигглу на «Терроре» и мистеру Уоллу здесь, на «Эребусе», приготовить нам праздничный обед в ознаменование нашей грядущей победы над временными трудностями и безусловно ожидающего нас успеха в деле открытия Северо-Западного морского прохода, – возгласил сэр Джон со своего места за накрытым флагом нактоузом. – На обоих кораблях я разрешил сегодня выдать добавочные порции рома.

Люди с «Эребуса» могли лишь уставиться друг на друга, разинувши рот. Чтобы сэр Джон Франклин разрешил выдать гог в воскресенье – да к тому же с добавкой?!

– Присоединитесь же ко мне в следующей молитве, друзья мои, – сказал сэр Джон. – Всеблагий Боже, обрати к нам снова лицо Твое и будь милосерден к слугам Твоим. Яви нам милость Твою, и поскорее, дабы мы возрадовались и ликовали до скончания своих дней. Утешь нас снова после того, как подвергал нас суровым испытаниям, во искупление тяжких лет, когда мы терпели бедствия. Яви слугам Твоим благую волю Твою и детям Твоим – славу Твою. Да пребудет на нас блистательное могущество Господа Бога нашего; благослови всякое дело рук наших, о Господи, благослови всякое наше начинание. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Ныне и присно и во веки веков. Аминь.

– Аминь, – откликнулись хором сто пятнадцать голосов.

В течение четырех суток после проповеди сэра Джона, несмотря на налетевшую с северо-запада снежную бурю, ограничивавшую видимость и отравлявшую жизнь, по замерзшему морю день и ночь раскатывалось эхо от грохота дробовиков и треска мушкетов. Все мужчины, которые могли найти причину выйти на лед, – охотничьи отряды, команды, следящие за состоянием пожарной проруби, посыльные, доставляющие сообщения с одного корабля на другой, плотники, испытывающие свои новые сани, матросы, получающие разрешение выгулять пса по имени Нептун, – брали с собой оружие и палили во все, что движется или производит в тумане впечатление объекта, способного двигаться. Никто из людей не погиб, но троим пришлось обратиться к доктору Макдональду или доктору Гудсиру с просьбой извлечь пули у них из бедер.

В среду охотничий отряд, не сумевший найти тюленей, вернулся с тушей белого медведя, уложенной поперек на двое связанных вместе саней, и живым медвежонком размером с маленького теленка.

Люди немного пошумели насчет десяти золотых соверенов, причитающихся каждому, но даже сами охотники, убившие зверя в миле к северу от корабля (чтобы завалить медведя, потребовалось произвести дюжину выстрелов из двух мушкетов и три из дробовика), вынуждены были признать, что он слишком малых размеров – меньше десяти футов в длину, когда разложен на окровавленном льду, – слишком худой и слишком похож на самку. Они убили медведицу, но оставили в живых скулящего медвежонка, которого притащили с собой, привязав к саням сзади.

Сэр Джон спустился с корабля, чтобы осмотреть мертвого зверя, похвалил людей за добычу свежего мяса – хотя все терпеть не могли вареную медвежатину, а этот тощий медведь казался еще более жилистым и жестким, чем большинство остальных, – но указал, что

он никак не может являться тем чудовищем – левиафаном, – которое убило лейтенанта Гора. Медведица была изрешечена пулями, но в груди у нее не нашли ни старой раны от пистолетного выстрела, ни пистолетной пули. По ним, объяснил сэр Джон, они опознают настоящего чудовищного медведя.

Одни мужчины хотели приручить медвежонка, поскольку он был уже отлучен от матери и мог питаться размороженной говядиной, а другие хотели зарезать его прямо здесь и сейчас, но по совету сержанта морской пехоты Брайанта сэр Джон приказал оставить детеныша в живых и посадить на цепь у вбитого в лед столба. Вечером той самой среды, девятого июня, сержанты Брайант и Тозер вместе с помощником капитана Каучем и старым Джоном Мюрреем, единственным оставшимся в экспедиции парусным мастером, попросили разрешения поговорить с сэром Джоном в его каюте.

– Мы неправильно подходим к делу, сэр Джон, – начал сержант Брайант, выступавший от лица небольшой группы. – Я имею в виду, к охоте на зверя.

– Почему? – спросил сэр Джон.

Брайант махнул рукой, словно указывая на мертвую медведицу, которую в данный момент свеживали на окровавленном льду.

– Наши люди не сведущи в охоте, сэр Джон. На борту обоих кораблей нет настоящих охотников. Самые опытные из нас хорошо стреляют птицу на суше, но не крупную дичь. О, мы сумеем завалить оленя или арктического карибу, коли нам еще доведется встретить таких, но наш белый медведь – поистине грозный враг, сэр Джон. Раньше мы убивали медведей скорее по счастливой случайности, нежели благодаря своему мастерству. У этого зверя столь толстые кости черепа, что мушкетной пулей не пробить. На теле у него так много жира и мышц, что он подобен средневековому рыцарю, закованному в латы. Он настолько могуч – даже не самые крупные особи, каких вы видели, сэр Джон, – что даже выстрел из дробовика в брюхо или винтовочный выстрел в легкие для него не смертелен. Попасть медведю в сердце очень трудно. В эту тощую самку пришлось выстрелить дюжину раз из мушкета и дробовика с близкого расстояния, и даже тогда она сумела бы убежать, когда бы не осталась, чтобы защитить своего детеныша.

– Что вы предлагаете, сержант?

– Маскировочная палатка, сэр Джон.

– Маскировочная палатка?

– Как на утиной охоте, сэр Джон, – сказал сержант Тозер, морской пехотинец с фиолетовым родимым пятном на бледном лице. – У мистера Мюррея есть мысль, как это сделать.

Сэр Джон повернулся к старому паруснику с «Эребуса».

– Мы возьмем запасные железные прутья, предназначенные для замены шпинделей, сэр Джон, и изогнем их, придав нужную им форму, – сказал Мюррей. – Таким образом, мы получим легкий каркас для маскировочной палатки, похожей на обычную. Только она будет не пирамидальной формы, как наши палатки, – продолжал Джон Мюррей, – а вытянутая и низкая, вроде ярмарочной парусиновой палатки, милорд.

Сэр Джон улыбнулся:

– Но разве медведь не заметит ярмарочную парусиновую палатку на льду, джентльмены?

– Нет, сэр, – сказал парусник. – Я скрою, сошью и покрашу маскировочную палатку в белый цвет до наступления ночи или сумерек, которые мы здесь называем ночью. Мы установим ее возле низкой торосной гряды, с которой она будет сливаться. Видна будет только длинная узкая горизонтальная прорезь наподобие амбразуры. Из досок, пошедших на погребальный помост, мистер Уикс соорудит скамьи, чтобы стрелкам не пришлось морозить задницы на льду.

– И сколько стрелков вы предполагаете разместить в этой... гм... маскировочной палатке? – спросил сэр Джон.

– Шесть, сэр, – ответил сержант Брайант. – Беглый огонь такой мощи убьет медведя. Как тысячами убивал приспешников Наполеона в битве при Ватерлоо.

– Но что, если у медведя чутье лучше, чем у Наполеона при Ватерлоо? – спросил сэр Джон.

Мужчины хихикнули, но сержант Тозер сказал:

– Об этом мы подумали, сэр Джон. В последние дни преобладает ветер с северо-северо-запада. Если мы поставим маскировочную палатку у низкой торосной гряды неподалеку от места, где упокоился бедный лейтенант Гор, сэр, все широкое пространство ровного льда к северо-западу будет отлично простреливаться. Почти сотня ярдов открытого пространства. Велика вероятность, что зверь спустится с более высоких торосных гряд со стороны, откуда дует ветер, сэр Джон. А когда он достигнет нужного нам места, получит разом десяток пуль в сердце и легкие, сэр.

Сэр Джон задумался.

– Но нам придется отозвать всех людей обратно на корабль, сэр, – сказал Эдвард Кауч, помощник капитана. – Пока столько народа бегает по льду, паля по каждому сераку и при каждом порыве ветра, ни один уважающий себя медведь не подойдет к кораблю ближе чем на пять миль, сэр.

Сэр Джон кивнул:

– Но что привлечет нашего медведя на это отлично простреливаемое открытое пространство, джентльмены? Вы подумали о приманке?

– Так точно, сэр, – ответил сержант Брайант, теперь улыбаясь. – Этих убийц всегда привлекает свежее мясо.

– У нас нет свежего мяса, – сказал сэр Джон. – Даже кольчатой нерпы.

– Верно, сэр, – согласился сержант морской пехоты. – Но у нас есть медвежонок. Как только мы соорудим и установим маскировочную палатку, мы зарежем звереныша, выпустив из него побольше крови, сэр, и оставим тушку на льду ярдах в двадцати пяти от нашей огневой позиции.

– Так вы полагаете, этот зверь пожирает себе подобных? – спросил сэр Джон.

– О да, сэр, – сказал сержант Тозер, чье лицо слегка покраснело под фиолетовым родимым пятном. – Мы думаем, этот зверь сожрет все, что истекает кровью или пахнет мясом. А когда он примется за дело, мы откроем по нему бешеную пальбу, сэр, а потом получим по десять соверенов на каждого, потом перезимуем, потом пройдем по Северо-Западному проходу и с триумфом вернемся домой.

Сэр Джон рассудительно кивнул.

– Так и сделайте, – сказал он.

В пятницу одиннадцатого июня, во второй половине дня, сэр Джон с лейтенантом Левеконтом вышел на лед взглянуть на маскировочную палатку.

Двоим офицерам пришлось признать, что даже с расстояния тридцати футов палатка практически невидима, встроенная в низкую ледяную гряду поблизости от места, где сэр Джон произносил надгробное слово. Белая парусина почти полностью сливалась со снегом, а в прорези амбразуры через неравные промежутки висели лоскуты, разбивающие сплошную горизонтальную линию. Парусник и оружейник натянули парусину на железные прутья каркаса так ловко, что даже на крепчающем ветру, сейчас гнавшем по открытому льду, материя нисколько не хлопала.

Левеконт провел сэра Джона по обледенелой узкой тропе за торосной грядой, держась вне сектора обстрела, а потом через низкий ледяной вал, к входному отверстию в задней стенке палатки. Там находился сержант Брайант с морскими пехотинцами с «Эребуса» – капралом

Пирсоном и рядовыми Хили, Ридом, Хопкрафтом и Пилкингтоном; при появлении начальника экспедиции мужчины начали вставать.

– О нет, нет, джентльмены, сидите, – прошептал сэр Джон.

Скамья из длинных досок, положенных на железные скобы, вделанные в железные стойки в одном и другом конце длинной узкой палатки, имела значительную высоту, позволявшую морским пехотинцам вести прицельный огонь сидя, когда они не стояли у амбразуры. Под ногами у них был дощатый настил. Заряженные мушкеты стояли перед ними. В тесной палатке пахло свежим деревом, мокрой шерстью и ружейным маслом.

– Давно вы ждете? – прошептал сэр Джон.

– Пять часов без малого, – шепотом ответил сержант Брайант.

– Вы, наверное, замерзли.

– Нисколько, сэр, – приглушенным голосом сказал Брайант. – Ширина палатки позволяет нам прохаживаться взад-вперед время от времени. Морские пехотинцы с «Террора» под командованием сержанта Тозера сменяют нас, когда пробьют две склянки.

– Вы видели что-нибудь?

– Пока нет, сэр, – ответил Брайант. Сержант и двое офицеров подались к амбразуре, и лица им обдало холодным воздухом.

Сэр Джон видел тушку медвежонка, кричаще-красную на фоне льда. С него содрали шкуру, не тронув только маленькую белую голову, спустили кровь в ведра и разлили повсюду вокруг тушки. Ветер гнал поземку по открытому ледяному полю, и вид красной крови на фоне белого, серого и бледно-голубого действовал на нервы.

– Нам еще предстоит проверить, пожирает ли наш враг себе подобных, – прошептал сэр Джон.

– Так точно, сэр, – сказал сержант Брайант. – Не желает ли сэр Джон присесть к нам на скамью, сэр? Здесь вполне достаточно места.

Места было не вполне достаточно, особенно когда широкий зад сэра Джона добавился к крепким мускулистым седалищам, уже размещенным одно к другому на досках. Но когда морские пехотинцы поспешно потеснились, скамьи как раз хватило на семерых мужчин, сидящих вплотную друг к другу (лейтенант Левеконт остался стоять). Сэр Джон обнаружил, что лед отсюда просматривается довольно хорошо.

В этот момент капитан сэр Джон Франклин был счастлив настолько, насколько вообще мог быть в мужской компании. Сэру Джону потребовались многие годы, чтобы осознать, что он чувствует себя гораздо свободнее и непринужденнее в обществе женщин – в том числе утонченных и легковозбудимых, как его первая жена Элеонора, и сильных и неукротимых, как его нынешняя жена Джейн, – чем в обществе мужчин. Но в течение нескольких дней, прошедших с последнего воскресного богослужения, офицеры и матросы улыбались ему, приветливо кивали и бросали на него одобрительные взгляды чаще, чем когда-либо за пятнадцать лет его службы во флоте.

Да, действительно, обещание заплатить по десять золотых соверенов каждому – не говоря уже об удвоении аванса, равного пятимесячному жалованью матроса, – было дано в неожиданном приливе добрых чувств, под влиянием момента. Но сэр Джон располагал значительными финансовыми средствами, а если с ними что случится за три с лишним года его отсутствия, он не сомневался, что сможет воспользоваться личным состоянием леди Джейн для покрытия этого нового долга чести.

В общем и целом, рассудил сэр Джон, предложение денежного вознаграждения – и даже неожиданное разрешение употреблять грог на борту его корабля, где спиртное всегда находилось под строгим запретом, – было поистине блистательным ходом. Как и все остальные, сэр Джон был глубоко удручен внезапной смертью Грэма Гора, одного из самых многообещающих молодых офицеров во флоте. Скверные новости об отсутствии пригодных для навигации про-

ходов во льдах и ужасная неизбежность еще одной зимовки здесь повергли всех в тяжелое уныние, но, пообещав по десять золотых соверенов каждому и устроив единственный праздничный день на двух кораблях, он временно решил эту проблему.

Разумеется, имелась и другая проблема, о которой ему сообщили четыре медика только на прошлой неделе: среди консервированных продуктов все чаще и чаще находили испорченные (вероятно, дело было в плохо запаянных банках), – но сэр Джон решил пока не думать об этом.

Ветер гнал по широкому ледяному полю поземку, временами скрывавшую от взора крохотную тушку в луже свертывающейся, замерзающей крови на голубом льду. Никакого движения среди окрестных торосных гряд и ледяных башен не наблюдалось. Мужчины справа от сэра Джона хранили полное спокойствие, один жевал табак, остальные сидели, положив руки в рукавицах на стволы своих мушкетов. Сэр Джон знал, что они сбросят рукавицы в мгновение ока, стоит только их левиафану появиться на льду.

Сэр Джон улыбнулся, осознав, что запоминает эту сцену, этот момент как интересный эпизод, который впоследствии расскажет Джейн, дочери Элеоноре и любимой племяннице Софии. В последние дни он часто поступал таким образом: рассматривал тяготы зимовки во льдах как ряд занимательных эпизодов и даже облачал оные в слова – не в избыточное количество слов, а ровно в такое, какое необходимо, чтобы завладеть восторженным вниманием слушателей, – для будущего использования в кругу своих милых дам и во время обедов в гостях. Этот день – дурацкая маскировочная палатка с амбразурой, набившиеся в нее мужчины, хорошее настроение, запах ружейного масла, шерсти и табака, даже низкие серые облака, снежная поземка и легкое напряжение в ожидании добычи – сослужит ему добрую службу в грядущие годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.